

к 63.31
7146
— 201600—

Н.Н.ПАЛЬМОВ

ОЧЕРК ИСТОРИИ
КАЛМЫЦКОГО
НАРОДА
ЗА ВРЕМЯ
ЕГО ПРЕБЫВАНИЯ
В ПРЕДЕЛАХ
РОССИИ

кР.

К 63.31
П 146

Серия "Наше наследие"

Н.Н.ПАЛЬМОВ

ОЧЕРК ИСТОРИИ
КАЛМЫЦКОГО
НАРОДА
ЗА ВРЕМЯ
ЕГО ПРЕБЫВАНИЯ
В ПРЕДЕЛАХ
РОССИИ

2-е издание

РегРК

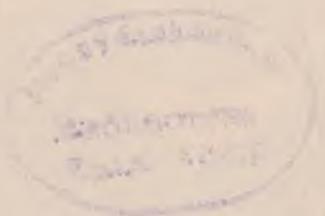
— 701600 —

2

Элиста
Калмыцкое книжное издательство
1992

ББК 63.3 (2Р-6Ка)

П 146

П 0503020900 — 026 7-92
М 126(03) — 92
ISBN 5-7539-0195-6

© Калмыцкое книжное издательство, 1992
© Л.С.Бурчинова. Предисловие. 1992.
© В.И.Пуринов. Оформление. 1992.

СЛОВО ОБ АВТОРЕ

/Предисловие ко 2-му изданию/

Российские революции, особенно Октябрьская 1917 г., стали рубиконом в жизненных судьбах миллионов людей, и в первую очередь народов самой России, всколыхнув все социальные слои её многонационального населения, привели к победе новой идеологии. Нетерпимость последней к инакомыслию, особенно к религии обрекли её па безысходность. Жить ущемленными, обделенными, а то и вовсе изгоями в собственной стране стало горьким уделом всех верующих, служителей религии. Не все из них прошли йспытания временем и, не отрекшись от своих убеждений, обрели место в новой жизни. Еще меньше среди них было тех, кто, не став носителем победившей идеологии, достиг общественного признания, чьи имена были вписаны в историческую летопись пореволюционной, советской эпохи.

Показателен в этом отношении творческий путь внука священника, сына учителя истории и закона божьего Николая Николаевича Пальмова, профессора Киевской духовной академии, человека далекого от политики и преданного науке и народному просвещению. Революционные потрясения в стране вынудили его уйти из духовной /религиозной/ сферы деятельности в светскую /гражданскую/, но он остался верным своему призванию исследователя и учителя — наставника молодого поколения. Ему, продолжателю лучших традиций академической отечественной науки, было суждено стать у истоков советского исторического калмыковедения, быть организатором архивного, музейного дела, заниматься просвещением широких трудовых масс в Калмыкии, впервые после

ликвидации государственности в 1771 г. получившей право на её восстановление в рамках автономной области.

Творческий путь Н.Н.Пальмова в дореволюционный период — самый продолжительный в отведенной ему судьбой жизни, но наименее изученный из-за скудности автобиографических, анкетных данных.

Род Пальмовых восходит к потомственным русским дворянам. Его дед, Гавриил Пальмов /отчество внук не указал/, за год до рождения Николая Николаевича 25 декабря /по старому стилю/ 1872 г. стал протоиереем, то есть старшим священником в православном кафедральном соборе г. Астрахани, в котором начинал служить еще в 1845 г. ключарем. До конца XIX века он имел этот высокий чин и был довольно известным человеком в городе.

Отец, Николай Гаврилович Пальмов — выпускник Киевской духовной академии 1869 г., после кратковременного пребывания в Пермской и Черниговской духовных семинариях, где первоначально служил инспектором, а затем преподавал, вернулся и навсегда остался в Астрахани. Здесь до выхода в 1895 г. на пенсию вел уроки истории и закона божьего в женской и мужской гимназиях. Он был членом правления мужского духовного училища, семинарии, председательствовал в Совете епархиального женского училища. На склоне лет некоторое время служил священником в местном Благовещенском женском монастыре. За свой добросовестный труд получал неоднократно благодарности, был награжден орденом Владимира 3-й степени и серебряной медалью на Александровской ленте. Являясь почетным членом учрежденного при Киевской духовной академии Богоявленского братства и действительным членом Астраханской духовной консистории, был цензором церковных проповедей и неофициальной части "Астраханских епархиальных ведомостей".

Широкая просвещенность и особый интерес к истории побудили его поддержать идею организации в 1874 г. губернского краеведческого общества в память посещения Астрахани Петром I в 1722 г. и в связи с 200-летием со дня рождения первого русского императора. Названное "Петровским" общест-

во исследователей Астраханского края сделало немало для изучения истории и культуры народов, населявших его в древности.

Семейная традиция изучения богословия и истории предопределила будущность наследника рода Пальмовых. Была надежда, что он пойдет проторенной тропой старших и достигнет в жизни большего, чем они.

Пришло время, и его отдали учиться в местную духовную семинарию. По её окончании Николай Николаевич поступает в Киевскую духовную академию. Здесь его выбор пал на отделение словесности. В процессе учебы у него зародился интерес к археологии и истории церковного искусства. Закончив академию кандидатом-магистрантом /1897 г./ и позднее защитив диссертацию на тему "Пострижение в монашество" /опубликована с приложением греческих текстов в 1914 г. в Киеве/, по прохождении конкурса Николай Пальмов становится профессором в академии /1912-1918 гг./.

Следуя академической практике, профессор Пальмов, читая лекционный курс на кафедре, продолжает изучать историю, археологию и искусство. Его работы печатаются в трудах Киевской духовной академии, Российской академии наук. Некоторые авторские исследования издаются отдельными оттисками. Он становится членом Киевского и затем Московского археологических обществ, а также участвует в деятельности учрежденного при Киевском университете общества Нестора-летописца и в 1917 году в организации Киевского археологического института.

Первая российская революция 1905-1907 гг. не внесла существенных перемен в личную и творческую судьбу профессора. Последующие революции 1917 г. — Февральская и Октябрьская — и вслед за ними разгоревшаяся гражданская война не обошли его стороной. Размеренно - умиротворенная жизнь, когда казалось, что все известно наперед, была вконец разрушена. Что делать, как поступить и определить свой путь в гибнущем старом и рождающемся новом мире? В этот поворотный момент истории Отечества еще не старому, но далеко и не молодому профессору вспомнилось тепло отцовского очага.

В 1918 году Пальмов возвратился на родину, город Астрахань, где начался самый плодотворный период в его творческой биографии.

Одним из важных событий в обновляющейся жизни губернской российской окраины было открытие в 1918 г. университета и в 1920 г. института народного образования. Пальмов по конкурсу избирается профессором университетской кафедры и преподает в институте. Его приглашают читать лекции в только что организованные художественные мастерские. Одновременно он становится вице-президентом созданной при университете научной ассоциации. Он весь уходит в работу. Изучение древней истории края настолько увлекает профессора, что полностью поглощает все его свободное время. Перспектива широкого и углубленного исследования культуры дохазарской, хазарской и золотоордынской эпох была многообещающей. В её претворении особую надежду он возлагает на помощь со стороны Российской академии наук, Академии истории материальной культуры, куда и представляет свои первые результаты исследований. Академик В.В.Бартольд счел необходимым лично выразить благодарность Пальмову за предпринимаемые им попытки обследовать археологические памятники края. Благодаря полученным результатам основательного изучения, по мнению академика, мог подтвердиться ряд выводов лингвистов, в том числе и некоторые положения яфетической концепции академика Н.Я.Марра.

Возлагая большие надежды на работу в университете, Пальмов ждал с нетерпением открытия в нем кафедр тюркологии, монголо-калмыцкой, армянской, грузинской филологии, истории Востока, этнографии. Выписка из выступления профессора Петроградского университета В.Смирнова об этом бережно хранилась в домашнем архиве Пальмова. Но не всем его помыслам было суждено сбыться. Оказались ограниченными планы реализации центральных научных учреждений. Последовавшее вскоре закрытие Астраханского университета, а затем трудности с изданием своих трудов не позволяли ученому так развернуть исследования, как он намечал. Имея издавна большую склонность к археологии и меньшую к истории, ученый на протяжении всей своей творчес-

кой жизни вынужден был заниматься последней. Он хотел на основании комплексного изучения археологических памятников и других источников создать фундаментальный труд о прошлом Астраханского края. Но жизнь диктовала свое. Время проходило за срочной подготовкой множества разных справочных материалов, небольших исследований. Только упорство, трудолюбие, терпение христианина заставляли его не терять надежды. В эти нелегкие, полуголодные годы Пальмову приходилось мириться с бытовыми и другими неурядицами, жить такой жизнью, какой жили окружающие. В те нелегкие годы творческая интеллигенция, чтобы выжить, бралась за всякую работу, далекую порой от специальности, интересов и наклонностей. Не хватало многого. Лишившись прежнего материального достатка, ученый оказался в числе тех, кому приходилось, живя в родном городе, снимать квартиру, столоваться у чужих людей, так как его домашний очаг был разорен. Последним его пристанищем стал дом №6 на улице, переименованной в память убитого в 1923 году в Лозанне государственного и общественного деятеля, литературного критика Советской России В.В.Воровского. Живя далеко от центра на известном горожанам своими знаменитыми виноградниками Паробичевом бугре, он должен был ежедневно тратить много времени, чтобы добраться до трамвайной остановки, а затем доехать в людской толкотне до работы. Не было не только денежных и других средств на ведение археологических раскопок, но не хватало даже обыкновенной писчей бумаги, чернил, перьев. Приходилось экономить на всем. Пальмов чаще всего, за редким исключением, свои работы писал в единственном рукописном экземпляре. Отсылая рукопись по месту требования, он неоднократно, беспокоясь, обращался на почту. Не раз случалось, что рукопись терялась, и ему приходилось заново её воссоздавать. Перепечатка на машинке была для него непозволительной роскошью при его постоянном безденежье. К тому же машинистки нередко допускали опечатки, которые надо было выправлять, а это требовало времени, которого постоянно не хватало. Работал ученый с раннего утра до вечера с небольшими перерывами для отдыха в поздние ночные часы.

Считая вредным для исследователя делать хотя бы краткие перерывы в работе, он никогда не пользовался трудовыми отпусками. А как он досадовал и переживал, когда однажды, поскользнувшись в гололед, упал и повредил руку, на лечение которой было потрачено бесценное для него время. Профессор очень торопился многое успеть сделать, как будто предчувствовал, что ему судьбою отведено всего лишь десяток с небольшим лет жизни.

В начале 1921 г. Пальмова пригласили возглавить работу архивно-музейной секции, впервые организованной при Отделе народного образования Калмыцкой автономной области. Войдя в известное ему с детства на Облупинской площади каменное здание бывшего имперского Управления калмыцким народом, где теперь расположились новые органы советской власти Калмыкии, он увидел в подвальном помещении архив и библиотеку, а точнее то, что ими прежде называлось. В гражданскую войну архивные дела и книги сильно пострадали, многие из них бесследно исчезли. Приступив к работе в новой для него должности, он увлекся. Перед ученым раскрывалась почти неизвестная часть истории края — история калмыков, прикочевавших из далекой азиатской Джунгарии в низовье Волги, блестящие и трагические этапы трехвековой их жизни в России. Ранее об этом монголоязычном народе, принесшем в Европу первым одну из мировых религий — буддизм и с перекочевкой которого завершились в истории человечества великие миграции в южные евразийские степи, он знал больше, чем рядовой обыватель. Калмыковедение глубоко заинтересовало его тем более, что не противоречило его увлечению древними средневековыми культурными пластами Астраханского края. Не отказываясь от изучения истории Хазарии, Золотой Орды, роли их в культурных связях с Кавказом, Киевской Русью, а также раннего христианства на Древнем Кавказе, ученый предполагал познакомиться с историей образования в этом крае последней кочевой государственности, её культурой и религией.

Взявшись за организацию архива и национального музея в Калмыцкой автономной области, а затем вскоре с их разделением возглавив первый из них, Пальмов значительную долю времени посвятил но-

вой теме. Уже первое обращение к документам Калмыцкого архива позволило ему высказать свое собственное мнение, дать оценку работам предшественников. Ему импонировало, что заметки, статьи, книги о калмыках касались разных сторон их жизни и основывались чаще всего на личных наблюдениях авторов. Такого рода литературу он оценивал как один из важных источников. Но его не могло не смущать то, что в своих свидетельствах авторы допускали неточности, искажения, очень плохо знали национальную историографию, недостаточно пользовались материалами богатейших архивохранилищ. Фундаментальность знаний, основательность выводов ученого проявились в первой же работе, написанной за три месяца в 1922 г. Это был "Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России". Предназначенный для специалистов и самого широкого круга читателей, он воспринимался как попытка автора выполнить социальный заказ новой исторической эпохи. С воссозданием национальной государственности калмыцкий народ обрел права на собственную культуру, образование, науку, и, естественно, осмысление пройденного исторического этапа было необходимо ему для уяснения настоящего и будущего развития. Поэтому попытка Пальмова обобщить прошлое Калмыкии в "Очерке..." была очень своевременна и в определенной степени близка "Русской истории в самом сжатом очерке" /Ч.1-2, М.1920. Ч.3. М., 1923/. М.Н.Покровского, с именем которого связано становление марксистской исторической науки.

Концептуально "Очерк..." Пальмова и "Сжатый очерк..." Покровского, написанные в одно и то же время, отражали разные подходы ученых к оценке развития исторического процесса. Покровский рассматривал историю как борьбу классов, в которой главной и ведущей силой являлись трудовые массы. Акцентировав внимание в "Сжатом очерке..." на анализе общественного, революционного движения и показав закономерность и неизбежность российских революций, он связывал эволюцию капиталистического процесса в России прежде всего с развитием торговли и торгового капитала, за что позднее, после смерти /1932 г./, в период культа личности Сталина

его критиковали и обвиняли даже в антимарксизме. Пальмов и его "Очерк...", как, впрочем, и все последующие его работы, были очень далеки от этого.

Пальмов не был и не стремился быть марксистом, но он и не встал на позиции крайнего антимарксизма, так как никогда не был политиком в полном смысле этого понятия. Как личность он сформировался в религиозной среде, и в последующем преданное служение богословским заповедям сделало его духовно терпимым ко всем мирским переменам, в том числе и к собственной судьбе. Все эти обстоятельства объясняют, почему он не эмигрировал и почему его личная и творческая жизнь в новой исторической эпохе складывалась и протекала относительно спокойно. По времени она пришлась на 20-е — начало 30-х годов, когда в исторической науке под влиянием еще не изжитой эйфории от революционных побед принцип авторитарной партийности не возобладал и продолжали действовать домарксистские концепции. Были живы и продолжали творить их носители, которые не все под давлением новой утверждавшейся идеологии перестраивались. В начале 20-х годов в борьбе с антимарксизмом в самом марксизме начинали преобладать антиподные тенденции. Оказавшись в столь сложных условиях, Пальмов оставался в одном ряду с неэмигрировавшей частью отечественной ученой профессуры, которая придерживалась прежних домарксистских позиций в науке, "Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России" открывал новую страницу в списке трудов профессора Пальмова. Он стал его первой авторской работой, вышедшей в советской печати. Остальные, ранее подготовленные к изданию в период его работы в университете и институте, остались в рукописях. "Очерком..." открывался журнал Калмыкии "Ойратские известия", и издатель журнала — Калмыцкое книжное издательство — в 1922 г. дополнительно, отдельным оттиском напечатало его работу.

Пальмов не случайно свою работу назвал очерком. Объяснение этому читатель найдет в авторском предисловии к нему. В нем он указывал, что его работа не более как опыт исторического очерка, посвященного политическим и историко-правовым

сюжетам. Другие сюжеты, затрагивающие социально-экономическую, культурную жизнь народа, остались вне авторского внимания. "Очерк..." по собственной оценке Пальмова далек от совершенства и "предполагает улучшение и пополнение... по мере дальнейшего ознакомления с архивными и иными материалами". В заключение предисловия, следуя традиционной научной этике, ученый приносил извинения читателям за неполноту и недостатки своего первого опыта и одновременно выразил благодарность за предоставление необходимой литературы М.М.Хаглышеву, Ф.И.Плюнову, Л.К.Карвину и особенно А.А.Лебединскому — своему помощнику в архивной работе.

В предисловии, насколько позволял его малый размер, ученый высказывает свое компетентное мнение относительно создания всесторонней, всеобъемлющей истории калмыцкого народа. Как считает Пальмов, при всей её правомерности и безотлагательности необходимо, во-первых, серьезно и основательно подготовиться, и, во-вторых, подготовительный этап не мыслим без участия "целой плеяды ученых и образованных работников. Здесь необходимы и лингвисты, и этнографы, и юристы, и археологи, и экономисты, и художники. От каждого из них требуется известная доля участия в деле собирания материалов, на основании которых историк будет в состоянии производить обобщения и создавать научные построения". И далее "необходимо предварительное собрание, изучение и издание разнообразных материалов и прежде всего — архивных". Мысли ученого, являющиеся непреложной истиной не только в деле создания калмыцкой истории, но и в целом для исторической науки вне временных и каких-либо иных границ, были особенно важны на этапе формирования исторического калмыковедения. Определяя и конкретизируя в целом его становление и перспективу развития, мысли Пальмова не потеряли своего значения в последующее время. В наши дни они продолжают звучать так же актуально для работников науки и не только для них.

Как полновесному фундаменту исторической науки в Калмыкии Пальмов большое значение придавал выяснению и уточнению тех или иных исторических

событий. На первый взгляд, да так оно и было, он чрезмерно был пристрастен к ним. Эта склонность и привязанность к фактологическому изложению — характерная особенность его работ. Понимание того, что он выступает первопроходцем в воссоздании исторического процесса, заставляло его тщательно, насколько это было возможно, выверять каждый излагаемый факт. Отсюда проистекала содержательная насыщенность исследования, чем особенно ценны его маленькие заметки, статьи и такой капитальный труд, как "Этюды по истории приволжских калмыков" /Ч.I-V. Астрахань, 1926-1932/.

В работе с источниками Пальмов не скрывал и другого своего пристрастия. Он был неравнодушен к архивным материалам. Бесменно возглавляя до самой кончины Калмыцкий архив, он постоянно изучал документы, делал большое число выписок по самым разным вопросам. Тщательность и основательность, с которой он делал эту черновую, отнимающую большую часть времени работу, позволяли ему быть почти всегда готовым к выполнению разного рода заданий и к сотрудничеству с научными, архивными учреждениями, учебными заведениями, быть чрезвычайно интересным собеседником и для ученого, и работника советско-партийного аппарата, и студента. Имя Пальмова было хорошо знакомо современникам. На лекциях, которые он читал для работников Калмыцкого исполкома, по свидетельству писателя К.Ерымовского, всегда было полно слушателей. Старожилы, знатоки калмыцкой жизни сообщали ему необходимые ценные сведения. Председатель Калмыцкого исполкома Х.Б.Кануков, в прошлом учитель, помогал ученому воссоздать историю донских калмыков-казачков. Подготовленная к публикации рукопись монографии, к сожалению, так и не вышла в свет. Дружба этих двух известных в Калмыкии людей зародилась задолго до работы над рукописью. Кануков позаботился, чтобы изыскать средства для издания пальмовских "Этюд". /Ерымовский К., Элиста, 1967, с.118-119/. Профессор был несказанно расстроган и вместе с тем расстроен, когда студент Калмпедтехникума в Астрахани принес ему остатки архива хошутовских нойонов Тюменей. До этого в душе ученого теплилась надежда, что где-то в улусах бывшей Калмыцкой степи, возможно, сохранились личные библиотеки, архивы владельцев. Но ни библи-

отеки, ни архивы, не говоря о рукописном наследии хурулов, не были представлены в Государственном архиве, в котором он работал. Ему, как никому другому, было понятно, насколько трудно изучать историю народа без первоисточников и в первую очередь собственно национальных. В царский период в России никто всерьез не занимался их накоплением, а в гражданскую войну те, что были в степи, оказались уничтоженными, разграбленными. Губернский, областной бывшего имперского управления Калмыцкой степи архивы, Древнехранилище /ныне Центральный государственный архив древних актов/ и другие фактически являлись хранилищами делопроизводительной деятельности российских учреждений и должностных лиц, в ведении которых прежде находилось Управление калмыцким народом. Однако весь имеющийся объем документов не позволял выявить со всей достоверностью внутреннюю жизнь народа, его религию, культуру. Недостаточность собственно национальных источников вынуждала Пальмова более тщательно и критично относиться к имеющимся архивным материалам, стремиться к их пополнению.

Пальмов первым при организации архивного дела в Калмыцкой автономной области поставил вопрос о поиске дополнительных материалов в центральных и губернских архивохранилищах бывших имперских учреждений, начиная с Посольского приказа. Периодически работая в Астраханском губернском архиве, он с большой заинтересованностью знакомился с документами Древнехранилища, опубликованными профессором В.А.Котвичем в "Известиях Академии наук" /Петроград, 1919, № 12-15, серия VI, с.791-822/. Он с нетерпением ожидал из Москвы материалов, найденных профессором С.К.Богоявленским, вел переписку с А.В.Бурдуковым, работавшим в 20-30-х годах в Ленинграде, профессором Нижне-Волжского краевого коммунистического университета в Саратове Г.З.Минкиным и др. Поддерживая связь с ними, Пальмов, лишенный возможности выезжать в научные командировки, восполнял таким образом недостающие материалы. Став ведущим специалистом по средневековой, новой истории народов Астраханского края, он открыл много ценных источников. Только в последние годы жизни он представил в Институт востоковедения Академии наук С.Ф.Ольденбургу статьи и материалы по истории пребывания

в Астрахани выходцев из Индии, Хивы, Бухары, о взаимоотношениях калмыков с туркменами, каракалпаками, о русском казачестве.

Пальмов много и плодотворно трудился над созданием истории Калмыкии. "Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России" занимает ведущее место в исследованиях Пальмова по истории Калмыкии. В этой работе он показал себя как специалист, более склонный к рассмотрению политических сюжетов истории. Изложенные в "Очерке" взгляды на политико-государственные и государственно-правовые институты власти нашли более подробное освещение в последующих исследованиях ученого и прежде всего в первых 4-х частях "Этюдov по истории приволжских калмыков". Прекрасно понимая, что только изучение глубоких процессов, определяющих содержание и характер не только происходящих эволюционных, но и на первый взгляд спонтанных перемен в жизни народа, дает право исследователю называть свои работы трудами, профессор скромно их именовал "этюдами", "материалами", "к истории", "из истории", или еще проще оставлял без авторского определения, руководствуясь тематическим содержанием затрагиваемого исторического сюжета. Другой особенностью его трудов по истории Калмыкии, начиная с "Очерка...", было обращение к далекому прошлому. На все это были причины, и не совсем правомерно было бы объяснять личным авторским интересом исследователя или влиянием на него эпохальных перемен.

Пальмов, ограничившись хронологическими рамками исторического прошлого, смог тем самым избежать равно как изучения, так и высказывания собственной авторской концептуальной трактовки политических процессов, происходивших в Калмыкии в XIX — первых десятилетиях XX века. Будучи не просто современником-очевидцем, а непосредственно активным участником происходящих научно-гуманитарных, культурно-просветительских преобразований в Советской Калмыкии, он тем не менее открыто не выражает личное, явно противоречивое восприятие происшедших революционных и последующих перемен в жизни России. Он никак не высказывал своего мнения об утверждавшейся новой партийной идеологии в исторической науке. Будучи не готовым

к ней, он не стремился к ней как-то приспособиться. Его желание в новую историческую эпоху продолжить изучение прошлого было оправданным и спасительным для него самого не только потому, что требовалось время для осмысления новейших перемен в истории страны. Заметим, этот довод весом и основателен, и он играл не последнюю, но и не определяющую роль в авторском выборе. Занявшись изучением истории Калмыкии, он не мог кардинально пересмотреть свое давно устоявшееся мировоззрение. Как бы ни было сильно его желание не выпячивать и даже завуалировать детальнейшим описанием фактов, событий свою точку зрения, вне воли и сознания ученого проглядывало его восприятие и понимание общественного процесса.

Пальмов был убежден в том, что в историческом развитии человечества основным двигателем, осевым стержнем является государство и в первую очередь государственная власть. Этой мыслью наполнено все содержание "Очерка...". В последующих работах ученого она более размыта. В "Очерке..." же она сконцентрирована благодаря тому, что в нем преследовалась цель дать ретроспективное представление об историческом пути развития калмыцкого народа с момента перекочевки в пределы России и 300-летнего пребывания в ней. Здесь следует указать на то, что автор "Очерка..." хронологически ограничился 20-ми годами XIX в., и это практически не отразилось на его представлении об историческом развитии калмыцкого кочевого общества.

Важным звеном, а точнее предтечей калмыцкой государственности ученый считал отделение части кочевников от Ойратского союза Джунгарии "не имея каких-нибудь общеойратских интересов, тем более завоевательных", а ради "лучшего, более привольного существования на новых кочевьях. Это было понято ойратами и вот почему, — объяснял Пальмов, — вышедшие из союза вожди не порвали окончательно связей с союзом. Наоборот, эти связи сохранились и были... прочны". /Очерк... С.32/. Связь откочевавших в Россию ойратов, которых стали называть "калмыками", с прародиной не прерывалась. Калмыцкие тайши были равными участниками, наряду с ойратскими вождями, съезда 1640 г., принимали на нем общеойратские законы. Также поддерживались между ними родственные, брачные

— 401600 —

союзы. Этот постоянно поддерживаемый контакт позволял не чуждаться идеи ухода калмыков из России в Джунгарию. По словам Пальмова, она "никогда не умирала в сознании калмыцких ханов и владельцев" /Очерк... С.96/. Последние в большинстве своем имели "благоразумие отказаться от соблазна уйти из России... правильно сообразив, что Россия дает им гораздо больше того, на что они могут рассчитывать, подчинившись власти Китая", овладевшего Джунгарией. Хан Аюка, правивший более 50 лет, то есть около половины времени существования калмыцкой государственности, "соображал, что грядущее для Джунгарии "холопство" от Китая будет тяжелее русского "холопства". Он выбирал из двух зол меньшее и рассуждал так, что ему лучше остаться подданным Петра, способного ценить его заслуги, чем идти в Джунгарию, на которую рано или поздно обрушится гнет Китая, и её правители будут лишены всякой власти над народом. Аюка остался в России" /Очерк... С.57/, но не прошло и полвека после его смерти, как недалёковидный, слабовольный наместник Убуши, неспособный самостоятельно рассуждать, послушался "друзей", которые его спровоцировали на откочевку из России в Джунгарию, покоренную Китаем. Таким образом, лелеемая десятилетиями мысль о воссоединении с прародиной реализовалась. В замысле правящей верхушки народ повинен не был. "Он попал в тяжелую неволю /Китай/ и остался в ней навсегда". Не менее ценен и важен другой авторский вывод: "В калмыцком народе Россия перестала иметь оплот для себя на юге" /Очерк... С.91, 105/.

Реконструируя процесс образования и развития калмыцкой государственности в форме полувисимого от российских властей ханства, Пальмов разделил его на два этапа — до и после правления Аюки. На первом этапе становление ханства протекало в трудной и сложной обстановке, так как "русская власть при всяком удобном случае настаивала на вечном послушании калмыков России", калмыцкие вожди стремились к единоличному господству, а калмыцкий народ мыслил себя свободным. Централизация государственной власти, твердая опора "у самых корней ойратов — в Джунгарии и в Тибете", политика двуличности к русским властям обеспечивала более или менее прочное правление калмыцких ханов.

Вслед за предшественниками Пальмов называет в "Очерке..." Аюку "самым замечательным ханом", которого Петр I, хотя и именовал "верным подданным", но фактически считал союзником и заключал с ним договора. Одним словом, при Аюке былое полунезависимое положение калмыцкого хана являлось скорее всего номинальным. Правительство России не решалось ограничить его права и отнять у него власть. Оно считалось с тем, что "в калмыцком народе все держится одним Аюкой". Из этого ученый сделал вывод: "Слава Аюки была славою калмыцкого народа" /Очерк... С.53, 54, 58/.

Придерживаясь идеи единения народа с государственной властью, Пальмов считал отношения хана /равно тайшей, нойонов и зайсангов/ с трудовыми массами — рядовыми кочевниками — патриархальными. Таковыми они якобы были на момент откочевки части ойратов из Джунгарии в Россию и оставались в Калмыцком ханстве. Их сохранению способствовал состоявшийся в Джунгарии в 1640 г. съезд ойратских вождей. Принятые на съезде законы унифицировали бытовавшие в кочевом ойратском обществе патриархально-родовые отношения. Сумев сосредоточить всю полноту власти над народом, хан Аюка первоначально придерживался сложившихся общественных отношений, но в XVIII веке, ближе познакомившись с русским административно-политическим строем, многое из него применил к калмыкам. Он стал насаждать помещичью власть. Прежние предводители улусов, аймаков, "являвшиеся ранее опекунами рядовых кочевников, начали превращаться в администраторов-владельцев, облеченных широкими полномочиями и правами, напоминающими права и полномочия русских воевод и помещиков". В результате в патриархальные отношения стало искусственно вноситься насилие, которого прежде не было в калмыцком кочевом обществе. Прежде хан был на положении равного среди равных тайшей, теперь он превратился в самодержца-царя; в его зависимости оказались непосредственно все владельцы с народом. В итоге в кочевое общество проникло местничество, разгорелись междоусобицы во владельческой среде. Стремясь освободиться от нарождающейся помещичьей власти, рядовые кочевники в начале XVIII века начали самовольно уходить от своих владельцев. Бегство их, приобретая угрожающе массовый харак-

тер, побудило Аюку срочно предпринимать контрмеры, обращаться за содействием к российским властям. Несмотря на все усилия Аюки начали проявляться признаки разложения ханства. После его смерти они имели тенденцию к усилению. К внутренним причинам, ослабляющим ханство, добавились внешние. Последние возникли "как результат определенной политики русского правительства обессилить ханскую власть" /Очерк... С.58, 59, 62/.

Далее, развивая мысль об общественно-политической эволюции Калмыцкого ханства, автор "Очерка..." пришел к следующему заключению: логическим завершением в упразднении власти хана и в его лице национальной государственности калмыков было утверждение "нового порядка". По существу он вытеснил бывшие патриархальные отношения. Так как "новый порядок" был фактически российским, с упразднением национальной государственности у царизма были развязаны руки. Однако в процессе реформирования управления калмыцким народом ему приходилось преодолевать желание и стремление последнего "придерживаться старины" /Очерк... С.151/. Особенно это проявилось на Зинзилинском собрании 1822 г., которое подробно постарался описать Пальмов.

По мнению ученого, само собой было очевидно подчинение калмыков с момента прихода в Россию. "Русские, новые обладатели юго-востока, настолько были здесь сильны, что справиться с раздробленной массой кочевников не составило бы им особого труда. Вопрос мог возникать только о времени, когда это случится", — писал Пальмов в "Очерке" /Очерк... С.42/. Трезво оценивая их дальнейшую судьбу, без особого труда ученый показал поэтапное включение кочевников в российскую жизнь, увидев в этом определенную историческую закономерность. С этой точки зрения он рассматривал реформы в управлении калмыцким народом после 1771 года. Примечательна была, на его взгляд, последовавшая в 1892 году отмена власти нойонов и зайсангов над калмыцким народом и уравнение в правах всех бывших сословий кочевников с русскими сельскими обывателями, то есть крестьянами. Освобождение от уплаты албана послужило преддверием включения калмыцкого народа в новую социально-экономическую жизнь России. На её путь нацеливал и направлял "и

совершающийся... переход от кочевого быта к оседлому", но в какие формы он должен был "претвориться" ученому, как, впрочем, и самому народу, было неизвестно.

В практически оказавшемся единственным авторском опыте создания очерка исторического развития калмыцкого народа Пальмов проявил принципиальную последовательность в изложении своей концепции. Отталкиваясь от нее, он создал первые четыре части "Этюдов по истории приволжских калмыков". Только с накоплением источников, их всесторонним и углубленным изучением он начал отходить от прежних своих взглядов. Со всей очевидностью это проявилось в пятой части "Этюдов", посвященной земельным делам калмыков и изданной за год с небольшим до смерти ученого /Астрахань, 1932 г./ Но тогда, в начале творческого пути, в калмыковедении его прежде всего занимали политико-государственные, правовые проблемы исторического прошлого некогда прикочевавшего в Россию народа.

Написанная на русском языке, первая работа Пальмова, для значительной массы неграмотного и исключительно владеющего лишь родным языком трудового населения Калмыцкой автономной области в начале 20-х годов практически осталась недоступной, как, впрочем, "Ойратские известия" и другие русскоязычные издания того времени. Её первыми читателями стали работники культурно-просветительских и советско-партийных органов, учащаяся молодежь. Для них было важно ознакомиться с содержанием "Очерка...", который давал первое и единственное тогда системное, документально насыщенное представление об историческом прошлом народа. Поэтому авторская научная, завуалированная обилием фактов концепция их не настолько занимала, чтобы выступать с её критикой. Да и в подавляющем большинстве массовый читатель не был к ней подготовлен. В определенной степени это сказалось в 30-40-е годы на последующей удачной судьбе "Очерка..." и других трудов Пальмова.

Выход в свет "Очерка..." Пальмова в научном мире не остался незамеченным. В 1923 году профессор В.А.Котвич в журнале "Восток" /М.-П., книга третья. С.175-177/ опубликовал рецензию на указанную работу Пальмова и вышедший из печати в 1922 г. в Иркутске популярный историко-этнологический очерк

А.Турунова "Прошлое бурят-монгольской народности". По мнению Котвича предоставление восточным народностям автономии вызвало у них усиленный интерес к своему прошлому, в результате чего и появились указанные работы, посвященные истории бурят и калмыков. Рецензент очень высоко оценил труд Пальмова, сумевшего за кратчайший срок исследовать значительную часть печатных и архивных материалов. Включение их в "Очерк..." обеспечило непреходящую ценность этого научного труда, поэтому Котвич считал, что никто в то время не мог лучше Пальмова провести архивные изыскания, так как еще не были подготовлены собственные национальные кадры. Он был единственным специалистом-историком, работающим в то время в Калмыцкой автономной области. Заботу об их подготовке проявлял сам Пальмов, считавший, что национальную историю должны создавать прежде всего сами калмыки.

Котвич, внесший огромный вклад в выявление и изучение источников о калмыках в столичных архивах и опубликовавший их в центральных изданиях, в рецензии высказал иное мнение относительно движения ойратов, в том числе торгутов, из Джунгарии на запад. Он считал, что, во-первых, оно носило не медленный характер, во-вторых, ойраты, продвигаясь широким фронтом, уже в первое десятилетие XVII века были и на Тоболе, и на Урале, и в Хорезме /близ Ургенча/. В-третьих, торгуты из ойратского союза не выделялись, а вместе с другими его частями поддерживали тесные связи и действовали согласованно. В-четвертых, центр пребывания калмыков постоянно перемещался в зависимости не только от политической обстановки, но и от времени года. Чаще всего он находился на Эмбе и только после 1630 г. стал перемещаться к Волге, к раскочевке калмыков на обширном пространстве между Джунгарией и Волгой. Только после смерти Хо-Орлока /Хо-Урлюка/ калмыки начали изолироваться от ойратов. Котвич полагал, что причины ухода из Джунгарии части ойратов более сложны, чем обыкновенно считают исследователи. Территориальная стесненность, на которую указывал Пальмов, была вызвана не только внутренними причинами, но прежде всего давлением извне — со стороны монголов и киргизов. На это указывали и Миллер, и Фишер, но последующие исследователи их мнение недооценили. Если это

учитывать, то состоявшийся в 1640 г. съезд ойратов и монголов действительно имел знаменательный характер. Котвич завершил рецензию указанием допущенных Пальмовым следующих неточностей: вместо "Тушету из Халхаса" следует писать "Тушету-хан из Халхи". Разбитый Аюкой Аблай-тайши был хошутским, а не торгутским князем и являлся строителем известного Аблай-кита. В архивных материалах, приводимых в "Очерке...", допущены искажения, а именно, хунг-тайша вместо хунтайджи, Дондок вместо Дондук, торгоуты и хошеуты вместо торгуты и хошуты, Ценден Дорджи вместо Цеден Дорджи, Шеаренг вместо Шерен и др. В последующем исследователи установили, что Хо-Орлок был убит не при осаде Астрахани в 1645 г., а в одном из сражений на Северном Кавказе с кабардинцами и ногайцами. /Очерк истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С.110/.

Вскоре после написания рецензии, не дождавись её выхода из печати, профессор Котвич оказался вместе с эмигрировавшей из России частью старой творческой интеллигенции. Не исключено, что он вывез вместе с другими ценными материалами своего архива "Очерк..." Пальмова и передал его попавшим в эмиграцию калмыкам. Последние нуждались в нем /да и не только в нем/ не менее, чем те, кто остался в России. Этого они не скрывали и полностью разделяли высокое мнение о работе этих ученых.

Чтобы сделать "Очерк..." Пальмова доступным хотя бы для немногочисленной, разбросанной по всей Западной Европе калмыцкой диаспоры, действовавшая в столице Чехословакии Комиссия культурных работников во главе с Б.Н.Улановым поспешила его переиздать. Не спросив у автора согласия, издатели выразили надежду, что он не поставит им это в вину и войдет в их положение. Так как многие калмыки в эмиграции не умели читать по-русски, Ш.Н.Балинов перевел "Очерк..." на калмыцкий язык и его текст переложил на "тодо бичиг". С.Б.Баянов написал предисловие, причем на русском языке, с кратким изложением содержания на калмыцком языке, а также и на "тодо бичиг". В 1927 г. подготовленная рукопись была литографирована в Праге-Стражнице и полностью заняла очередной 5-й выпуск национального эмигрантского журнала "Хонхо". Издатели

переводного "Очерка..." Пальмова надеялись, что его публикация на калмыцком языке будет способствовать дальнейшей разработке национальной истории. Пытаясь это сделать неоднократно в последующем, они оставались далеки от цели как из-за недоступности источников, так и из-за отсутствия профессиональных историков. В Калмыцкой автономной области после выхода в свет "Очерка..." работа по изучению национальной истории велась более успешно и прежде всего благодаря неутомимому трудолюбию самого профессора Пальмова. Тематика его исторических исследований была очень обширна. В его творческом наследии сохранилось очень много заделов по самым разным вопросам прошлого калмыцкого народа, их быта, нравов, обычаев, хозяйства, культуры, образования и так далее.

В "Очерке..." и последующих трудах по калмыковедению Пальмов был одним из первых представителей науки, кто в трактовке истории калмыцкого народа не проповедовал и не защищал великодержавные интересы России. Он как специалист и как человек пользовался огромным авторитетом в Калмыцкой автономной области. Само собой возник вопрос о его награждении. Но в процессе подготовки необходимых документов дореволюционное прошлое ученого было воспринято как реакционное. Вместо награды 2-5 марта 1931 года Президиум ЦИКа Калмыцкой автономной области постановил возбудить перед Президиумом ВЦИК ходатайство об отмене представления профессора Н.Н.Пальмова к награждению орденом Трудового Красного Знамени и высказался за то, чтобы освободить его от занимаемой с 1921 года должности заведующего Калмыцким архивным бюро /ЦГА КАССР, р.-112, оп.1, д.23, л.279/.

Нависшая, словно черная туча, угроза авторитету ученого, достигнутому большим трудом, и делу, которому он самоотверженно служил, могла привести к непредсказуемым последствиям. Положение лишенца неминуемо в любой момент обернулось бы тяжелой репрессией Пальмова, а начавшееся благодаря его личной заслуге становление архивно-музейного дела, научного калмыковедения значительно бы притормозилось. Авторские работы, представляющие большую ценность для духовного развития калмыцкого народа, могли бы оказаться изъятыми, уничтожен-

ными. Но судьба на этот раз была более, чем милостива. Пальмова и его труды миновала тяжелая участь многих и многих представителей творческой интеллигенции тех лет. В защиту его выступили Б.Майоров, тогдашний представитель Калмыкии в Астрахани, Х.М.Джалыков, секретарь Калмыцкого обкома партии. Пальмова оставили в прежней должности, но вопрос о его награждении был снят.

Жизнь ученого после пережитого, казалось бы, вошла в прежнее привычное русло, но в его душе поселилась тревога. Стараясь ей не поддаваться, Пальмов продолжал работать много и плодотворно. Но 11 февраля 1934 года утром по дороге на работу он внезапно скончался. Приняв удары судьбы как всякий верующий смиренно, ученый был уверен, что его творческое наследие останется живым. Ради этого он и трудился.

Сотрудники архива во главе с новым заведующим Б.Майоровым собрали рукописное наследие ученого, которое в настоящее время составляет его личный архивный фонд. Находившийся с Пальмовым в научной переписке исследователь-монголовед А.В.Бурдуков сразу же после его кончины выразил желание издать биографию и труды бывшего своего коллеги, но жизнь с её суровыми законами отодвинула эти планы. С восстановлением калмыцкой государственности в 50-е годы вопрос о выпуске в свет научного наследия ученого поднимался неоднократно и на разных уровнях, но безуспешно. Настоящая публикация Калмыцким книжным издательством его первого труда по истории калмыцкого народа – в этом направлении первый шаг.

Став неотъемлемой частью исторической науки, труды Пальмова прочно вошли в современную жизнь Калмыкии. Отдавая дань заслугам ученого, его имя присвоили Калмыцкому Государственному историко-краеведческому музею. Научная общественность республики отметила столетие со дня его рождения. Периодически в республике проходят "Пальмовские чтения". Творческий подвиг русского ученого, до последней минуты думавшего о судьбе калмыцкого народа, его истории и будущем, не забыт.

Л.С.Бурчинова,
кандидат исторических наук

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

ИСТОРИЯ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЕТСЯ

Автономная Область Калмыцкого Трудового Народа

Очерк

истории Калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России.

Проф. Н. ПАЛЬМОВ.

КАЛМЫЦКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1927 г.
АСТРАХАНЬ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа представляет собой опыт Очерка истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России и касается политической стороны жизни народа, а также его законодательства; социально-экономическая жизнь калмыков и их материальная культура остаются нетронутыми в Очерке. Дело в том, что для всесторонней научной истории калмыцкого народа необходимо предварительное собрание, изучение и издание разнообразных материалов и прежде всего — архивных. Калмыцкий архив в Астрахани богат документами, относящимися к XVIII веку, начиная с 1713 года*, к XIX и XX векам. За показанное время немало найдется материалов и в других уцелевших от гражданской войны 1918 года астраханских архивах, особенно — в архиве бывшего губернского правления. Но за делами XVII столетия и начала XVIII столетия необходимо обратиться к московским архивам и, главным образом, к бывшему архиву Министерства иностранных дел (теперь Государственный архив), где относящиеся к истории калмыков документы сохранились с 1606 года. Впрочем, и относительно дел за XVIII и XIX столетия, сохранившихся в Астрахани, надо сказать, что ими не исчерпывается, например, вся переписка, которая велась тогда между калмыцкими ханами и владельцами, а также представителями русской власти с центральным русским правительством, так что и для пополнения исторических сведений за указанное время также необходимо будет обратиться к центральным архивам.

В сознании важности и необходимости иметь полную и научную историю калмыцкого народа еще в декабре 1920 года заведующий областным отделом калмыцкого народного образования В.П.Порох внес в коллегию названного отдела предложение, принятое коллегией, об издании в свет архивных материалов для истории калмыцкого народа и собирании в калмыцкий музей предметов калмыцкого быта, старины и искусства, чем, между прочим, могло бы быть

* См. ниже примеч. 11, с. 49 к тексту Очерка.

отмечено в памяти калмыков такое крупное в их жизни событие, как получение автономии^{*}. В осуществление этого предложения сотрудники музейно-архивной секции при областном отделе калмыцкого народного образования приступили к собиранию исторических архивных документов, находящихся в Астрахани, а также предметов старины и искусства, характеризующих калмыцкий быт. Таким образом, начало большому и весьма серьезному в научном отношении делу положено. Но пройдет много лет, пока удастся привести в известность, собрать и подготовить к печати астраханские архивные материалы, затем — московские и петроградские, равно как и составить значительную коллекцию предметов калмыцкой материальной культуры, дабы, овладев всем этим материалом, возможно было приняться за составление всеобъемлющей истории калмыцкого народа. Дело большое, и на пути к его осуществлению встречается немало трудностей. Положение историка, работающего над историческими документами, осложняется еще тем обстоятельством, что громадное количество документов, относящихся к калмыцкой истории, написано на калмыцком и, отчасти, на татарском языках, доступных ограниченному кругу филологов-монголоведов и тюрковедов. Правда, существуют старинные русские переводы калмыцких и татарских исторических текстов, но в большинстве случаев эти переводы далеки от точности в передаче оригиналов, так что историк не всегда может на них полагаться. Поэтому историк калмыцкого народа должен искать содействия специалистов монгольской и тюркской филологии и ожидать, когда они исполнят нелегкую задачу перевода калмыцких и татарских текстов на русский язык и сделают их достоянием широкого круга ученых. Разработка калмыцкой истории предполагает участие в ней целой плеяды ученых и образованных работников. Здесь необходимы и лингвисты, и этнографы, и юристы, и археологи, и экономисты, и художники. От каждого из них требуется известная доля участия в деле собирания материалов, на основании которых историк будет в состоянии производить обобщения и создавать научные построения.

Автор настоящего Очерка, составленного менее чем в трехмесячный срок и, отчасти, вследствие этого далекого от совершенства, предполагает улучшение и пополнение своей работы по мере дальнейшего своего ознакомления с архивными и иными материалами; в частности, для истории калмыков за XVII век он с нетерпением

^{*} См. об этом в брошюре "К открытию Областного Калмыцкого Историко-Этнографического Музея". Астрахань. 1921.

ожидает выхода в свет исследований профессора Вл.Л.Котвича, которые дадут, вероятно, разъяснение многих загадочных вопросов в этом самом неразработанном периоде калмыцкой истории. Теперь же автор Очерка считает долгом извиниться пред читателями за неполноту и недостатки своего труда и приносит глубокую благодарность всем лицам, которые в той или иной мере помогали ему при настоящей работе, особенно — по подбору необходимой печатной литературы, какую возможно было найти в Астрахани и Калмыцкой степи, и по подыскиванию документов в Астраханском калмыцком архиве, в чем незаменимую услугу оказали М.М.Хаглышев, Ф.И.Плюнов, Л.К.Карвин и особенно А.А.Лебединский.

27 ноября 1921 г.

Астрахань

1. ПРИХОД КАЛМЫКОВ В АСТРАХАНСКИЕ СТЕПИ ИЗ ДЖУНГАРИИ В XVII ВЕКЕ

Астраханские калмыки, равно как и ставропольские, и донские, и приуральские, принадлежат к западной ветви монгольской народности. Некогда они жили в западной части великой Монголии, в Джунгарии, и с другими сородичами входили в один общий, так называемый Ойратский союз, из которого выделились раньше 1618 года в составе торгоутского племени и частей дербетского и хошеутского племен, имея предводителем энергичного вождя Хо-Орлока из торгоутского племени. Число кибиток, которые повел за собой Хо-Орлок на север, определяется в 50 тысяч. Двинувшись сначала к пределам Сибири, Хо-Орлок повел оттуда калмыков на Урал, а затем на Волгу и расположился кочевьем в степях Поволжского понизовья, весьма слабо заселенного в XVII веке.

Какая была причина выхода Хо-Орлока с калмыками из Ойратского союза? Существует несколько объяснений этого важного в жизни монголов события. Некоторые историки видят в поступке торгоутского предводителя шаг, сделанный им в целях освободиться от разраставшегося влияния тайши чоросского племени Хара-Хулы, которое грозило независимости прочим племенам союза¹. Но оказывается, перекочевка Хо-Орлока с его калмыками совершилась с общего ведома, одобрения и согласия всех ойратских поколений. И не один только Хо-Орлок выделился тогда из Ойратского союза. Поколение тех хошеутов, которые не пошли с торгоутским вождем к северу, двинулось к югу; перевалив чрез Тянь-Шаньские горы, оно овладело всем Коконором и раскинуло свои кочевья вплоть до Тибетского нагорья. Другая часть двинулась отсюда к востоку, переправилась за

¹ Из новых авторов этого взгляда держится, например, *Новолетов М.* Калмыки. Исторический очерк. Спб. 1884, С.2.

Эцзинэ и расположилась по всей Алашании². Таким образом, говорить о каком-то разрыве Хо-Орлока с Хара-Хулой из-за опасения подчиниться власти чоросского тайши не приходится. Движение Хо-Орлока совершалось довольно медленно, с продолжительными остановками в пути. Осторожный вождь, прежде чем пускаться в дальнейший путь, посылал вперед разведчиков и на основании их показаний старался идти с возможно меньшим риском натолкнуться на опасного врага. Начав свой путь к северу от Джунгарии в 1618 году, Хо-Орлок пришел на Волгу только в 1630, а может быть даже в 1632 году.

Другие видят в движении Хо-Орлока, как и в движении главной части хошеутовского племени, осуществление выработанного на Ойратском сейме плана завоевания новых земель ойратами и восстановления империи Чингис-хана³. Однако ни у монгольских историков, ни в народной памяти не сохранилось никаких сведений или воспоминаний об этом сейме. Он лишь предполагается, и ничем нельзя доказать его действительности⁴. Из наличных исторических материалов, напротив, ясно видно, что инициатива похода исходила от самих торгоутского и хошеутского вождей, которые заручились общим согласием на откочевку в разные места и на первых порах совсем не задавались целями завоеваний.

Наиболее правильным надо признать то объяснение, по которому движение Хо-Орлока и прочих ойратских вождей рассматривается как результат естественного стремления кочевых племен обособиться друг от друга вследствие скученности населения в одном месте и возникающего отсюда препятствия заниматься в желательных размерах главным промыслом кочевников — скотоводством. Ограниченность земель, удобных для скотоводства, в связи с увеличением скота неминуемо должна была вести к столкновениям, взаимным раздорам и обидам у кочевников, доводя их даже до кровопролития. На эти-то раздоры и кровопролития как на истинную причину выделения Хо-Орлока из Ойратского союза и указывает "История Калмыцких

² *Позднеев А.М.*, проф. Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего (XIX) столетия // Журнал Министерства народного просвещения. 1886, март, С.144.

³ *Бичурин Иакинф*, монах. Историческое обозрение ойратов или калмыков // Журнал Мин. Внутр. Дел. 1833 г. №№5,7 и 8.

⁴ *Гурий*, проф. арх. Очерки по истории распространения христианства среди Монгольских племен. Т.1.Ч.1. Казань. 1915. С.139.

ханов"⁵, где читаем: "Когда Джунгарские Ойраты во время смут убивали друг друга, Торгоутский тайша Хо-Орлок, не желая расстроить своих подвластных, откочевал далее к народам чуждого происхождения (племенам тюркским), которые он и завоевал"⁶. Выделившись из союза, торгоутский вождь стал действовать на свой страх и риск, а не во имя каких-нибудь общеойратских интересов, тем более завоевательных. Таких интересов у ойратов не было. Своим поступком Хо-Орлок разряжал сгустившуюся атмосферу взаимного недовольства среди ойратов и создавал для них условия лучшего, более привольного существования на новых кочевьях. Это было понято ойратами, и вот почему вышедшие из союза вожди не порвали окончательно связей с союзом. Наоборот, эти связи сохранились и были настолько прочны, что спустя двадцать с лишним лет по выходе из союза Хо-Орлок и прочие калмыцкие тайши съезжаются на общеойратский сейм в Монголию в 1640 году из своих мест издалека для выработки общеойратских законов (Цааджин-Бичик)⁷.

Откочевав к северу от Джунгарии и подчинив себе народы чуждого происхождения, какими являлись татарские племена, занимавшие в то время места к югу от верховьев Тобола⁸, Хо-Орлок предпринимает дальнейшее движение от границ Западной Сибири к берегам Волги как к конечной цели своего похода.

"В году шорой-морин (т.е. в 1618 году) он послал добрых людей посмотреть берега Каспийского моря, — рассказывает в "Истории Калмыцких ханов". — Заподлинно узнав, что там земли никем не заняты, он взял подвластных своих Торгоутов, также Хошеутов и Дербетов, всего 50 000 дымов, или кибиток, и сопровождаемый шестью сыновьями своими в году шорой лу (т.е. в 1628 году) оставил свой Нутук (место кочевья) в Джунгарии и двинулся на запад". Таким образом, если в 1618 году Хо-Орлок еще не окончательно расстался с Джунгарией, но и, продвинувшись к северу, продолжая иметь

5. "История Калмыцких ханов" написана на монгольском языке, но неизвестно где, когда и кем она составлена. В 1845 году с нее был сделан перевод на калмыцкий язык, вероятно, для владельца Хошеутовского улуса нойона Тюменя, в библиотеке которого пользовался "Историей" переводчик ее на русский язык Г.Лыткин, издавший свой перевод в "Астраханских Губернских Ведомостях" за 1860 год.

6. Астраханские Губернские Ведомости. 1860. ч. неофиц. № 19, С. 123.

7. Изложенное мнение в первый раз было высказано проф. А.М.Позднеевым. Указ. соч. С. 142-146.

8. Позднеев А.М., проф. Указ. соч. С. 145

главной базой Нутук, исконное место своего кочевья, то в 1628 он совершенно покинул родной Нутук, будучи захвачен мечтой о свободе и приволье, которых искал в далеком краю. Настроение Хо-Орлока было определенное, и следующий случай 1623 года исчерпывающе характеризует его. В этом году тобольский воевода Годунов, получивши известие о перекочевании калмыков к верховьям Тобола, задумал привлечь калмыков на сторону России и для переговоров об этом послал в калмыцкие улусы боярского сына Дмитрия Черкасова. Но едва Черкасов прибыл в кочевье первого калмыцкого тайши и сделал свои предложения, как калмыки тотчас же восстали против него и едва не избили все посольство; сам Черкасов остался жив, благодаря только заступничеству другого калмыцкого тайши — Сенкула⁹. "Не доходя до реки Урала (Зай — от татарского Чжайак, у нас Яик), он (Хо-Орлок) покорил Ембулуковских (Цзимбулук) татар, кочевавших при реке Ембе, — продолжает рассказывать "История", — перешедши реку Урал, подчинил своей власти татарские поколения: Нагай, Хатай-Хабчик (Кипчак), Джитесан (Едисан) и в году темур-морин (1630 год) прибыл к берегам Волги". В "Сказании о Дербен Ойратах", составленном Эмчи-Габан-Шарабом в 1737 году, говорится, что окончательное утверждение калмыков на берегах Волги последовало в 1632 году, — тогда ставка Дайчина, старшего сына Хо-Орлока "расположилась при реке Волге, и дальше калмыки уже не пошли"¹⁰. "Тогда никто не мог препятствовать ему (Хо-Орлоку) там утвердиться, потому что, кроме слабых татар, [никого] не было; русских городов было тоже мало; между тем эта дальняя страна, изобильная травой, для ойратов была как нельзя удобнее для кочевания. Таким образом, Хо-Орлок от Урала до Волги, от Астрахани до Самары (Самур) расположил своих подвластных на постоянные кочевья. Хотя эта страна и принадлежала Цаган-Хану (белому царю), но Хо-Орлок, несмотря на дружественные сношения, овладел этою страной, которая ему нравилась, не доводя о том до сведения царя и не подчиняясь ему"¹¹. Очевидно, поводов для серьезного столкновения между русскими и калмыками еще не возникало. Они, в общем, мирно уживались друг с другом на обширной территории тогдашней русской окраины. До поездки Хо-Орлока в Монголию на Ойратский сейм 1640 года между русскими и калмыками происходили боевые стычки мелкого характера, объясняемые главным образом тем, что русским приходилось тогда вступаться за татар и защищать их от нападения калмыцких шаек, как это было в 1634 и 1635 годах. К 1639 году относится первый случай

9. Этот случай приводится у Фишера, в его "Sibirische Geschichte" С. 318; см. проф. А.М.Позднеева Указ. соч. С. 145.

10. Лыткин Г. История Калмыцких ханов. С. 124, примеч. 2.

11. Там же. С. 124.

серьезного столкновения русских с калмыками. В этом году калмыки в числе 10 тысяч нападают на Самару, которая подвергается при этом большой опасности.¹²

Ойратский сейм (Курултай) 1640 года имеет большое значение в жизни монгольских племен. На этот сейм собрались отовсюду — и с востока, и с запада — предводители монголов. Здесь были Хо-Орлок с Волги, Гуши-хан из Тангута, Тушету из Халхаса и другие вожди восточных монголов. Инициатива сейма принадлежала чоросскому Батур-Хунг-тайше, унаследовавшему власть от своего отца Хара-Хулы. Ойратский сейм 1640 года можно рассматривать, — пишет один из новейших исследователей истории и быта калмыцкого народа, — как сейм единения восточной и западной Монголии, сейм выработки общих законодательных установлений для руководства управлением у монголов. Здесь, когда вся Монголия дружно объединилась в одну воодушевленную семью, действительно могли быть речи о завоевании новых земель и восстановлении монархии Чингис-хана, о чем косвенно может свидетельствовать и деятельность Хо-Орлока, который, вернувшись с сейма, прежде всего начал расширять пределы своих владений, подчиняя своей власти вблизи кочевавшие различные мелкие племена и делая попытки овладеть русским городом Астраханью¹³. Вышеупомянутый Габан-Шараб, составитель "Сказания о Дербен Ойратах", говорит, что после сейма 1640 года Хо-Орлок и его сыновья, думая о клятве, взаимно данной в 1640 году дербен-ойратами, далее располагали возвратиться к своим ойратам¹⁴. Мы не знаем, случилось ли бы это, так как при нападении на Астрахань в 1645 году, когда калмыцкие войска понесли крупное поражение, Хо-Орлок вместе с другими его родственниками был убит под стенами осажденного города. Но во всяком случае несомненно, что Ойратский сейм сильно поднял национальное чувство монголов и вызвал в калмыках то сознание единства крови с прочими монгольскими племенами, которое в истории калмыцкого народа проявляется такими фактами, как стремление у калмыцких ханов заключать брачные союзы предпочтительно с джунгарскими владетельными фамилиями¹⁵, частые путешествия калмыков в Джунгарию и в священный Тибет, где претенденты на ханство искали санкции своих владельчес-

12. *Перетяткевич*. Поволжье в XVIII в. Одесса. 1882. С. 128; См.: *Гурий*, проф. архим. Указ. соч. С. 168.

13. *Гурий*, проф. архим. Указ. соч. С. 139-140.

14. *Лыткин Г.* История Калмыцких ханов, цит. изд. № 26, ч. неофиц. С. 175. примеч. 6.

15. Пундук, внук Хо-Орлока, женится в 1640 году на дочери Батур-Хунг-тайши; Аюка, калмыцкий хан, сын Пундука, в 1688 году выдает свою дочь Сетер-Джапу за Цеван Раптана, Дарма Бале и пр.

ких прав¹⁶, переезд владельцев с значительным числом кибиток в Астраханский край к калмыкам, когда гнет китайских властей становился нестерпим¹⁷, и особенно ярко выражается в уходе калмыков в Джунгарию в 1771 году под влиянием слухов, что свободе и независимости калмыков грозит опасность со стороны России, и в надежде, что на Дальнем Востоке, под властью Китая, они найдут себе лучшую долю.

16. В 1698 году племянник Аюки Рабжур едет с матерью в Тибет на поклонение Далай-ламе; в 1713 году Аюка принимает ханскую печать от Далай-ламы и передает ее своему сыну Чақдоржапу; в том же году Джал, супруга Чақдоржана, отправляется на богомолье в Тибет; в 1773 году хан Дондок-Омбо хлопочет перед Далай-ламой об утверждении сына наследником Калмыцкого ханства и пр.

17. В 1670 году к Астраханским калмыкам переехал из Джунгарии тетка Аюки Дорджи Роптан с 3 тысячами кибиток. В 1677 г. к тем же калмыкам приходит Солом Церен, Дорботский тайша с 4 тысячами кибиток. В 1686 году на Ахтубу переселяются черные калмыки и т.д.

II. МОНГОЛО-ОЙРАТСКИЙ УСТАВ ВЗЫСКАНИЙ 1640 ГОДА

Съезд ойратских вождей, на котором присутствовал и Хо-Орлок с сыновьями, ознаменовался, между прочим, утверждением законов, или Устава взысканий — Цааджин-Бичик, принятых в целях "установить", как говорит один из исследователей калмыцкого права, "мирный порядок внутри Ойратских племен, нарушаемый бывшими раздорами и неурядицами, обеспечить внешнюю безопасность взаимным образом действий, определить отношение князей и чиновных лиц к подвластным и придать распространившемуся тогда среди них учению желтошапочников¹ в лице его представителей законную санкцию господствующей религии"². Идея составления Устава взысканий принадлежит чоросскому вождю Батур-Хунг-тайше, который подготовил к сейму и самый кодекс законов, так что к нему оставалось добавить лишь статьи, имеющие политическое значение для монголо-ойратов и нуждающиеся в выработке их на самом сейме. Законы 1640 года сохранились до наших дней в оригинальном тексте³, хотя и по более поздним спискам, а также в немецком⁴ и в русском переводах⁵. Список с калмыцкого оригинала, сделанный в 1819 году

1. Желтошапочниками назывались последователи Зункавы, реформатора буддизма, с XV века; с тех пор буддизм принял форму ламаитства.

2. *Голстунский К.Ф., проф.* Монголо-Ойратские законы 1640г., дополнительные указы Галдан-Хун-тайши и законы, составленные для Волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб. 1880. С. 7-8 (предисловие).

3. Изданы *проф. К.Ф.Голстунским*. Указ.соч. С.1 и дал.

4. См. акад. *П.С.Памаса* *Sambung historischen Nachrichten uber die Mongolischen Volkerschaften*. Snt.1776. thc.1 194-218.

5. Наиболее старым из русских переводов Монголо-Ойратского устава взысканий является перевод, изданный в 1776 году в "Опытах Трудов Вольного Российского Общества при Московском Университете", ч.III, под заглавием "Перевод с прав Мунгаальских и Калмыцких народов". Второе русское издание Ойратских законов последовало в 1828 году в "Северном архиве", № 2 и 3 и в "Сыне Отечества" за тот же год, кн. I и III. В 1879 году *проф. Ф.И.Леонтович* издал новый русский перевод Ойратских законов по списку И.В.Бентковского; см. его — "К истории права Русских инородцев. Древний Монголо-Калмыцкий или Ойратский Устав взысканий (Цааджин Бичик)". Одесса. 1879". С.67 и дал. *Проф. К.Ф.Голстунский* в Указ.соч. дает соответственный перевод Устава взысканий по оригинальному калмыцкому тексту; см. С.35 и дал.

нойоном Хошеутовского улуса Батур-Убаши Тюменем, имеет кроме законов 1640 года дополнение к ним в виде указов Галдана-Хунг-тайши, сына Батур-Хунг-тайши, преемственно от отца правившего Джунгарией с 1677 по 1697 год, и разделен на 121 статью⁶.

Рассматривая Ойратские законы 1640 года, нельзя не признать, что определяемый ими быт носит все признаки, присущие патриархально-родовой жизни народов кочевого типа. Здесь со всею силою заявляют о себе принципы родовой иерархии и подчинения, а также теократической силы и могущества жречества; здесь как бы подчеркиваются и выдвигаются на видное место интересы родового хищничества и самообороны, с развивающимся на этой почве хищничества военно-дружинным устройством племен; здесь, наконец, мы постоянно сталкиваемся с примитивными, хищническими порядками и обычаями экономического и социального быта. В Ойратских законах, пишет *проф. Ф.И.Леонтович*, "формулированы институты глубочайшей древности: месть и материальные композиции, коллективная ответственность улусов и родов по убийству и другим преступлениям, институт древнего потока в форме "разорения" и грабежа; целый ряд своеобразных начал семейного быта, на которых основаны такие институты, как покупка невесты или цензура ее целомудрия, также установление обязательных браков в видах поддержания рода и усиления его военной силы путем нарождения новых поколений; не менее древни институты судебные, каковы: поклеп и институт обвинителей, свод, гонение следа и т.п.; институты военно-дружинного строя, в особенности подробно регламентированные правила о военной добыче, охоте и ловитвах, предприятиях против общего врага и т.д. Все это рисует перед нами такой примитивный строй жизни, который другими народами исчерпывался и модифицировался еще в доисторические эпохи. Об общественных порядках и институтах, развивающихся на почве условий и интересов оседло-общинной культуры, нет и помину в нашем уставе; это — представитель исключительно "степной" бродячей культуры. Если сравнивать

6. *Леонтович Ф.И., проф.* Указ.соч. С. 18. *Проф. К.Ф.Голстунский*. Указ.соч. С.5. В распоряжении Голстунского был и список Тюменя, но в издание вошел не тот список, а другой, доставленный Голстунскому б. Главным попечителем калмыцкого народа К.И.Костенковым, который употребил несколько лет на разыскивание по калмыцким улусам подлинного текста законов 1640 года и одно время считал уже калмыцкий текст безнадежно погибшим; см. *Костенков К.И.* Исторические и статистические сведения о калмыках. СПб. 1870. С.27-28. Основываясь на словах Костенкова, и *проф. Ф.И.Леонтович* писал в 1879 г.: "Монгольский подлинник устава 1640 г. доселе не отыскан — быть может, утрачен навсегда"; Указ.соч. С. 184.

Монголо-Ойратский устав взысканий с Русской Правдой XI-XII веков, то окажется, что Русская Правда опережает Устав взысканий на многие века и является результатом более старой и более сложной культуры. Прimitивные формы патриархально-родовой жизни, с какими мы имеем дело по Уставу взысканий, уже давно, гораздо раньше Русской Правды, оказываются изжитыми у славян⁷.

Интересен вопрос об отношении и степени зависимости Ойратских законов 1640 года к Великой ясе (ясаку) Чингис-хана начала XIII века, от которой, впрочем, надо сказать, если и сохранились, то незначительные фрагменты. Проф. *Леонтович* признает Великую ясу одним из источников Ойратских законов⁸. Проф. *Голстунский* решительно отрицает влияние Великой ясы, как и прочих монгольских юридических источников на Ойратские законы 1640 года⁹. И в самом деле, дух этих законов, созданных на почве буддизма с его высоким взглядом на человека и с гуманным отношением к личности, резко отличается от того сурового духа, каким проникнута Великая яса, признававшая жестокие карательные меры чуть ли не единственным средством борьбы с преступностью. Человеческая жизнь высоко ценится ойратским законодательством. Смертная казнь назначается по ойратским законам только в двух случаях: "Кто покинет князя (во время опасности), того убить, разорить", — гласит одна из статей Ойратского устава взысканий. В другой статье читаем: "Кто увидит или услышит о значительном неприятеле и не сообщит, того, изгнавши с потомками потомков, убить, разорить"¹⁰. За прочие преступления наказание ограничивается штрафом большего или меньшего размера в виде возмещения убытков пострадавшему. Между тем по Великой ясе: "Прелюбодей предается смерти без всякого различия, будет ли он женат или нет". "Кто повинен в содомии, тот также наказывается смертью", "Кто лжет с намерением или занимается волхвованием, или кто подсматривает за поведением другого, также предается смерти". "Тот, кто мочится в воду или на пепел, также предается смерти". "Кто возьмет товар и обанкротится, потом опять возьмет товар и опять обанкротится, потом опять возьмет товар и опять обанкротится, того предать смерти после третьего раза". "Кто даст пищу или одежду

7. *Леонтович Ф.И.*, проф. Указ.соч. С. 27-28. О редакциях Русской Правды см. статью академика *А.И.Соболевского* в "Сборнике статей в честь Пр.С.Уваровой". М., 1916. С. 17-23. "Две редакции Русской Правды"

8. *Голстунский К.Ф.*, проф. Указ.соч. С. 188 и далее.

9. Там же. С. 10-12 (предисловие).

10. Там же, С. 38.

полоненному без позволения полонивших, тот предается смерти". "Кто найдет бежавшего раба или убежавшего пленника и не возвратит его тому, у кого он был в руках, подвергается смерти". "Когда хотят есть животное, должно связать ему ноги, распороть брюхо и сжать рукою сердце, пока животное умрет, и тогда можно есть мясо его; но если кто зарежет животное, как режут мусульмане, того зарезать самого". "Если кто-нибудь в битве, нападая или отступая, обронит свой выюк, лук или что-нибудь из багажа, находящийся сзади его должен сойти с коня и возвратит владельцу упавшее: если он не сойдет с коня и не возвратит упавшее, то предается смерти" и т.д.¹¹. Аналогичные преступления по Ойратскому уложению караются только взысканием штрафа скотиной. Так, например, за блуд женщина платит четырьмя скотинами, мужчина — пятью; за насилие над женщиной с виновного берется девять голов скота; за изнасилование девицы мужчина платит два десятка скотин, но если было на то и ее желание, то с виновного берется один десяток". "Кто подговорит к побегу с собой жену знатного человека, того штрафовать девятью десятками с верблюдом во главе; кто подговорит (к побегу) с собой жену человека среднего сословия, с того взять пять десятков с верблюдом во главе; за жену человека низкого сословия взять три десятка с верблюдом во главе. Кто уведет чужую жену туда, где ее не видно (трудно найти), то муж имеет право взять за то с уведшего его скот вместе с покинутой им женой. Кто будет заниматься скотоложством, то человек, увидевший это, должен отнять скотину, а хозяин скотины имеет получить с того преступного человека пять скотин". "Кто во время ссоры (драки) двух партий будет помогать и при том умрет (т.е. будет убит), то с убившего взять десятка с ценною", сколько человек помогали, столько голов лошадей у них обиженные имеют взять"¹². Все это случаи преступлений, аналогичные предусмотренным в Великой ясе. Из сопоставления кар, положенных за однородные преступления по Ойратским законам и по Великой ясе, видно, насколько жестоки были эти кары по Великой ясе и насколько сравнительно легче они по Ойратскому Уставу взысканий. К этому надо еще добавить, что для целого ряда преступлений по Великой ясе, хотя бы, например, из числа вышеуказанных, в Ойратском Уставе взысканий совершенно не найдется аналогий. Отсюда следует признать правильным мнение проф. *Голстунского*, что Ойратские законы 1640 года составлялись независимо от Великой ясы и других, чисто монгольских юридических источников, но включили в себя, с одной стороны,

11. *Леонтович Ф.И.*, проф. Указ.соч. С. 190-191.

* Так в тексте (примеч.ред.)

12. *Голстунский К.Ф.*, проф. Указ.соч. С. 49 и 56

элементы устного обычного права, создающегося на почве старинных народных обычаев, а с другой стороны, в них вошли постановления, вызванные условиями политического и социального положения монголо-ойратов за период времени, предшествовавший сейму 1640 года, причем на общий характер ойратского законодательства легла заметная печать влияния идей секты желтошапочников¹³. Таким образом, Ойратские законы необходимо рассматривать как продукт самостоятельного юридического творчества калмыков XVII века. Это обстоятельство придает особенную ценность нашему юридическому памятнику. Мы имеем в нем не только документ, сообщающий драгоценные сведения о культуре народа, стоящего недалеко от ступени первобытной культуры, на что указывал в свое время проф. Леонтович¹⁴, но имеем дело с жизненной основой, на которой развивалось калмыцкое право в XVIII веке и пыталось развиваться в первой четверти XIX века. Основа эта оказывается настолько прочною и до такой степени соответствует народному правосознанию, что даже и в укладе современного калмыцкого быта нередко можно проследить действие юридических норм, принятых в ойратском законодательстве. Сюда надо отнести, например, весь строй калмыцкой семьи с ее патриархальными чертами в отношениях членов семьи — безусловное преклонение перед авторитетом жречества, основанное на традиционном взгляде на служителей культа как на лиц особо привилегированного состояния, которым больше, чем кому-либо из смертных, доступны тайны бытия, предупредительно-внимательное отношение к гостю, обязательная помощь страннику и т.д. Все это делается теперь по традиции, но не надо забывать, что все это имеет свою санкцию в Степном уложении 1640 года.

13. Там же, С. 12.

14. Леонтович Ф.И., проф. Указ.соч. С. 35.

III. ПРАВИТЕЛИ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА ДО ВРЕМЕН АЮКИ

Хо-Орлок, приведший торгоутов и хошеутов в Астраханские степи, был убит под Астраханью в 1645 году. Ему наследовал старший сын Шукур-Дайчин. Но свою власть удалось укрепить ему только после борьбы с братьями и при поддержке тибетского Далай-ламы, предложившего Шукур-Дайчину даже ханский титул, от которого, впрочем, Шукур-Дайчин отказался. Поездка его в Тибет падает на 1646 год. В 1645 году Шукур-Дайчин был еще в пределах России среди своих подданных и принимал у себя приезжавшего к калмыкам Зая Пандиту, одного из самых видных деятелей ламаитства, составителя калмыцкой азбуки и переводчика многих ламайских сочинений на калмыцкий язык¹. Сколько времени провел Шукур-Дайчин в Тибете, трудно сказать. Проф. А.М.Позднеев считает, что поездка в Тибет, пребывание у Далай-ламы и у Коконорских сородичей, наконец, обратный путь из Тибета и пребывание у Джунгарских сородичей заняли у Дайчина целых десять лет². Между тем по историческим документам в 1649 году послы от лица Шукур-Дайчина ведут переговоры с русскими властями, чтобы "быть им под царского величества высокою рукою на вечном послушании и с государевыми людьми в миру", причем Дайчин просит выдать для погребения кости отца своего Хо-Орлока и прочих родственников, павших под Астраханью. Если только не предполагать, что Шукур-Дайчин уполномочил на все это своих послов из Тибета, где в то время он мог находиться, или что на все это он дал директивы перед отъездом в Тибет, то поездка его туда повторилась после 1649 года³. Если же ему понадобилось повторить поездку в Тибет, то она вызывалась, надо предполагать, какою-нибудь важною целью. И, кажется, мы не ошибемся, если

1. Гурий, проф.-архим. Указ.соч. С. 175.

2. Позднеев А.М., проф. Указ.соч. С. 146.

3. Гурий, проф.-архим. Указ. соч. С. 179.

скажем, что ехать в Тибет и к сородичам заставляло Шукур-Дайчина стремление упрочить власть над калмыками путем подчинения себе мелких калмыцких князьков, добивавшихся независимости от главного тайши. Надеяться на опору в русской власти Дайчин не мог, с одной стороны, потому, что русская власть при всяком удобном случае настаивала на вечном послушании калмыков России, что не могло нравиться свободолюбивому калмыцкому вождю, а с другой стороны — в самих калмыках и в их вождях стремление Шукур-Дайчина к единоличному господству, очевидно, не встречало сочувствия. Калмыки мыслили себя свободными и заявляли протест против попыток взять их в крепкие руки, обуздывающие их кочевнические порывы. Устами своих родоначальников — мелких князьков — они и русским властям говорили, что в холопстве никогда ни у кого не бывали и никого, кроме Бога, не боятся. Они считают себя вправе кочевать по степям и плавать по рекам, потому что "земля и вода — Божьи", тем более, что в краю, куда они пришли, землею и водою никто не пользуется, кроме них, а что касается до ногайцев и едисан, то они — холопы калмыкам, потому что побеждены калмыками; но все же и с ними калмыки делятся благами кочевой жизни пополам⁴. Шукур-Дайчин не мог не понимать, что раздробление калмыков на мелкие группы с отдельными князьками во главе неминуемо должно было вести к политической гибели калмыцкого народа. Русские, новые обладатели юго-востока, настолько были здесь сильны, что справиться с раздробленной массой кочевников не составило бы им особого труда. Вопрос мог возникнуть только о времени, когда это случится. Шукур-Дайчин ясно представлял себе всю опасность создающегося положения вещей и единственное спасение усматривал в централизации власти, которая имела бы твердую опору себе у самых корней ойратов — в Джунгарии и в Тибете. Туда он и предпринимает путешествие с определенной целью искать поддержки себе. Очевидно, Шукур-Дайчин мыслил единоличное господство над калмыцким народом как начало, способное не только сплотить калмыков, но и наилучше регулировать отношение кочевников к русской власти на юго-востоке. Добившись признания себя в ханских правах от тибетского Далай-ламы, но по тактическим соображениям не назвавшись ханом, Шукур-Дайчин стал на твердую позицию и в качестве главы калмыцкого народа избрал в отношении к русским ту политику двуличности, которою с таким успехом пользовался его знаменитый внук хан Аюка в продолжение пятидесяти лет своего управления калмыцким народом. Шукур-Дайчин и его тайши, начиная с 1649 года,

4. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. XII. Изд. 3. Москва, 1880. С. 276 и дал.

дают целый ряд шертей на русское подданство, клятвенно обещаются быть в вечном послушании России и защищать ее интересы на юго-востоке. Но шерти, даваемые калмыками представителям русской власти при самой торжественной и импонирующей обстановке⁵, не останавливают калмыков от набегов на русские владения, сопровождавшихся грабежом, кровопролитием и захватом в плен русских. 40-е и 50-е годы XVII столетия представляют собой сплошную картину нападений калмыков на русские и башкирские села в Уфимском, Казанском и Самарском уездах, а также — под Саратовом, Царицыном и Астраханью. Всякий раз после очередного нападения калмыки приносят повинную русскому правительству, подыскивают извиняющие для себя обстоятельства и подписывают новые шерти, чтобы тут же их и нарушить.

Русское правительство не предпринимало решительных мер против вероломства и своеволия калмыков, оно было озабочено установлением дружественных отношений с калмыками, и в этом случае в конце 50-х годов XVII столетия существенную помощь правительству оказал Черкасский князь Каспулат, расположенный к России. За сестру Каспулата сватался сын Шукур-Дайчина, калмыцкий тайша Мончак, он же и Пунцук⁶. Обсудив дело с Астраханским воеводою князем В.Г.Ромодановским, Каспулат при выдаче сестры в замужество за Мончака-Пунцука поставил ему условием твердо сохранять верность русскому правительству и оказывать ему помощь войсками против крымского хана. Мончак-Пунцук принял условие и действительно в 1657 году пошел с калмыками под Азов и захватил там 10 тысяч лошадей и 30 ясырей; потом он двинулся против казыевцев и взял у них 5 тысяч лошадей и 1 тысячу ясырей. Кроме того, тогда же Мончак-Пунцук отбил у султана Ша и у Янгурчя 2 тысячи лошадей и 1 тысячу баранов. Такими действиями против врагов России Мончак-Пунцук "к великому государю показал службу и правду". В 1659 году крымский хан прислал к Шукур-Дайчину особое посольство с богатыми подарками — он преподносил Шукур-Дайчину сорок тысяч золотых, сорок собольих шуб, "золотое древо с корольками", сорок хорьковых шуб, сорок куньих шуб, сорок белчих шуб, сорок атласов, сорок чуг золотных, сорок камок "и иных многих подарков",

5. Пунцук, например, при заключении договора с русскими в 1661 в урочище Берекет "покаялся и целовал бога своего Бурхана и молитвенную книгу Бичик, и четки, и ножик свой лизал и к горлу прикладывал". Нефедьев Н., Подробные сведения о Волжских калмыках, собранные на месте. СПб. 1834, С. 22.

6. Как видно, это был второй брак Пунцука. В первый раз Пунцук был женат на дочери Батур-Хунг-тайши, правителя Джунгарии.

чем рассчитывал склонить калмыцких тайшей к совместному походу против Москвы. Уговаривая калмыков идти войной против русских, крымский хан сулил отдать калмыкам города Казань и Астрахань, "да на год хотел присылать по сорока тысяч рублей жалованье на всея годы". Однако калмыцкие тайши не соблазнились посулами крымского хана: они ответили крымскому послу Зал Аге, что "с ним, крымским ханом, в соединенье быть не могут, и великого де государя под города войною идти не хотят же, а жалованье им не надобно", и это потому, "что де они, тайши, у великого государя, е.ц. в-тва⁷, учинились в вечном подданстве и по своей вере шерть учинили и аманат в Астрахань дали, и они де шерти своей нарушать не хотят, — как де они начали ц. в-ству добро, так де они хотят и совершать". Крымский посол остался недоволен ответом калмыцких тайшей и, чтобы досадить им, при своем отъезде перессорил сто татарских дворов, [уговорил их — ред.] с женами и детьми отложиться от калмыков и увел их в Крым. Калмыки были возмущены поступком крымского посла; они говорили: "что де у крымцев учинилась ложь, и впредь де им ни которого добра делать не хотят".

Неудача первого посольства к калмыкам не обескуражила крымского хана. Через некоторое время он снова прислал к ним посольство с подарками и, уговаривая калмыцких тайшей воевать с Россией, уже "сулил им Казань, Астрахань и Касимов и иные многие подарки хотел прислать". Но калмыки оставались тверды, — калмыцкие тайши "в том крымского хана послам отказали и посла их (Караш Аталыка) отпустили к ним назад". Однако, "чтоб их, крымцев, не оскорбить вскоре", калмыки заблагорассудили послать к ним своего посла Алыбай Тархана "для обману, что будто они с ними быть хотят в соединенье", и предложили крымцам прислать к ним в качестве своего посла "взятого их татарина Баракчин да сына". По соображениям калмыцких дипломатов обмен послами должен был гарантировать мирное отношение крымцев к калмыкам, но не препятствовал самим калмыкам делать нападения на крымцев в доказательство преданности калмыцких тайшей русскому правительству. В 1661 году, "после Семеня дни", калмыцкие тайши послали "от себя людей своих войною под Крым и под Азов, и под Казыев улус, и в горы для лошадиного отгону и ясырей, а сами были на стану для вестей"

7. Е.ц. в-тва — его (ее) царского величества (примеч. ред.).

русскому правительству о враждебных предприятиях крымцев против России⁸.

Помощь калмыков во время войны России с Крымом в 1661 году была признана русским правительством весьма существенною, как это видно из наказа Донскому атаману Науму Васильеву. Ввиду оказанной тогда калмыками крупной услуги России им не было поставлено в вину нарушение обещаний отдавать всю добычу от похода в пользу русских, а самим довольствоваться одним государевым жалованьем. Шукур-Дайчин всю захваченную добычу взял себе и поделил ее между своими тайшами⁹. Сдержав слово помогать России в 1661 году против крымцев, Шукур-Дайчин, однако, не препятствует своим калмыкам идти на русские города Мензелинск и Уфу в 1663 году в союзе с башкирцами и ногайцами¹⁰.

Полагают, что Шукур-Дайчин умер в 1667 году¹¹. Ему наследовал сын Пунцук (Мончак), о женитьбе которого на сестре Черкасского князя Каспулата и о действиях против крымцев в 1657-1661 годах сказано выше. В 1668 году Пунцук участвует вместе с русскими в осаде г. Яика (Уральска), занятого восставшими казаками. За оказанные услуги под Яиком из Москвы было предписано воеводам чинить калмыкам ласку и обнадеживать их царскими милостями.

Пунцук умер в 1670 году, и во главе калмыцкого народа встал сын Пунцука Аюка, самый замечательный из калмыцких ханов, правивший народом до 1724 года, когда Аюку в глубокой старости постигла смерть¹².

8. См. "Распросныя речи узденя князя Каспулата Черкасского Хапыка и послов Дайчина и Пунцука тайши относительно тайшей сих переговоров, касающихся до выдачи за Пунцука тайшу сестры князя Каспулата, присылок к тайшам от Крымского хана послов и подарков и проч." — Столбец архива Астраханского Губернского Правления №66, — в "Прибавлениях" к "Астраханским Губернским Ведомостям" за 1843 год, №№ 20 и 21, стр. 150-151 и 155-157. Распрос происходил в Астраханской Приказной Палате 1 января 1661 года.

9. Позднеев А.М., проф. Указ. соч. С. 148.

10. Гурий, проф. архим. Указ. соч. С. 175-183.

11. Этот год устанавливается проф. архим. Гурием. Указ. соч. С. 183.

12. М.Новолетов указывает, что Аюка родился на Цаган-Сару 1642 года и умер 19 февраля 1724 года. Указ. соч. С. 8. Следовательно, Аюка жил 82 года, а не 84, как считает сам М.Новолетов, С. 14, и не 77 лет, как говорит проф. архим. Гурий. Указ. соч. С. 195.

IV. ХАН АЮКА

Хан Аюка родился в 1642 году от брака Пунцука с дочерью Джунгарского правителя Батур-Хунг-тайши и был привезен в Россию в 1654 году двенадцатилетним мальчиком. Он уже в состоянии был сознательно относиться к тому, что происходило в то время в калмыцкой политике, руководимой его дедом Шукур-Дайчином. Можно сказать, он вырос в дипломатической школе своего деда. Он — решительный сторонник единоличной власти; благодаря искусству действий, ему удается сосредоточить власть в своих руках и крепко держать ее. Судьба покровительствует Аюке с первых дней правления. В 1672 году он побеждает сильного торгоутского тайшу Аблая, с которым не в состоянии был бороться даже Шукур-Дайчин, дед Аюки, отнимает у Аблая улус и берет в плен самого владельца¹. Около этого же времени Аюка нападает на своего двоюродного дядю Дугара, берет его с сыном Цереном в плен и отправляет их обоих, Дугара и Церена, в Москву как преступников против царской власти, а сам завладевает улусом Дугара². В стремлении владеть большим числом улусов Аюка не останавливается ни пред какими средствами. Он ссорит владельцев, чтобы обессилить их, но не допускает обиженных искать защиту и поддержку у русских властей, даже больше того — пользуется случаем натравить их на русских. Так, в 1671 году двое из братьев Аюки поссорились и пошли войною друг на друга. Чтобы легче справиться с противником, один из братьев выпросил у русских воевод в помощь себе стрелецкий полк. Близ Черного яра в урочище Булхун-Хунбо враги сошлись, и между ними должно было произойти сражение. Но в критическую минуту Аюка мирит братьев, убеждает их соединиться и напасть на стрелецкий полк. Так они и сделали, — стрелецкий полк весь был перерублен калмыками³.

1. История Калмыцких ханов; см. "Астраханские Губернские Ведомости". 1859 г., № 46, ч. неофиц. С. 283.

2. Описание калмыцких народов, сочиненное В. М. Бакуниным, ркп. Петроградской Публичной библиотеки из древнехранилища Погодина, № 1816, л. 3 об.

3. Позднеев А. М. проф. Указ. соч. С. 149.

Весьма возможно, что Аюка в первые годы правления калмыцким народом под влиянием выпавших на его долю удач далеко заносился мечтами вперед и, вероятно, лелеял надежду стать ханом, независимым от России. Как раз в это время Россия испытывала целый ряд внутренних потрясений, а юго-восточная ее окраина была охвачена движением Разина. Аюка остался в стороне от разинского движения. Империалист в душе, Аюка не мог разделять идеологию казацкой "голытьбы" и ей сочувствовать. Для него непонятно было это "крупное обострение хронической народной оппозиции" против бояр и кулаков, как не понятен был и принцип "полного равенства", провозглашенный вожаком движения⁴. Он сам хотел быть монархом-ханом; хотел видеть в своей свите подчиненных ему верных бояр — тайшей, нойонов и зайсангов. Он не мог протянуть руку помощи удалому казачьему атаману Степану Тимофеевичу Разину, но воздержался и от помощи астраханским воеводам. Только в 1705 году, в стрелецкий бунт, Аюка становится на сторону правительства, и его калмыки истребляют на Волге мятежников, намеревавшихся приступить к Царицыну⁵. Но не забудем, что это было спустя 35 лет от начала правления Аюкой калмыцким народом, когда Аюка убедился, что без поддержки русского правительства ему нельзя обойтись, даже и нося звание хана, предоставленное ему Далай-ламой в 1690 году⁶. И после, в 1708-1709 годах, в Булавинское и Некрасовское движения Аюка помогает своими войсками правительству отстоять Саратов, которому грозили разгром и сожжение, и усмирить бунтовщиков на Дону, где калмыцкий отряд действует совместно с правительственными войсками. В подавлении Башкирского движения, начавшегося около того же самого времени, калмыцкие отряды опять принимают деятельное участие под предводительством Чакдоржапа, старшего сына Аюки⁷. Можно сказать, что с начала XVIII столетия политические симпатии Аюки определенно склоняются на русскую сторону. Вероятно, препоручение Петра I-го охранять русские юго-восточные границы, данное Петром пред отъездом за границу в 1697 году Аюке, польстило его самолюбию и оказало решающее влияние на образ мыслей и на настроение честолюбивого хана, сумевшего тогда же понять, с кем он имеет дело в лице Петра. Уже первые шаги государственной деятельности Петра показали Аюке, что юный царь

4. Фирсов Н. Н., проф. Разинщина как социологическое и психологическое явление народной жизни. С. 3 портретами. Изд. второе. Петроград — Москва. 1914. С. 42-46.

5. Нефедьев Н. Указ. соч. С. 45.

6. Там же. С. 28.

7. Чоюев Е. Калмыки в Русской армии. XVII в., XVIII в. и 1812 год. Пятигорск. 1912. С. 14.

обещает вырасти в мощного правителя страны, не похожего на своих предшественников, царь со своим особым каким-то пониманием государственных задач, с небывалою настойчивостью в достижении намеченных целей, с широким политическим горизонтом, какой дало ему заграничное образование. Чем дальше шло время, тем больше личность Петра импонировала Аюке, и надо поверить искренности того чувства восторга, какой выражал Аюка при встрече с Петром в июне 1722 года, когда Петр посетил Аюку в его доме вблизи Астрахани перед походом в Персию. Аюка говорил Петру, что если бы не старость, он сам пошел бы с Петром воевать против персов. Приняв от Петра почетную саблю, Аюка велел калмыкам стать в кружок и пустить в воздух несколько стрел, а потом подошел к Петру и, указывая на саблю и стрелы, сказал: "Эта сабля и эти стрелы всегда будут готовы на поражение врагов России"⁸.

Конечно, политическое поведение Аюки в 70-х и 80-х годах XVII столетия не безупречно, если рассматривать его с точки зрения русских государственных интересов. Так, дав в 1673 году России шерть "ходить войною на недругов великого государя" и "дурна никакого и задоров не чинить", Аюка в следующем 1674 году сам не пошел в крымский "промысел", но ограничился отправкой младшего брата Замсы с незначительным числом калмыков, и этот Замса, не выполнив данного ему поручения, "с Дону воротился назад к себе в улус". В 1675 и 1676 годах калмыки чинят постоянные набеги на русских, грабят их, разоряют, берут в плен и даже убивают. В 1677 году Аюка с братьями Мончаком и Замсою и тайшой Солом Сереном дают новую шерть на верность России, но вскоре и эту шерть нарушают⁹. За период времени с 1681 по 1683 год Аюка действует заодно с башкирцами против России и подвергает разгрому разные русские города и особенно русские и черемисские селения в Казанском и Уфимском уездах и по Волге. Русские и черемисы с женами и детьми захватываются в плен калмыками. "Нечего и говорить при этом об отгонах табунов, громадных стад рогатого скота и грабежах имущества. Сообщение с Астраханью за эти годы было крайне затруднительно не только зимой, но и в летнее время. От Царицына

8. Бобров В. Калмыцкий владетель Аюка хан// "Астраханские Губернские Ведомости". 1843 год, № 25, ч. неофиц. С. 181.

9. Шертельная запись заканчивается клятвой: "За измену призываем на себя и всех людей своих гнев Божий, и огненный меч, и тою саблею, которую ныне я, Аюка, и Замса, и Солом Серен-тайши, вынув из ножен на головы свои кладем и к горлу прикладываем, головы наши от неприятелей наших посечены были, и будем прокляты по своей калмыцкой вере в сем веке и в будущем". Н.Нефедьев. Указ. соч. С. 26

до Астрахани не было проезда от калмыков даже многочисленным компаниям, отправлявшимся притом водным путем; поэтому-то едущие в какой-либо из этих городов должны были ожидать попутчиков, чтобы проехать, собравшись большими отрядами"¹⁰. Едва ли, впрочем, частичные набеги на русских делались калмыками по приказанию Аюки, и если возможно винить за них Аюку, то вина его заключалась разве только в попустительстве.

После разорения Казанской и Уфимской губерний в 1681-1683 годах, — в чем Аюка безусловно виновен, — он прекращает нападения на русских. Воинственный хан обращает оружие против мусульманских племен по восточному побережью Каспийского моря. Он покоряет трухменцев, кочевавших около Мангишлака, и налагает на них дань. Успешно воюет с хивинцами и наносит сильное поражение каракалпакам. В битве с калмыками падает каракалпацкий хан Кучук, а сын его Мурат, сначала пробравшийся к башкирцам и от них убежавший на Кубань, в 1708 году попадает там в плен к калмыкам. В 1709 году Аюка смиряет кубанских горцев — кумыков, отложившихся от России на сторону Турции, и возвращает их к подданству России. В 1711-1712 годах Аюка побеждает кубанского Джан-Арсланбека мурзу, который погибает в бою, и потом, встретив на реке Маньч горцев, решившихся жестоко отомстить Аюке за гибель Арсланбека, дает им генеральное сражение в 35-ти верстах выше устья Калауса и разбивает горцев наголову¹¹.

1715 год принес несчастье Аюке. Когда он кочевал на берегах Волги недалеко от Астрахани, на него неожиданно напал кубанский султан Бахты-Гирей с татарами и разорил несколько калмыцких

10. Позднеев А., проф. Указ. соч. С. 150-151.

11. Новолетов М. Указ. соч. С. 8-10. Документы 1708-1712 годов из Астраханского Калмыцкого архива, на которые ссылается в данном случае автор, надо считать, кажется, безнадежно погибшими. В 1886 году они были отосланы директору Петербургского Археологического Института Андриевскому, вследствие отношения Департамента общих дел от 22 ноября 1886 года за № 11355, для занятий проф. А. М. Позднеева и обратно не были возвращены См. АКА. Дело 1891 года, по столу 1 № 24, по архиву № 4. В 1906 году проф. Позднеев в бытность свою в Астрахани лично сообщал чиновнику Киселеву, что указанные документы переданы им, Позднеевым, б. Главному Попечителю Калмыцкого народа И. С. Картелю. Навести справку у Картеля не представлялось возможным, так как его давно уже не было в живых; оставалось одно — записать для памяти объяснение проф. Позднеева, что архивариус и сделал карандашом на первой странице "Архивной Описи дел Управления Калмыцким Народом исторического отдела с 1713 года, разобранным и просмотренным комиссией, назначенною для разборки архивных дел в 1899 году".

улусов, причем Аюка потерял собственные кибитки и имущество. Сам Аюка с женой спасся от плена благодаря лишь тому, что на выручку хана был двинут из Астрахани отряд русских войск под командою князя Александра Бековича Черкасского, который принял Аюку под защиту на реке Болде и остановил наступление татар. Аюка требовал от Бековича, чтобы тот дал бой татарам, но Бекович под разными предлогами отказал Аюке в его требовании, и Бахты-Гирей безнаказанно ушел на Кубань, уведя с собою ембулукских и етсанских татар, находившихся до того времени в подчинении калмыков. Аюка был оскорблен этим, затаил злобу против Бековича и чрез два года нашел случай отомстить ему. В 1717 году Бекович с небольшим отрядом отправился в Хиву для некоторых переговоров с хивинским ханом Ширгазою. Намерения русских были мирные, но Аюка чрез туркменца Доулата подал ложное сообщение Ширгазе, будто русские идут войною на Хиву. Тогда хивинцы, соединившись с аральцами и туркменами, напали на отряд Бековича, истребили весь отряд и самого Бековича убили¹². В том же 1717 году сын Аюки Чақдоржап возвращает с Кубани ембулукских и етсанских татар обратно под власть калмыков, и Аюка мирится с Бахты-Гирей султаном, причем Чақдоржап помогает Бахты-Гирею усмирить татар Большой Ногайской Орды, возмущившихся против кубанского султана. Примирение Аюки с Бахты-Гиреем дало возможность последнему сделать нападение на Саратовскую и Пензенскую губернии, дорогу куда указали кубанцам калмыцкие зайсанги Ноем Омбо, Буджан и те 170 человек калмыков, которых Чақдоржап оставил при Бахты-Гирее. Тщетно русские власти добивались от Аюки помощи; на все просьбы о ней Аюка отвечал, что не может оказать ее, не имея о том особого повеления от высшей власти и при этом ссылался на подобный же ответ ему князя Александра Бековича в 1715 году, когда Аюка просил Бековича стрелять по татарам на р.Болде. В делах Астраханского калмыцкого архива сохранились, между прочим, два письма Чақдоржапа к астраханскому обер-коменданту М.И.Чирикову от 4 и 8 августа 1717 года, в которых Чақдоржап извещал о наступлении Бахты-Гирея. В письме от 4 августа Чақдоржап пишет: "Слышно нам вестей: Бахты-Гирей салтан с войском, с тысячу или больше¹³, против Царицына к Волге пришли, и от них де наших людей выходцы, а куда

12. Нефедьев Н. Указ. соч. С. 39-40. Позднеев А.М., проф. Указ.соч. С. 154, примеч. 2.

13. Перевод здесь неправильный. Чақдоржап сообщает Чирикову, что Бахты-Гирей "более чем с 10000 человек подступил к Царицыну на Волге": — перевод А.М.Позднеева, см. Указ.соч. С. 155.

они едут, того мы не ведаем. И они хотят идти до Казани и русских людей хотят брать. И еще какие ведомости будут, о том буду писать. И буде к вам какие ведомости будут, изволь ко мне писать. Ниже вас или выше хотят татары на нагорную сторону переправиться и бежать на Кубань, изволь по местам поставить караул и их не пускать". От 8-го августа Чақдоржап пишет: "Бахты-Гирей салтан вышел выше Царицына, тому ныне шестой день, пошел вверх. Наши заставные караульщики за ними следом ходили и две лошади у них в урочище вянули; а с того урочища пошли, тому же ныне четыре дня"¹⁴. Бросается здесь в глаза слишком позднее предупреждение Чақдоржапа астраханских воевод об опасности со стороны Бахты-Гирея. Неприятель уже подошел к Царицыну и взял направление вверх по Волге, а Чақдоржап только еще доводит об этом до сведения властей. Трудно предположить, чтобы Чақдоржап не знал о готовившемся набеге Бахты-Гирея, хотя бы от тех калмыцких выходцев, на которых указывает он в первом своем письме. Аюка и Чақдоржап, очевидно, действовали заодно и сознательно дали возможность Бахты-Гирею пройти незамеченным к Царицыну. Оба они жестоко мстили этим русской власти за 1715 год.

Проф. А.М.Позднеев и некоторые другие авторы, вообще резко осуждая политику Аюки, особенно упрекают его за поведение в 1717 году, они находят поведение Аюки "вероломным" в отношении к русской власти¹⁵. Что Аюка действовал в 70-х и 80-х годах XVIII столетия не в пользу России, мы это видели. Виновен он в трагической гибели Александра Бековича Черкасского и в пропуске Бахты-Гирея в Россию в 1717 году, это тоже надо признать. Но насколько глубока его вина, — сознавал ли он, что своими действиями учиняет вероломство, и чем объяснить, с другой стороны, что во многих случаях он оказывал ценные услуги России, добросовестно сражаясь с врагами России в 1705 году, в 1708-1709 годах, в 1711-1712 годах и, наконец, в 1722 году, когда Аюка предоставил Петру значительные калмыцкие войска для похода в Персию, а на другой год — для похода в Дагестан? Дело в том, что Аюка мыслил себя не столько подданным, сколько союзником России. По договорным статьям 1697 года предусматривались походы калмыков на бухарцев, каракалпаков и киргизов, а также набеги их в Крым, на Кубань и в горы,

14. Калмыцкий архив в Астрахани (далее будет цитироваться сокращенно: АКА) Дело 1717 года, вязка 1, л.99 и л. 103.

15. Позднеев А. М., Указ. соч. С. 154-156. Гурий проф. архим. Указ.соч., С. 191-193.

для чего положено было отпускать калмыкам свинец и порох, даже была обещана артиллерия¹⁶. По договору 1708 года Аюка обязывался в случае надобности давать военную помощь комендантам приволжских городов и терской крепости, причем и ему самому обещана была помощь всех комендантов от Астрахани до Самары против крымцев, башкирцев и других неприятелей¹⁷. Военные операции калмыков по восточному побережью Каспийского моря, на Кубани и в Крыму были в интересах России, и "служба" Аюки на юго-восточной окраине России признавалась настолько ценною, что от правительства, кроме разных подарков, ему было положено определенное годовичное жалованье, состоявшее из денег, муки, овощей, вина и военных припасов¹⁸. Само собою разумеется, что неся свою "службу", всегда сопряженную с большим или меньшим риском за жизнь и благополучие, Аюка морально и юридически чувствовал себя вправе требовать от русских властей существенной помощи в критическую минуту и не мог не оскорбляться, если необходимой помощи он не получал в трудный момент. Сохранилось интересное письмо Аюки к астраханскому обер-коменданту бригадиру К.Эваницкому от 23 февраля 1719 года. Ожидая нападения кубанских татар на калмыков, Аюка задает вопрос Эваницкому, незадолго перед тем назначенному на должность обер-коменданта вместо М.И.Чирикова: "Есть ли у вашей милости такой указ, что к нам какие неприятели или к вам будут, и вам бы за нас стоять, так же и нам за вас стоять? И буде такой есть указ, и вы за нас для чего не стоите? Також, буде такого указа нет, что за нас стоять, и ваша милость к царскому величеству пишете, чтоб ведомость привезли. И мы вместе с вами живем, и друг за друга надобеть стоять. И об оном к царскому величеству немедленно отпишете, — какие будут неприятели, чтоб было кому за нас стоять¹⁹. А Чақдоржап тому же бригадиру Эваницкому пишет от 19 августа 1719 года: "Карамурза с Китай-Кипчаки собравшись, все их войско, поднялись подлинно. Надобно ниже и выше Царицына в причинных местах поставить в разъезд караул великого государя. И о всяких государевых делах я радею. Буде за нас стоять не станете, и я сам себя буду беречь". В другом письме, от того же числа, Чақдоржап напоминает Эваницкому, что "мы, (калмыки), договорясь с великим государем, живем дружно" (с ним).²⁰ Вопрос Эваницкому, есть ли у него

указ о поддержке калмыков в случае нападения на них неприятелей, показывает, что Аюка склонен был усматривать причину своих военных неудач в недоброжелательном или просто невнимательном отношении к себе не столько высшего правительства, сколько местных властей, которые отказывали ему в помощи, когда она была нужна, забывая, что от этого страдают интересы не одних калмыков, но и русских. Надо принять во внимание, что местные власти действительно далеко не стояли тогда на высоте положения и не могли похвалиться надлежащим отношением к служебному долгу и радением о государственном благе. Личные выгоды ставились у них на первом плане, как мы видим это хотя бы на примере предместника Эваницкого М.И.Чирикова, несколько лет стоявшего у кормила правления в Астрахани, но покончившего службу печально, его удалили от должности за лихоимство, взяточничество и вообще за преступное отношение к обязанностям обер-коменданта²¹. Имея дело с подобными представителями власти и нередко страдая от них, мог ли Аюка сохранять всегда равновесие духа и мог ли он удержаться от удовлетворения накопившего чувства мести за обиды, — чувства тем более простительного в Аюке, что он был кочевник?.. Нужно сказать, что у калмыков на первых же порах знакомства с русскими составилось весьма невыгодное представление об их моральных качествах: русские "не стыдятся, когда говорят ложь", — такой приговор вынесли о них послы Хо-Орлока, и калмыки твердо запомнили это²². На личном опыте Аюка убедился в отсутствии у русских верности установленным договорам и в перевесе у них личных интересов над общими; что же оставалось Аюке делать, как не прибегать к той мере отплаты, какая подсказывалась его темпераментом и ступенью культурного развития, на которой он стоял? В 1719 году Аюка мстил русским за 1715 год, это верно: но едва ли историк будет справедлив, вынося суровое осуждение за 1719 год одному Аюке, тем более, что даже высшая тогдашняя правительственная власть оставила Аюку безнаказанным. Это последнее произошло не потому, что Петр остерегался храброго и хитрого вождя калмыков, как склонен был думать проф. А.М.Позднеев²³, а скорее всего потому, что умевший разбираться в людях Петр видел безупречность поведения русских по отношению к Аюке и калмыкам, и долг справедливости удерживал Петра от применения к ним каких бы то ни было репрессий. В официальных документах Петр именовал Аюку своим "верным *подданным*", но

16. Нефедьев Н. Указ. соч. С. 30.

17. Там же. С. 34.

18. Новолетов М. Указ. соч. С. 13.

19. АКА Дело 1719 года, № 6. вязка 1, л. 58.

20. Там же, л. 100 и об.

21. Корсаков Д.А., проф. Артемий Петрович Вольтинский (Биографический очерк). См. Сборник "Древняя и Новая Россия". т.1. СПб, 1877. С. 87.

22. Позднеев А.М., проф. Указ. соч. С. 145-146.

23. Там же. С. 156.

фактически он считал его союзником и заключал с ним договоры. При усмирении Булавинского бунта Аюка берет себе в плен казаков, их жен и детей. Мало того, он обменивает их на русских людей, ранее захваченных им в плен во время набегов на Казанскую и Уфимскую губернии, или берет выкуп с пленников, давая им свободу. В 1714 году Чақдоржап, старший сын Аюки, меняется татарами с русскою властью; от 13 сентября этого года он пишет Астраханскому обер-коменданту М.И.Чирикову: "Наши Етсаны и Ембулуки у вас живут, а ваши — у нас, и вы наших людей к нам вышлите, а мы ваших Юртовских татар вышлем"²⁴. Аюка самостоятельно посылает послов к владетельным особам и принимает от них посольства по политическим делам. От 25 августа 1713 г. Чақдоржап пишет М.И.Чирикову: "Посыльщик наш был в Китаях, и китайский царь того посыльщика вельми одарил, и провожатых русских людей такожде одарил, и говорит он, царь, что хочет с нами быть в дружелюбии и шлет к нам посла своего с 30 человеки"²⁵. От 19 апреля 1714 года Аюка извещает Чирикова: "Посол Китайской слышно нам, что будет вскоре", то же известие о скором прибытии к калмыкам китайского посла Аюка повторяет в письме от 22 апреля того же года и просит прислать почетный караул и угощение послу²⁶. От 22 июня того же года Аюка извещает Чирикова: "Послали мы посыльщиков своих к Хивинскому Яды-Герухану"²⁷. От 23 августа того же года Аюка пишет: "Посылаю я в Хиву для нужды посыльщика своего"²⁸. От 23 марта 1717 года Аюка извещает Чирикова: "Послал я в Персиду послом человека своего Достека"; из письма от 23 марта того же года видно, что калмыцкое посольство в Персию состояло из ста трех человек²⁹. Нечего уже говорить о том, что с кубанскими и горскими владельцами Аюка входил в дипломатические переговоры, заключал мир и начинал войну исключительно по собственному усмотрению, не спрашивая разрешения на то у русских властей. Если все это признавалось нормальным, то выходит, что в представлении высшей русской власти Аюка был полунезависимым ханом. Ему была предоставлена Петром в ведение широкая Приволжская и Прикаспийская степь, служившая ареной непрерывных боевых столкновений Аюки с неприятелем. И что же удивительного, если облеченный большими царскими полномочиями, редко сходявший с боевого коня, смотревший смело в глаза опасности

24. АКА, Дело 1714 года, № 2, вязка 1, л. 114.

25. АКА, Дело 1713 года, № 1, вязка 1, л. 17.

26. АКА, Дело 1714 года, № 2, вязка 1, л. 48 и л. 57.

27. Там же, л. 85.

28. Там же, л. 128.

29. АКА, Дело 1717 года, № 5, вязка 1, л. 29 и л. 33.

калмыцкий хан считал себя привилегированной особой, а в служебном ранге лицом несравненно более высоким, чем астраханские воеводы? С его точки зрения ничего не было странного в том, что он, например, свои деловые бумаги к русским воеводам именовал "указами", и воеводы принимали их. Только генерал-адъютант А.П.Волынский, назначенный в 1719 году астраханским губернатором, счел обидой для себя такую форму письменных обращений к нему Аюки, отказался принять одно из его писем-"указов" и велел возвратить это письмо обратно калмыцкому хану с его посланным. Мало того, в начале октября 1721 года к Аюке был послан А.П.Волынский подполковник Дивициах, заявивший хану, что писать в Астрахань указы для него, хана, "не что иное, токмо один стыд", ибо в государстве е.ц.в-ства никто не повинен указов его слушать", и что если хан будет продолжать присылку указов к губернатору, то и к нему "не токмо из Астрахани, но и от прочих указами писано будет". Изворотливый Аюка нашел способ выйти из затруднительного положения, в какое был поставлен перспективой получать указы от Астраханских властей. Он объяснил, что на калмыцком языке "указ", "приказ" — слова все разные: невеликие, а великое толкуется "повеление", и кроме бога и е.ц.в-ства другого повелителя никакого нет. А я сему недостойн и повелевать не могу", — говорит Аюка. "А что в письмах моих пишется "указ", и то — не повеление, но токмо что мой указ письма дает к кому пошлется. И о сем донесите губернатору, — прибавил Аюка, — чтоб он ко мне отписал, велит ли он писать, что мой указ ему письмо дал, или не велит; и ежели велит, то я так и буду писать, а ежели не велит, то я так писать не буду; а ссоры за сие никакой нет и не будет, и ни за что ссориться не надлежит"³⁰. Конечно, А.П.Волынский не мог воспретить Аюке давать своему секретарю указы об отсылке того или иного письма к губернатору. Но, разумеется, речь шла не о том; Аюка отлично понимал, что губернатора возмущает то, как мог осмелиться хан посылать к нему, губернатору, свои приказы. Давать по губернии всякого рода распоряжения А.П.Волынский мыслил властным только себя, а калмыцкого хана считал своим подчиненным. Некоторые историки с большим одобрением относятся к этому поступку Волынского; они находят, что Волынский этим "пресек навсегда старую повелительную форму обращения", якобы "унижавшую" Россию³¹. Но ведь роль Аюки на юго-востоке России не изменилась от того, что губернатор запретил ему называть деловые бумаги "указами". Роль его служить стражем

30. АКА, Дело 1721 года, № 9, вязка 1, л. 387 и об.

31. Позднеев А.М., проф. Указ. соч. С. 155.

государственных интересов на юго-востоке не переходила всецело к астраханскому губернатору, — Аюка по-прежнему оставался на той же "службе" Петру и по-прежнему продолжал оберегать для России ее юго-восточную окраину. Зачем же нужна была такая резкая выходка со стороны Волинского?! Соображая положение вещей, не следует ли расценивать поступок Волинского как один из неудачных приемов в обращении с калмыцким ханом представителя русской администрации, свидетельствующий в данном случае только о непомерном самолюбии и мелочности Волинского, а не об его дипломатических способностях? Насколько низок был моральный уровень астраханских властей, Аюка отлично знал. Пред его глазами проходила служебная деятельность администраторов в духе М.И.Чирикова. Скоро он убедился, что и губернатор Волинский, такой на словах ревностный блюститель государственных интересов и престижа России, придворный вельможа, в сущности недалеко ушел от своих предшественников по части достижения корыстных целей и проявления административного произвола, граничащего с беззаконием³². Поступок Волинского должен был произвести тяжелое впечатление на старого воина. Аюка получал неожиданное оскорбление, и это оскорбление должно было казаться тем более нестерпимым для Аюки, что оно шло не от высшей правительственной, а от местной власти. Конечно, Аюка должен был снести это оскорбление, но целый ряд незаслуженных обид в результате ли нежелания русских властей понять особую психологию калмыков или просто неумения обращаться с ними довел калмыков в конце концов до того, что из друзей России они превратились в ее недругов и в 1771 году порешили покончить всякие счеты с Россией уходом из нее.

Мысль об уходе из России на Дальний Восток, оказывается была не чужда и Аюке. В 1767 году калмыцкий владелец Замьян, предупреждая тогдашнего астраханского губернатора Н.А.Бекетова о готовящемся бегстве калмыков из России, писал, между прочим, что калмыки давно уже собираются уйти из России в Джунгарию и что еще "Аюка хан имел двоекратное намерение отсюда туда откочевать,

но того учинить не удалось" ему³³. Несомненно, симпатии Аюки были на стороне далекой отчизны калмыков; известно также, что в 1713-1714 годах он входил в какие-то политические сношения с Китаем, а китайскому посольству в 1714 году определенно говорил: "Хотя я и живу вдали от вашего (китайского) государства, но вы видите по моей шапке и платью, что я почти ничем не разниюсь от вас; примените нас к русским и смотрите, как велика разница между нами и ими и по платью, и по шапкам, и по языку, и по всему образу жизни"³⁴. Но почему же все-таки Аюка остался в России? Как ни затруднительно было подчас положение Аюки, оказавшегося между двух огней, воюя с врагами России и не встречая особенной признательности за это со стороны правительства; как ни ясно он сознавал, быть может, что для будущности калмыцкого народа деятельность его приносит мало пользы, так как результаты ее всецело поступают в распоряжение России, но, вероятно, практический расчет вместе с привычкой к России подсказывали ему, что под властью Китая он и сам лишится той доли независимости, какая предоставлена ему Россией, и калмыцкий народ потеряет в Джунгарии свою вольность скорее, чем в России. Дальновидный хан предусматривал участь порабощения Китаем Джунгарии, которую правил Цеван-Раптан, женатый на дочери Аюки, и хотя знал, что джунгарцы укоряют его "холопством" России³⁵, но он соображал, что грядущее для Джунгарии холопство от Китая будет тяжелее русского "холопства". Он выбирал из двух зол меньшее и рассуждал так, что ему лучше остаться подданным Петра, способного ценить его заслуги, чем идти в Джунгарию, на которую рано или поздно обрушится гнет Китая, и ее правители будут лишены всякой власти над народом. Аюка остался в России.

Историки справедливо находят, что "правление Аюки, продолжавшееся с лишком 50 лет, заключает в себе самый занимательный

33. Письмо Замьяна от 2 марта 1767 года. АКА. Дело 1769 года. № 352, вязка 87, л. 25

34. Позднеев А.М., проф. Указ.соч. С. 153.

35. В 1722-1724 годах к Джунгарскому правителю Хунг-тайши Цеван-Раптану ездило русское посольство для переговоров о переходе Джунгарии в русское подданство. Перспектива оказаться под властью России встретила, однако, сильную оппозицию в среде джунгарской знати. В дневнике капитана Унковского под 9 августа 1723 года записано; "Жена Контайшина, меньшая Аюкина дочь, Черен Дондуку (двоюродный брат Цеван-Раптана, один из сильнейших противников подданства джунгарцев России) о том спорила, и он ей сказал, разве де и нам так быть в холопстве, как отец твой?" См. дневник посольства Унковского к Джунгарскому Контайше 1722-1724 гг., изданный географическим Обществом под редакцией Н.И.Веселовского. С. 119.

32. О невысоких моральных принципах А.П.Волинского свидетельствуют факты, приводимые проф. Д.А.Корсаковым в цит.ст., стр.298 и далее. Сюда же можно присоединить циркулировавший в Астрахани слух о похищении Волинским из Астраханского Троицкого монастыря дорогой ризы, о чем сообщает "Краткая История Астраханской Епархии". Астрахань. 1886: "Поговаривали, что он, т.е. А.П.Волинский, взял из Троицкого монастыря ризу, стоящую сто тысяч рублей", стр. 66. Репутация губернатора Волинского, очевидно, была настолько невысока, что народная молва не постеснялась усвоить ему и это некрасивое деяние.

период в истории Волжских калмыков"³⁶. За эти пятьдесят лет протекло много важных событий в жизни калмыцкого народа, преимущественно — военного характера. За этот период времени слагались отношения калмыков к русскому населению в Астраханском крае. За этот же длительный срок определялось будущее положение калмыцкого народа в России. По первым шагам губернатора А.П.Волынского можно было уже видеть, что политика русского правительства в дальнейшем примет определенный курс стремления всецело подчинить себе вольный народ и что все сводится лишь к вопросу, когда это случится. Пока жив был Аюка, нельзя было действовать решительно, слишком высок был авторитет старого калмыцкого предводителя и поступить с ним, как с заурядным правителем, было бы неосторожностью со стороны русской власти. Старый Аюка в состоянии был наделать много хлопот и причинить много неприятностей России, если бы правительство решило сразу ограничить его права и отнять у него власть. Надо было действовать постепенно, возлагая надежды на время и учитывая, то, что в калмыцком народе все держится одним Аюкой. Слава Аюки была славою калмыцкого народа. Умер Аюка, умерла с ним его слава, — померкла с нею и слава калмыцкого народа, никогда уже больше к нему не возвращавшаяся.

Следует, впрочем, сказать, что признаки упадка стали заявлять о себе еще при жизни Аюки. Выше отмечено, что Аюка был и в душе, и на практике империалист. Однако тот империалист Аюка, который в конце XVII столетия сумел сосредоточить власть над народом в своих руках, чтобы удобнее было управлять кочевниками, вступая с ними в непосредственное соприкосновение, как это бывает в патриархальном быту, и тот Аюка, которому в XVIII веке пришлось ближе познакомиться с русским административно-политическим строем, многое усвоить из него и применить к калмыкам, — это были два разные лица. Калмыцкие тайши, нойоны и зайсанги, считавшиеся раньше только предводителями больших или меньших калмыцких групп, начали превращаться в администраторов и владельцев, облеченных широкими полномочиями и правами, напоминающими права и полномочия русских воевод и помещиков. Связь простолюдинов с владельцами, прежде покоившаяся больше на моральных началах, когда владельцы являлись как бы опекунами подчиненных им простолюдинов, приняла другой оттенок: владельцы стали проявлять власть над подчиненными, стали даже распоряжаться ими, как рабами.

36. Нефедьев Н. Указ. соч. С. 44.

Момент насилия начинает привходить в прежние патриархальные отношения между владельцами и их подвластными. Ойратское право 1640 года почти не знало этого насилия. Но его пришлось уже ограничивать калмыцким законодательством в половине XVIII века и бороться с ним энергичными мерами при выработке законоположений в первой четверти XIX века, когда зло укоренилось и приняло нетерпимые размеры. Власть хана тоже изменила свой прежний характер. Хан стал трактоваться уже как царь. Тайши, нойоны и зайсанги составили его придворную свиту и подразделились на ранги, каждый со своим служебным достоинством в зависимости от степени близости к особе хана-царя. Появилось местничество, а с ним интриги, ссоры и раздоры между владельцами. Это содействовало укреплению положения хана как царя, но печально отражалось на отношениях владельцев к простолюдином, ибо за возвышением в придворном ранге того или другого владельца неминуемо следовало увеличение гнета владельца по отношению к его подчиненным. Чем больше значения приобретал владелец при ханском дворе, тем в больших размерах он проявлял свою власть над улусом. Конечно, новые порядки приходились не по натуре свободолюбивым калмыкам, и с начала XVIII столетия ясно заявляют о себе попытки калмыков освободиться от нарождавшейся у них помещичьей власти. Калмыки начинают уходить от владельцев и делают это даже на легальном основании. Они пользуются правом перехода в Россию, преимущественно на Дон, с принятием христианства, согласно особым договорам русского правительства с ханом Аюкою в 1673, 1677 и 1697 годах³⁷. Если в конце XVII столетия число таких выходцев из калмыков в Россию было сравнительно незначительно, то с XVIII века оно увеличилось настолько, что Аюка начинает протестовать против ухода от него калмыков, ухода, принявшего характер настоящего бегства в Россию. Он жалуется Петру, и по его жалобе Петр посылает Аюке указ от 25 января 1717 года, в каковом указе читаем: "К нам, великому государю, к нашему царскому величеству, писал ты, подданный наш, с посланным своим Чихирь Кашкою с товарищи в разных своих листах с прошением о беглых калмыках, которые сбежали на Дон. И по нашему царского величества указу велено их отдавать, и для взятия и отыскания их и ты, подданный наш, на Дон от себя послал, и потому твоему посланному с Дону отдано тех беглых калмык малая половина, а большая там удержана. А в прошлом 1716 году к нам, великому государю, к нашему царскому величеству, писали с Дону войсковой атаман Максим Фролов и все войско, что в 1714-м и в

37. Юштин Ф.М. Обзорение мероприятий правительства к распространению христианства между калмыками. Астрахань. 1883. С. 1-3.

1715 годах присланным твоим, подданного нашего, посланцем беглых калмык они, донские казаки, отдавали, а именно: в 1714 году отдали и с присланным от тебя послали двадцать пять человек, в 1715 году послали к тебе ж с Улду-Скуном калмыком пятнадцать человек, а в прошлом же 1715 году декабря 28 числа пришло к ним в Черкасской от тебя, подданного нашего, калмык тридцать кибиток с женами и детьми, Серке-Мерген с товарищи двадцать один человек, кроме жен и детей, а в том числе пять кибиток их старожилых калмык, которые у них, Донских казаков, из давних лет живали и служили с ними. И по нашему, царского величества указу и по грамотам, оных пришедших калмык они, Донские казаки, посланцам твоим, Паянкарю и Хозараю отдавали, и они Калмыки Серке-Мерген мурза с товарищи с теми посланцами к тебе, подданному нашему, в улусы не пошли и желали воспринять христианскую веру, и жить при Черкасском, и служить с войском Донским обще; а пяти кибиток старожилых калмык отдать де им не надлежит для того, что оные калмыки пяти кибиток Серик Усенева и с братьями своими — старые жители и наперед сего жили при Черкасском из давних лет и служили с ними, казаками, в войске обще и были на службах под Ригою и в Польше, а в 1709 году забрал их из-под Черкасского Чеметь тайша насильством. И по нашему царского величества указу пришедших на Дон калмык — Серке-Мергена с товарищи двадцати одного человека с женами их с детьми, велено отослать с Дону в Чугуев и тамо по желанию их крестить и написать с тамошними новокрещенными калмыки в службу, и жалованье давать против тех же; а калмыкам пяти кибиток, ежели они подлинно на Дону из давних лет жили и служили с Донскими казаками вместе, а в 1709 году забрал их калмыцкий Чеметь тайша насильством, жить по-прежнему на Дону; и о том послана наша, царского величества, грамота на Дон к войсковому атаману Максиму Фролову и ко всему войску. Да в прошлом же 1716 году в другой отписке того же войскового атамана Максима Фролова и всего войска писано, что до того ж в 1716 году февраля в 5 день перешло было к ним в Черкасской из-за Волги твоего, подданного нашего, владения калмык близ ста человек с женами и с детьми, и с пожитки. И того февраля 22 числа писал ты, подданной наш, к ним — присылал от себя посланцев своих, Козарая и Бода с товарищи, дабы оных беглых твоих калмык они отдавали к тебе, подданному нашему, в улусы по-прежнему, и они, казаки, тех калмык перебрали, и которые старожилые их калмыки наперед сего деды и отцы их, и братья породились у них при Черкасском и служили обще с ними и были в армиях под Ригою и в Польше, со излишним тридцать человек с женами и с детьми, у себя удержали, а пятьдесят человек новопришедших калмык с женами и с детьми, и со всеми их пожитки вышеупомянутым твоим посланцам отдали и к тебе за Волгу по-прежнему послали, и для провожения до Царицына

придано из Черкасского тридцать человек казаков и до Царицына допроводили к тебе, подданному нашему, и к тайшам писали, дабы впредь калмыкам бегать не допускали, и учинили б заставы и караулы крепкие. И мы, великий государь, указом по прошению твоему, подданного нашего, о беглых на Дон владения твоего калмыках: хотя войсковою атаман и все войско Донское доносят, что посланцам твоим беглых твоих калмык, которые вновь от тебя сбежали и к ним пришли, отдали со всеми их пожитки, а других удержали, что те калмыки старинные, однако ж послать ныне еще нашу царского величества грамоту на Дон к ним, войсковому атаману Максиму Фролову и ко всему войску Донскому, дабы конечно пришедших вновь калмыков твоих отдали тебе назад и впредь отнюдь не принимали, и о тех калмыках, которых они, Донские казаки, называют своими старинными, прислали сюда в нашу Государственную Посольскую Канцелярию подлинное известие; когда же пришлют, и то тебе, подданному нашему, сообщится. Которые ж калмыки владения твоего, выходя из улусов твоих, пожелают быть в христианской вере и просят о крещении, и по закону христианскому таких калмык не принимать и от святого крещения отказывать отнюдь невозможно и что недавно такие калмыки приняты и крещены, и на Казанской стороне у реки Терешки земля им дана, церковь построена, и село заведено. Тако ж и на Дон пришедших двадцати пяти кибиток Серке-Мергена мурзу с товарищи велено отослать для крещения и житья в Чугуев. Того тебе, подданному нашему, за обиду себе и озлобление ставить не надобно. А наша, царского величества, милость к тебе, подданному нашему, непременно, и содержим мы, великий государь, наше царское величество, тебя, подданного нашего, всегда в милости нашей. И по нашему царского величества указу новокрещенным калмыкам в калмыцкие улусы ездить и других калмык подговаривать будет заказано, и впредь, которые калмыки сами по желанию своему будут приходить и крещения просить, и тех, дабы тебе, подданному нашему, досад от них не было, по Волге и в близости улусов твоих селить не велено, но отсылать их для крещения и поселения в иные русские места³⁸.

Еще при Аюке за каждого беглого от него калмыка в случае принятия им христианства русское правительство обязалось уплачивать хану по 30 рублей³⁹. Но с течением времени побег калмыков стал настолько значителен, что и денежное вознаграждение не могло удовлетворить калмыцкого хана. В 1704 году Аюка приказал разру-

38. АКА. Дело № 11, вязка 2, лл. 227-229.

39. Юштин Ф.М. Указ. соч. С. 3.

шить и сжечь целое поселение крещеных калмыков на реке Терешке, а калмыков снова перевести в их улусы, оправдываясь пред русским правительством тем, что "он всегда имел за собою право забрать своих холопей"⁴⁰. А позже, в 1774 году, хан Дондок-Даши арестовал жену и детей хошеутского владельца Ончика, пожелавшего креститься, и завладел его имуществом, причем на протест астраханского губернатора В.Н.Татищева заявил ему: "Когда кто уже крестился, мы не требуем, а хотя кто креститься желает, и о том мы уведем и от того удержим или хотя и побьем до смерти, за то на нас штрафа не взыскивалось для того, что они еще в наших руках"⁴¹. Очевидно, опасение растерять мало-помалу всех калмыков заставляло калмыцких ханов применять решительные меры к ускользающим из их рук подданным. И надо думать, что одною из главнейших причин, почему калмыки бежали от своих владельцев и ханов, служило недовольство установившимся новым строем жизни, посягавшим на свободу калмыков. Они устремились на вольный Дон и даже ничего не имели против переселения их правительством в Чугуев, потому что там им дышалось легче и привольнее. Признаки разложения ханства изнутри оказываются налицо: они заметны уже при Аюке и увеличиваются при его преемниках, когда к внутренним факторам присоединяются внешние, как результат определенной политики русского правительства обессилить ханскую власть. Эту политику мы можем наблюдать с момента смерти Аюки в 1724 году при избрании преемника ему по управлению калмыцким народом. В акте избрания русское правительство принимает большое участие.

40. РКП. Бакунина, л.13. Позднеев А.М., проф. Указ. соч. С.152.

41. Новолетов М. Указ. соч. С. 31.

V. ЦЕРЕН-ДОНДОК ХАН

При жизни Аюки ближайшим помощником ему в управлении калмыцким народом являлся старший сын Чақдоржап. На старости лет Аюка передал все военные дела Чақдоржапу, искусное ведение которых составило Чақдоржапу немалую славу. Он должен был бы занять и ханский престол по смерти Аюки, но умер раньше отца, в 1722 году. О ханстве стал тогда мечтать сын Чақдоржапа Досанг. Но Аюка не был на его стороне, тем более, что и по калмыцким обычаям ханство, переходившее всегда к старшему сыну хана, не могло принадлежать Досангу. За смертью Чақдоржапа право на ханство должно было перейти ко второму сыну Аюки Церен-Дондоку. Но Церен-Дондок уже и при жизни Аюки заявлял себя малоспособным нести ответственное служение, хотя, надо сказать, сам Аюка не только высказывался в пользу Церен-Дондока, но даже просил императора Петра утвердить его на ханство. При таком положении дела жена Аюки Дарма-Бала создает план передачи ханской власти по смерти Аюки внуку его от сына Гун-Джапа Дондок-Омбе с выходом за него замуж. Наиболее сильным конкурентом Дондок-Омбе, по соображениям Дарма-Балы, должен был бы явиться Досанг, и вот против него-то она направляет удар рукою одряхлевшего Аюки, который, вероятно, не подозревал о замыслах жены. Дарма-Бала указывает Аюке на необходимость ослабить могущество Досанга как незаконного претендента на ханство, и Аюка отдает приказ Дондок-Омбе напасть и разбить Досанга. Дондок-Омбе с полным успехом исполняет приказ деда и отнимает у Досанга его улус. Тщетно Досанг ищет помощи у А.П.Волынского, уплачивая за нее будто бы сотней великолепных лошадей¹, — отряд, посланный Волынским в подкрепление Досанга, оказывается слишком малочисленным и не имеет успеха. Победа остается за Дондок-Омбою, и, наверное, после Аюки ханство перешло бы к Дондок-Омбе, если бы не явился соперником ему новый кандидат — Дорджи Назаров, на котором остановил

1. Корсаков Д.А., проф. Указ. соч. С. 299.

собственный выбор император Петр в бытность свою у Аюки в 1722 году. Петр признал Дорджу Назарова, племянника Аюки, наилучшим его преемником, и А.П.Волынскому было поручено правительством употребить все меры к тому, чтобы провести Дорджу Назарова в ханы.

Когда Аюка умер, возгорелась жестокая борьба из-за ханства между претендентами на него, имевшими каждый свою партию из калмыцких владельцев. Наиболее сильной являлась партия Дарма-Балы. Она проводила в ханы Дондок-Омбу, и можно было опасаться крупного осложнения дел, так как Дондок-Омбо начал готовить войска к сражению с противниками, а Дарма-Бала послала гонцов в Джунгарию к Хунг-тайше просить у него помощи против русских. Дорджи Назаров не находил поддержки себе среди калмыцких владельцев и заблагорассудил снять свою кандидатуру. С Досангом не представлялось особенной трудности справиться его коварному покровителю А.П.Волынскому. Оставались Дондок-Омбо и Церен-Дондок. И надо сказать, А.П.Волынский много употребил искусства, чтобы отвлечь симпатии владельцев от любимца Дарма-Балы Дондок-Омбо и согласить их на избрание Церен-Дондока на правах только наместника ханства при условии участия и Дарма-Балы в управлении калмыцким народом. Избрание Церен-Дондока состоялось 19 сентября 1724 года. Церен-Дондок дал наместническую присягу, обязуясь в верности государю, чтобы не содержать у себя татар и не иметь сношения с иностранными народами. Таким образом, из борьбы вышел победителем кандидат Аюки, в уважение к памяти которого калмыцкие владельцы подавали свои голоса. Но только дряхлостью Аюки можно извинить столь неудачный выбор преемника себе. Сам по себе Церен-Дондок не имел ни малейшего авторитета ни среди владельцев, ни в народе, притом он подвержен был алкоголизму. Дела по управлению стали приходить в расстройство, чему особенно способствовали непрекращающиеся ссоры и междоусобия среди калмыцких владельцев. Два брата Досанг и Нитар-Дорджи сначала восстают против сородичей из-за неправильного якобы раздела улусов, а затем, в марте 1725 года, открывают военные действия против третьего брата Баксадай-Дорджи, принявшего крещение и переименованного в Петра Тайшина. Когда в междоусобице каждая сторона, не надеясь на собственные силы, стала искать поддержки у русской власти и та приступила к разбирательству причин столкновения между братьями Досангом и Нитар-Дорджи с одной стороны и Петром Тайшином с другой, то Досанг, чувствуя за собой вину и спасая себя, умертвил Нитар-Дорджи и представил его голову А.П.Волынскому. Все калмыцкие владельцы пришли в страшное возмущение и потребовали от Волынского выдачи им Досанга для расправы. Волынский стал

защищать Досанга и тем оттолкнул от себя владельцев. В злобе на него и мстя за Нитар-Дорджи, они начали учинять нападения на русских и грабить их в 1727 году. Нападения приняты такие большие размеры, что в 1728 году русской власти пришлось устанавливать разъезды из солдат гарнизонных полков на протяжении всей дороги от Астрахани до Саратова для защиты от калмыков русских жителей и проезжих.

Сам Церен-Дондок оказался не в состоянии предпринять что-нибудь серьезное для восстановления порядка. Дарма-Бала и Дондок-Омбо продолжали строить козни против сына и дяди. Дарма-Бала предлагала даже бежать калмыцким владельцам в Джунгарию, оставив Церен-Дондока одного в России. Не возвысился Церен-Дондок во мнении владельцев и народа и от того, что ему даровано было в 1731 году русским правительством ханское звание и на него торжественно возложены были инсигнии ханского достоинства: собольи шубы и шапка, сабля с драгоценными украшениями, панцирь, шипак и наручники в присутствии послов китайского императора, прибывших тогда в Россию по дипломатическим делам². На вознесенного царскими милостями Церен-Дондока окончательно озлобился Дондок-Омбо. В год утверждения Церен-Дондока ханом калмыцкого народа, в ноябре, Дондок-Омбо пошел войной на хана и разбил его наголову при селении Сасколях, причем захватил ханский улус в 15 тысяч кибиток с 80000 калмыков. Русское правительство вступилось тогда за Церен-Дондока и отправило в Калмыцкую степь отряд войска по команде князя И.Ф.Барятинского. Однако Барятинскому не удалось изловить Дондок-Омбо; он спутал все военные планы Барятинского, обманул его расчеты и благополучно удалился на Кубань, за пределы досягаемости, с 11000 кибиток. Барятинский был одурачен и в донесении своем в Петербург о том, что произошло, сознавался, что "истинно не знает, что делать с таким ветренным и беспокойным народом, который не слушает никаких наставлений и не склоняется ничем к спокойному проведению жизни"³. Между тем смелый и отважный Дондок-Омбо приобретал все большие и большие симпатии у калмыцких владельцев и среди народа. На его сторону переходят торгоутовский владелец Лубжа, сын Дорджи Назарова, и дербетовский владелец Четер с сыном Гюнге-Дорджи. Они действуют заодно с Дондок-Омбою против Церен-Дондока. Лубжа перебирается через

* Так в тексте. (Примеч.ред.)

2. Вероятно, тогда же Церен-Дондоку была вручена китайскими послами и грамота на ханское звание от Далай-ламы, изданная Е.Чоновым, Указ.соч. С.17-19, — но почему-то помеченная у издателя 1735 годом, когда Церен-Дондок был уже отрешен от ханства.

3. Позднеев А.М., проф. Указ. соч. С. 163.

Волгу, нападает на хана и разбивает его. Единомышленников Дондок-Омбы к августу 1734 года насчитывается уже 28000 кибиток. Русское правительство, наконец, увидело, что от дальнейшей поддержки Церен-Дондока надо отказаться и для успокоения калмыцкого народа следует призвать Дондок-Омбу с Кубани, вручить ему ханство, а Церен-Дондока отстранить от управления калмыками за совершенную неспособностью его к этому делу. В конце 1734 года был отправлен на Кубань Донской войсковой старшина Ефремов, который вступил в переговоры с Дондок-Омбою о принятии им главного начальствования над калмыцким народом. Дондок-Омбо принял предложение правительства, получил высочайшую грамоту на звание Главного управителя Калмыцкого народа и 14 ноября 1735 года на Эргенях, между Аксаем и Сарпою, дал присягу на верность русскому престолу в новом звании. Церен-Дондок, отрешенный от ханства за *слабостью*, как сказано в высочайшей грамоте от 7 марта 1735 года, был препровожден в Петербург, где окончательно спился и умер.

На этом неспособном хане лежит вина тяжелых внутренних и внешних потрясений, испытанных калмыцким народом за целые десять лет, с 1724 по 1735 год, и, кажется, ничем хорошим не может вспомнить бездарного алкоголика хана историк калмыцкого народа⁴.

4. Там же, стр. 156 и дал. *Гурий, проф. архим.* Указ. соч. С. 194 и далее. *Новолетов М.* Указ. соч. С. 16 и далее.

VI. ДОНДОК-ОМБО ХАН

В объяснении причины ухода на Кубань, представленном 1 ноября 1734 года в Коллегию иностранных дел, Дондок-Омбо сообщает о себе, между прочим, некоторые биографические сведения. Будучи 13 лет от роду, он принимал участие в походе Шереметева против астраханских бунтовщиков. Так как это было в 1705 году, то годом рождения Дондок-Омбо можно считать 1692. "Потом, — пишет Дондок-Омбо, — ходил войною ж с Бахметевым на башкирцев и после на булавицев, которые противу Москвы воевали, ходил я с Хованским. Потом с Апраксиным ходил я на Кубань". В дербентском походе Дондок-Омбо не участвовал, но снарядил отряд войска и вручил командование им надежному лицу, Зундую. О дальнейшей своей деятельности до ссоры с Церен-Дондоком и Галдан-Данжиным из-за неправильного дележа улусов по смерти Аюки Дондок-Омбо заявляет довольно неопределенно: "Где на службе прочие калмыки были, я от них еще не отставал и тем прежнему великому императору служил"¹. Таким образом, когда для Дондок-Омбы была ликвидирована его "кубанская история" и он стал главным управителем калмыцкого народа, ему было 43 года. Внук храброго Аюки, он унаследовал от деда многие черты характера и прежде всего воинственность, которая еще в отроческих годах потянула его на поле сражений. С течением времени из него выработался искусный полководец, с которым не мог, как мы видели, соперничать генерал Барятинский. Сделавшись главою калмыцкого народа, Дондок-Омбо в 1736 году ведет калмыцкие войска против горцев, называвшихся наврюс-улу, разбивает их и приводит горцев в подданство России числом до 20000 человек, обязав их, однако, платить дань не правительству России, а себе, как платили они дань его деду Аюке. Русская высшая власть осталась весьма довольна таким началом деятельности Дондок-Омбо. От императрицы по особому рескрипту от 28 мая 1736 года ему были пожа-

1. АКА. Дело № 11, вязка 2, л. 56.

лованы почетная сабля, соболья шуба и другие подарки; супруге его по имени Джан было выдано 35 аршин золотой парчи, а прочим владельцам, принимавшим участие в походе, и калмыцкому войску были назначены денежные награды². 24 июня того же года последовал новый высочайший рескрипт на имя Дондок-Омбы с выражением надежды, что он, успешно начав дело на Кубани, закончит его совершенным искоренением кубанских и горских татар и прочих турецких подданных³. Эту задачу Дондок-Омбо исполнил блестяще. Он разбил каракалпаков и абазинцев, вывел их из гор и поселил по сую стброню Терека, на кизлярской стороне. За эту военную операцию ему пожалована была сабля при грамоте от 1 июня 1738 года. Что касается до положенного калмыцкому хану годовичного содержания от русского правительства, то для Дондок-Омбы оно было увеличено: "А ныне мы, великая государыня, — читаем в грамоте императрицы Анны Иоанновны Дондок-Омбе от 11 августа 1736 года, — усмотрели доброе твое по указам нашим послушание и скорое исполнение и к службе нашей ревностное прилежание, учиненным знатным поиском над кубанцами нам доказанное, и уповаем, что ты по прежде отправленным к тебе грамотам знатной и сильной корпус калмык своих в Крым немедленно отправиши; того ради во знак превысочайшей к тебе и ко всем калмыцким владельцам императорской милости всемилостивейше повелели во всю жизнь твою давать тебе нашего императорского жалованья сверх прежде определенного тебе окладу денег по две тысячи по пятисот рублей, муки — по тысяче четвертей на год".

Сначала по указу от 4 февраля 1736 года Дондок-Омбе было положено жалованье 500 рублей денег и 1000 четвертей муки на год. Теперь он стал получать ежегодно 3 тысячи рублей денег и по 2 тысячи четвертей муки⁴. Денежные оклады были назначены также родственникам Дондок-Омбы и знатнейшим калмыцким владельцам. Так, брату Дондок-Омбы Бакшурге положено было ежегодно жалованье в 300 рублей, сыну Дондок-Омбы Галдан-Норме 300 рублей, Дордже Назарову и детям его Лубже и Баю 600 рублей, Четерю тайше и детям его Лабан-Дондуку и Гунге-Дордже 300 рублей, Солом-Дордже с детьми 200 рублей, Лекбею 100 рублей, зятю Дондок-Омбы Сербетю 100 руб., Бату Чакдаржапову 100 рублей⁵.

2. Там же, л. 192.

3. Там же, л. 230.

4. Там же, л. 252. Ср. л. 152 и л. 302. Новолетов М. Указ. соч. С. 22, примеч.

13, — неправильно указывает 5 тыс. рублей жалованья Дондок-Омбе.

5. Там же, л. 252 об.

Щедры, как видим, были награды Дондок-Омбе и калмыцким владельцам от русского правительства, но велики были и их услуги России во время турецкой войны 1736-1739 годов, когда значительные военные силы калмыков оперировали и на Северном Кавказе, и в Крыму. На Северном Кавказе Дондок-Омбо действовал с 40-тысячной калмыцкой армией, причем одной половиной армии командовал он сам, другая половина была под командою его сына Галдан-Нормы. Значительную силу представлял собой и калмыцкий корпус, отправленный в Крым под общую русскую команду⁶. 3 марта 1737 года Дондок-Омбо был возведен в звание хана, и ему были пожалованы знаки ханского достоинства: знамя, сабля и соболья шуба и шапка. Подобно своему деду Аюке, Дондок-Омбо во внутренней политике проводил принцип единовластия. Еще на Кубани, договариваясь с русским правительством в 1734 году, Дондок-Омбо настаивал, чтобы за ним были сохранены те улусы, которые находились при нем на Кубани⁷, а они раньше принадлежали разным владельцам и самовольно последовали за Дондок-Омбою, когда тот перешел на Кубань. Улусы были сохранены за ним. Сделавшись главным управителем калмыцкого народа, Дондок-Омбо присоединил к наличным своим улусам еще ханский улус, и таким образом в его владении оказалось весьма внушительное число кибиток. По богатству и силе он не видел себе серьезных соперников из калмыцких владельцев, за исключением двоюродного брата Дондок-Даши. Этот последний мог помешать империалистическим замыслам Дондок-Омбы. Дондок-Омбо знал о расположении к Дондок-Даши русского правительства, которое ценило его за то, что во время смут при Церен-Дондоке он неизменно держал сторону хана, и когда князь Барятинский действовал против Дондок-Омбы, он помогал ему своими войсками. Эту помощь не хотел простить Дондок-Даши Дондок-Омбо. Он считал его своим заклятым врагом. В своих условиях с Кубани Дондок-Омбо требовал от русского правительства не более, не менее, как "уничтожения", т.е. умерщвления Дондок-Даши, причем предлагал передать улусы своего двоюродного брата русскому правительству Баксадай-Дордже — Петру Тайшину, получившему от русского правительства "команду" над всеми крещеными калмыками. Этому Петра Тайшина Дондок-Омбо не считал врагом себе. Но относительно Дондок-Даши прямо писал правительству: "Буде с ним придется вкѹпе жить, то службу вашу отправлять будет невозможно, и ежели б оного Дондок-Дашу повелели уничтожить, а улусы его отдать Баксадай-Дордже, то б обоим нам была великая

6. О ходе военных операций на Северном Кавказе подробно излагает Чонов Е. Указ. соч. С. 19 и далее.

7. АКА. цит. в прим. 88 дело, л. 59.

милость". Правительство рекомендовало Дондок-Омбе примириться с Дондок-Даши. Со своей стороны, Дондок-Даши ничего не имел против забвения обоюдных обид и полного примирения. Но Дондок-Омбо и слышать не хотел об этом. При всяком удобном случае он просил императрицу искоренить или куда-нибудь засадить Дондок-Даши, потому что, "если он (Дондок-Даши) так останется, — писал Дондок-Омбо, — то он (Дондок-Омбо) никогда не будет спокоен мыслью"⁸. Оберегая безопасность и жизнь Дондок-Даши⁹, русское правительство сначала предложило ему перекочевать на реку Орь¹⁰, но потом, когда он не согласился на это и не принял других предложений о временном переселении куда-нибудь подальше от своего врага, русское правительство вызвало его в Петербург и только в 1738 году вынудило его дать согласие на переезд за реку Самару, где находилась вдова калмыцкая княгиня Анна Тайшина, незадолго перед тем лишившаяся мужа Петра Тайшина (Баксадай-Дорджи)¹¹. Дондок-Омбо добился таким образом удаления Дондок-Даши из Калмыцкой степи и успокоился, так как у него здесь, в степи, уже не осталось, по видимому, элемента, который мог бы вредить Дондок-Омбе при осуществлении честолюбивых планов о единовластительстве. Но судьба готовила Дондок-Омбо удар с той стороны, откуда он меньше всего мог ожидать опасности.

Благодаря счастливо складывавшимся для него внешним обстоятельствам — победоносным войнам и поддержке со стороны русского правительства — Дондок-Омбо ввел порядок в управлении калмыцким народом, но его железная рука тяжело легла на калмыцких владельцев, значение которых он старался сократить, и у него не замедлили появиться враги. Во главе недовольных деспотизмом хана стоял владелец Лубжа, прежний друг и помощник Дондок-Омбы. Он будировал прочих владельцев против властолюбивого хана и подготовлял почву для открытого восстания против него. Создалась сильная партия противников хана, и когда старший сын Дондок-Омбы Галдан-Норма от первой жены калмычки Божаки, лишенный отцом улуса в 1737 году и отстраненный от наследования ханства в угоду второй жене Дондок-Омбы, кабардинке Джан, желавшей видеть на ханском престоле своего сына Рандула, не исполнил приказаний отца идти с войсками против киргизов в 1738 году и направил оружие против

8. Там же, лл. 59-60, 129, 292. Новолетов М. Указ. соч. С. 23.

9. То же дело, л. 123.

10. Там же, л. 312.

11. Н.Нефедьев. Указ. соч. С. 63.

него самого, то Лубжа поддержал его. Дондок-Омбо растерялся, он осознал свое бессилие перед неожиданным противником и, забыв гордость, стал просить русское правительство о помощи, а дербетовского владельца Лабан-Дондука о союзе с ним. К счастью для Дондок-Омбы, Лубжа умер, а Лабан-Дондуку удалось уговорить Галдан-Норму прекратить распрю с его отцом и изъявить ему покорность. За восстание Галдан-Норма поплатился ссылкой в Казань, а соучастники возмущения Лабанг, дочь хана, Лекбей, зять его, Бату, двоюродный брат с сыном Тангутом, Кичик Дондуков, Зундуй и другие знатные лица были умерщвлены по приказанию Дондок-Омбы, конечно, инспирированного в данном случае супругой, кровожадной кабардинкой Джан¹².

21 марта 1741 года Дондок-Омбо умер. О смерти его ханша Джан извещала царицынского коменданта П.Ф.Кольцова следующим письмом, помеченным по калмыцкому счету 23 днем "вешнего среднего месяца": "Господин мой хан Дондок-Омбо в здоровье своем издавна весьма был слаб, которую болезнь за имеющею(ся) прошедшею между россиян с турками войною пользоваться время не имел затем, что всегда против неприятелей в службе и в походах беспрестанно находился, и от онога оная его болезнь приумножилась, от которой нынешнего вешнего среднего месяца 15 дня за час пред полуднем умер, о чем чрез сие вас, друга его, и уведомляю; також о сем же и ко двору с письмом моим посланца моего отправить имею, точию ожидаю счастливого дня"¹³. Дондок-Омбо умер далеко не старым, — ему еще не исполнилось 50 лет. Но последние годы жизни оказались для него чрезвычайно тяжелыми. Он страдал не только физически, от болезни, но и морально. События последних лет показали Дондок-Омбе, что принятая им политика сосредоточения власти над народом в одних руках была неправильною, и насилия, учиняемые над владельцами в целях добиться торжества этой политики, не имеют оправдания. Таким образом, все, что он созидал в течение целой жизни и к чему так настойчиво стремился, оказалось миражом. Жестокий, смертельный удар не только самолюбию, но и политике Дондок-Омбы был нанесен, когда гордому силой и славой побед хану пришлось смиренно просить помощи против мятежного сына и его соучастников у русского правительства, с которым несколько лет тому назад он так смело разговаривал на Кубани и которому чуть ли не диктовал свои условия, а еще больше — когда ему пришлось унизиться до заискивания у своего подданного — дербетовского владельца и заключения с

12. Новолетов М. Указ. соч. С. 24.

13. АКА. Дело № 1741 года, № 125, вязка 37, л. 317.

ним оборонительного союза. Хан оказался даже до того бессильным, что ему не удалось сохранить ханский престол в своем поколении: Рандул, сын Дондок-Омбо от кабардинки Джан, за которого Дондок-Омбо хлопотал перед Далай-ламой, не получил ханства, и оно перешло к заклятому врагу Дондок-Омбы Дондок-Даши.

Со смертью Дондок-Омбы начались междоусобия в калмыцком народе. Русское правительство, осведомившись о том, что Дондок-Омбо просил Далай-ламу о предоставлении ханства сыну Рандулу помимо российского двора, нашло поступок Дондок-Омбы "предосудительным" и дало директиву состоявшему при ханше Джан полковнику Бабарыкину уговорить калмыцких владельцев послать нарочного в Петербург с прошением с назначением им хана, "кого российский двор соизволяет". Но Джан успела так терроризировать владельцев, что уговоры Бабарыкина не привели ни к чему, — никто из владельцев не хотел брать на себя рискованную миссию, и всякий предпочитал держаться в стороне. Между тем ханша Джан употребляет все меры к тому, чтобы сохранить за собою власть. Она хлопочет перед русским правительством об утверждении Рандула на ханстве с тем, чтобы за его малолетством ей была предоставлена опека над сыном. Но правительство не находило возможным удовлетворить просьбу Джан, резонно рассуждая, что как магометанка Джан "всегда будет на стороне кабардинцев" и притом, сводя счеты с несочувствующими ей калмыцкими владельцами, "может со временем перевести всех" их, т.е. учинить с ними кровавую расправу. Тогда на политическую сцену выступает Дарма-Бала, вдова хана Аюки. Она организует партию из сочувствующих ей калмыцких владельцев, намереваясь провести в ханы Галдан-Данджина, сына хана Аюки. Галдан-Данджин был опасным соперником для Джан, потому что он пользовался народною любовью, и она решила покончить с ним. 27 мая 1741 года по приказанию Джан командующий ханскими войсками Бодонг напал на улус Галдан-Данджина в урочище Бага-Болхун, на луговой стороне Волги, ниже Черного Яра, разбил улус и захватил в плен Галдан-Данджина и находившихся при нем знатных владельцев Бая, сына Дорджи Назарова, и Убуши, дядю Галдан-Данджина. Все они с родственниками были убиты. Чтобы остановить воинственный пыл ханши Джан, астраханский губернатор должен был выслать войска под командою подполковника Эбрехта. Бодонг не побоялся напасть на Эбрехта, но, конечно, потерпел неудачу; завладеть улусами Галдан-Данджина ханше Джан не удалось, — их принял под свою защиту Эбрехт¹⁴.

14. Новолетов М. Указ. соч. С. 25-26.

Убийство Галдан-Данджина окончательно озлобило Дарма-Балу против Джан и Рандула. Поддерживаемая влиятельными калмыцкими владельцами, Дарма-Бала посылает ходатайство в Петербург о передаче власти над калмыцким народом Дондок-Даши как единственному лицу, которое в состоянии прекратить смуту в калмыцком народе и спасти его от разорения. Правительство согласилось с резонностью доводов Дарма-Балы. 31 июля 1741 года Дондок-Даши был назначен, а 15 декабря того же года утвержден наместником Калмыцкого ханства¹⁵.

Между тем, пользуясь междоусобицей среди калмыков, на них двинулись киргизы Средней и отчасти Малой Орды, кочевавшие за Яиком. Переправившись через эту реку и пройдя степь, они в числе 30 тысяч человек под предводительством Кучук хана напали на войска Джан ниже Черного Яра в урочище Хартали. О приближении киргизов калмыкам было дано известие из русских укреплений по Яику. 24 августа 1741 года калмыки атаковали киргизов и вели с ними бой в течение трех дней. Затем позволили киргизам отойти в глубь степи верст на 30 и снова взяли их в атаку, которая продолжалась пять дней. На шестой день киргизы были вынуждены просить мира у калмыков, который и был заключен ими (от лица Рандула) с ханом Кучуком, его султанами и старшинами в числе 40 человек на таких условиях: "чтобы войны не иметь друг с другом до тех пор, пока родившийся в этом году младенец придет в возраст, будет в состоянии владеть сайдаком, ездить на лошади и быть способным к войне". Затем постановлено было произвести обмен пленными поголовно, человек на человека и, наконец, разграничить земли так, чтобы киргизы кочевали за Эмбою и к Уралу не подходили¹⁶.

13 августа 1741 года в Астрахань был назначен губернатором В.Н.Татищев с особым поручением "успокоить" калмыцкий народ, возбужденный ханшею Джан. Татищеву была дана подробная инструкция, как вести дела с калмыками. Приехав в степь, Татищев при торжественной обстановке провозгласил Дондок-Даши наместником ханства, а потом, спустя некоторое время, вступил в переговоры с Джан, которая демонстративно не явилась на торжество. Собственно, Татищеву было поручено при удобном случае захватить Джан с Рандулом и препроводить их в Казань. Татищев несколько раз виделся

15. АКА. Дело 1741 года, № 125, вязка 37, л. 4 и об. Участие Дарма-Балы и калмыцких владельцев в избрании Дондок-Даши удостоверяется документально и не есть простое мнение историков, как говорит проф. архим. Гурий. — *цит.исслед.*, стр. 208. Об утверждении Дондок-Даши правительством то же дело, лл. 5 об — 6 и дело 1742 года, № 140, вязка 34, л 14.

16. Новолетов М. Указ. соч. С. 27-28.

с Джан и с ее семейством, но не нашел возможным исполнить предписание правительства насчет захвата Джан. Он предложил правительству оставить ханшу на свободе и сохранить за наследниками Дондок-Омбо их собственный Багацохуровский улус, в котором они могли бы жить все. Правительство согласилось с Татищевым, причем назначило жалованье Джан в размере 500 рублей денег и 1 тысячи четвертей муки в год. Но Джан не успокоилась. В 1742 году с детьми и с находившимися с нею в сообществе калмыцкими владельцами и с 700 кибиток Джан бежала на Кубань к своему брату, главному кабардинскому владельцу Мухамеду Каргокину, и оттуда, с Кубани, стала посылать послов к персидскому шаху Надиру с просьбою оказать ей покровительство и помочь войсками против России. Сын ее Рандул организовал небольшие отряды кабардинцев и с ними начал нападать на калмыцкие улусы, грабил калмыков, угонял их скот и переманивал на свою сторону мелких владельцев. Джан скоро, однако, убедилась в тщетности попыток возвратить утраченную власть. Она вернулась в свой улус, откуда была препровождена в Петербург, где с детьми приняла крещение в 1744 году и получила титул княгини Дондуковой. Местожительством ей назначена была Москва, и в ее распоряжение предоставлен был дом, конфискованный у купца Квасникова¹⁷.

VII. ДОНДОК-ДАШИ ХАН

По назначении в наместники калмыцкого народа Дондок-Даши 4 сентября 1741 года дал русскому правительству реверс, которым, между прочим, обязывался "с неприятелями, какого бы оные народа и звания не были, ни дружбы, ни пересылок не иметь; также и с другими чужестранными народами без указа не пересылаться, а какие чужестранные послы будут приезжать, о том в сторону объявлять и ответы им давать, какие указом будет повелено" (пункт 2). Крещеных калмыков к себе не принимать (пункт 3), и "в знак вящей верности отдать для содержания в российском городе сына своего Асарая" (пункт 6)¹. Предшественники Дондок-Даши — калмыцкие ханы не давали русскому правительству обязательств быть в зависимости от него по части дипломатических сношений с правительствами иностранных государств и владельцами других народов, — они вели эти сношения самостоятельно, и еще недавно Дондок-Омбо даже налагал и собирал дань с побежденных им горских племен. Точно так же не давали калмыцкие ханы и детей своих в заложники (аманаты) русским. Дондок-Даши принужден был отдать в аманаты малолетнего и единственного сына Асарая, который был поселен в Астрахани в особом доме, правда весьма роскошном и удобном, только что отстроенном. К Асарая были приставлены дядьки и дана была прислуга. Ясно, что, принимая реверс от Дондок-Даши, правительство проводило тенденцию ограничения и ослабления ханской власти, к чему, в сущности, направлен был и пункт о крещеных калмыках, как это выяснено у нас выше. Дондок-Даши был поставлен в такие условия, что не согласиться на требования правительства он не мог. Он подписал их. За то на отпускной аудиенции он удостоился такого знака высочайшей милости, какого не получал ни-один калмыцкий хан: ему был пожалован портрет императрицы Елизаветы Петровны, осыпанный алмазами². Догадывался ли новый наместник, что реверс

1. АКА. Дело 1742 года, № 140, вязка 34, лл. 77 об. — 78. у Новолетова М. Указ. соч. С. 29, — реверс ошибочно датируется 4 октября.

2. Нефедьев Н. Указ. соч. С. 63.

17. Позднеев А.М., проф. Указ. соч. С.165. Юштин Ф.М. Указ. соч. С.14-15.

4 сентября 1741 года составит для него "камень преткновения" при осуществлении той традиционной ханской политики единовластия, от курса которой не подумал отказаться даже он, Дондок-Даши, этот бесспорно умный, образованный вождь калмыцкого народа?¹

Первое столкновение с русским правительством произошло у Дондок-Даши в 1742 году при решении вопроса о количестве улусов, каким должен владеть наместник. Стремясь к увеличению личных владений, обеспечивающих власть и значение наместника в народе и среди владельцев, Дондок-Даши стал добиваться передачи ему улусов Церен-Дондока, Галдан-Данджина и Дондок-Омбо. Правительство признало права Дондок-Даши на улусы умерших Церен-Дондока и Галдан-Данджина, но отказалось удовлетворить его претензию на улус Дондок-Омбо³. С оказавшимися во владении улусами Дондок-Даши становился немногим сильнее других владельцев, чего соответственно и хотелось русскому правительству. Такое решение дела обидело наместника и послужило причиной его ссоры с губернатором В.Н.Татищевым, которого Дондок-Даши считал главным виновником несправедливого, как казалось ему, раздела калмыцких улусов.

Затем большим местом для Дондок-Даши являлось отобрание у него сына в аманаты. И самого Дондок-Даши огорчало это, зазирали его в том и калмыцкие владельцы. Наместник стал хлопотать о возвращении ему сына. 6 сентября 1743 года он пишет императрице: "Как от посторонних, так и от своих людей нахожусь в огорчении, ибо многие говорят, что напред сего предкам в. в-ва мои предки детей своих в аманаты не отдавали, а в верности и без того находились, а обо мне рассуждают, якобы я отданием сына моего в аманаты учинился верным и удостоился особливой в. в-ства милости, от чего я и зазрение имею. Понеже я одного только имею сына, и для того весьма бы хорошо было ежели бы мне одного по милости в. в-ва из молодых лет имея при себе, привести в знание нашему народу и обучить его нашему обыкновению и правосудию и прочим делам, которым он, будучи при мне, совершеннее научиться может, я, государыня, паки колена преклоня, всеподданнейше прошу в.в-ство повелеть одного сына моего, не в пример впредь другим, ко мне отпустить"⁴. Просьба Дондок-Даши о сыне не увенчалась успехом. Из ответного письма канцлера графа Бестужева-Рюмина от 10 марта 1744 года видно, что Коллегия иностранных дел, куда было подано прошение Дондок-Даши 13 ноября 1743 года чрез особого посланца Гунгу, даже не нашла нужным доложить это прошение императрице.

3. Новолетов М. Указ. соч. С. 29-30.

4. АКА. Дело 1744 года, № 168, визка 42, лл. 57-58.

Подвергая разбору доводы, приводимые Дондок-Даши в пользу возвращения к нему сына, Бестужев-Рюмин "дружески" объясняет ему: "На 1-е. Правда, по бытности одного сына вашего в Астрахани от посторонних и малорассудных людей, может быть, вам и не без зазрения есть, но такие люди, которые могут рассуждать о свете и о целости калмыцкого народа, оные немало в том заирать могут, ибо они совершенно ведают, что тою вашего сына в российском городе бытностью, не токмо одна та польза, что он может обучиться нашему языку, но сверх того обыкновения и обхождения, что к собственной вашей, также его и всего калмыцкого народа пользе служить может. На 2-е. В бытность одного в Астрахани калмыцкому народу привезть его в знаемость и обучать его вашему обыкновению и законному правосудию без всякого препятствия можете, толь наипаче, что в Астрахани всегда для разобранья между россиян, калмык и татар происходных ссор обретаются ваши дарги, с которыми и со учрежденным от губернатора астраханского российским судьей может он в суде присутствовать, а в важном деле и с самим губернатором в том соглашаться; и тако сие к лучшей же калмыцкого народа пользе следовать может. На 3-е. Я, ведая ваш ум и добрые рассуждения, не могу тому поверить, чтобы вы о разлучении того вашего сына могли печалиться, ибо сие сходственно чинить одним только матерям, а не отцам, и не таким, как я о вас разумею, ибо тот сын ваш от вас не в дальном расстоянии и по случаям не редкое с ним свидание имеет. Вы же ведаете, что здешние князья и другие знаменитые персоны, которые хотя только по одному сыну имеют, да и тех для наук в дальние государства посылать не жалеют, — и потому я вам яко другу моему еще и сие советую, чтоб вы того сына вашего чрез некоторое малое время здесь, в резиденции, подержали, чем оный может вящую милость получить от е.и.в-ва, нашей всемилостивейшей государыни, также и от е.и.в-ва, наследника всероссийской империи, что впредь для будущих случаев особливою ему пользою быть может; да и я того вашего сына могу призирать; но сие все на ваше собственное рассуждение предаю. При всем же том от вас яко от друга моего и сего не таю: когда ваш сын будет здесь или в Астрахани, то от неприятелей ваших, хотя бы какое и оклеветание якобы о противных ваших намерениях здесь в получении было, но оные к приятию нами места иметь не могут. И тако по всем вышеописанным обстоятельствам помянутое ваше прошение с собственною вашею пользою сходственно быть не может; того ради я о сем е.и. в-ву доносить за благо не рассудил, а от себя писал к губернатору астраханскому г.т. с. Татищеву, чтоб он сына вашего содержал в собственном его и добром призрении и допустил его присутствовать, как выше написано, в суде между россиян, калмык и татар происходимом, а со временем можете и желание ваше получить, чем я вас и обнадеживаю"⁵.

5. Там же, лл. 60-61

Конечно, доводы Бестужева-Рюмина не удовлетворили Дондок-Даши. Они лишь убедили его в невозможности добиться возвращения сына легальным путем. Дондок-Даши делает попытку выкрасть Асарая из русской неволи, но и в этом случае не имеет успеха, — его сына бдительно стерегли⁶. В 1744 году Асарай умер в Астрахани. Он не перенес чуждых для степняка условий городской и тепличной жизни, в которые его насильственно поставили. Смерть единственного сына весьма повлияла на изменение отношений Дондок-Даши к русскому правительству. Он начал питать к нему враждебные чувства в душе, так как видел в нем причину смерти сына. Наместник не забывает личного горя и не находит утешения в том, что русское правительство в других отношениях идет к нему навстречу, удовлетворяет его ходатайства и дает движение докладам. Так, например, правительство строит ему "крепостцу" и дом в урочище Енотаевская Лука (где теперь г.Енотаевск) для проживания в зимнюю пору; строит крепости на реке Яике и в Индерских горах для защиты от нападения киргизов⁷; по донесениям наместника о неправильных действиях астраханского губернатора В.Н.Татищева увольняет его от должности и т.д. К 20 ноября 1744 года относится первое известие в Коллегию иностранных дел от полковника Спицына, находившегося при наместнике в качестве представителя русского правительства, что Дондок-Даши и с ним владельцы Бодонг и Замьян находятся "во вредительных замыслах". 29 мая 1745 года тот же Спицын доносит, что Дондок-Даши намеревается перейти на сторону Персии, с которой тогда воевала Россия. И эти "вредительные замыслы" Дондок-Даши, и это намерение его открыто изменить России Спицын ставит в связь с потерей Дондок-Даши сына Асарая. Вообще в 1745 году настроение у калмыков было не в пользу России⁸. Чересчур рьяное преследование "русских интересов" в калмыцких делах В.Н.Татищевым, несомненно, сыграло свою роль. Калмыцкие вожди вырабатывают план ухода калмыков из России. В 1745 году были обнаружены тайные сношения Дарма-Балы с Джунгарией, куда она тянула калмыцкий народ. В этом же году преемник Татищева астраханский губернатор Брылкин доносил в Коллегию иностранных дел, что наместник Калмыцкого ханства, кочуя в Рын-Песках, намерен перейти с калмыками реку Урал, разбить киргизов и тем открыть себе путь в Бухару, Персию или же в Джунгарию и что все владельцы собираются к нему по ночам для совещаний. Что касается до простых калмыков, то, заражаясь от

6. Гурий, проф архим. Указ. соч. С. 211.

7. Новолетов М. Указ. соч. С. 29.

8. Там же. С. 30-31.

своих владельцев враждебным настроением к России, они увеличивают грабежи по Волге, препятствуя торговым и служебным сношениям с Астраханью. Калмыки искусно скрывают свои лодки между островов и в кустарниках, выжидая удобной минуты для нападения на проезжих русских людей, а сами остаются неуловимыми⁹. Изобличить преступный замысел Дондок-Даши русскому правительству не удалось. Но относительно Дарма-Балы сомнений не было: ее компрометировала переписка с братом, Гоманг-ламою, находившимся в Джунгарии. Дарма-Балу выселяют в Воронеж, откуда она, впрочем, в 1747 году возвращается в Калмыцкую степь ввиду старости и по просьбе наместника Дондок-Даши, тем более, что известиям о готовящемся уходе калмыков в Джунгарию русское правительство не придавало серьезного значения. Наоборот, как раз оттуда, из Джунгарии, наблюдалась в то время тяга к России. В 1749 г. оттуда пришел улус хойтского нойона Дэджита, умершего в дороге и оставившего после себя жену Ользой Орошиху с малолетним сыном Тюменем. После Ользой Орошиху вышла замуж за хошеутовского владельца Замьяна, причем тогда произошло объединение хойтов и хошеутов в один улус под управлением одного князя, и улус стал носить название Хошеутовского¹⁰.

К 1752 году относится столкновение наместника с русскими властями из-за одного кабардинского князя по имени Арсламбек, у которого укрылись два сына крымского хана после того, как хан, их отец, был разбит русскими. Давший приют крымским беглецам Арсламбек был выдан сородичами и отправлен в Кизляр, где содержался русскими под стражей. Хамза, сын Арсламбека, обратился к Дондок-Даши с просьбой походатайствовать об освобождении Арсламбека. Дондок-Даши взялся за дело и написал резкую бумагу по этому поводу астраханскому губернатору, доказывая несправедливость отношения русских властей к Арсламбеку¹¹.

Желая досадить русским, Дондок-Даши в том же 1752 году отдал распоряжение, чтобы калмыки никому из русских не платили своих долгов и чтобы нанявшиеся в работники на русские рыбные промыслы и на ватаги немедленно возвратились в улусы до начала лова. Не помогло здесь и вмешательство губернатора Брылкина, к которому обратились с жалобой рыбопромышленники, пользовавшиеся по

9. Нефедьев Н. Указ. соч. С.65-66.

10. Дату 1749 года ставит торгоутовский владелец Боджа в жалобе на владельца Сербеджапа Тюменя, поданной 23 октября 1827 года в Астрахани сенатору Ф.И.Энгелю, ревизовавшему тогда Калмыцкую степь. АКА. Вязка 103, л.30. Попов. А. Краткие замечания о приволжских калмыках // Журнал Министерства Народного Просвещения за 1839 г. № 4, отд. 11. Стр. 22.

11. АКА. Дело 1752 года, № 231, вязка 56, лл. 31-32.

преимуществу калмыцкою рабочею силою на своих ватагах и промыслах. Лов был сорван, и владельцы промыслов понесли большие убытки¹².

Все такие и подобные выступления Дондок-Даши против русских служили причиною того, что он утвержден был ханом только в 1758 году, т.е. спустя 16 с половиной лет по назначении в наместники (31 июля 1741 года — 20 февраля 1758 года). Ему была пожалована тогда высочайшая грамота и с нею были присланы знаки ханской власти: знамя, сабля, собольи шапка и шуба, крытые парчой. Наместником ханства утверждался сын его Убуши, родившийся по смерти Асарая и живший все время при отце. 30 апреля 1758 года вблизи Черного Яра, в Соленом Займище, состоялось торжественное объявление Дондок-Даши калмыцким ханом, а сына его Убуши — наместником ханства¹³.

Последние годы правления Дондок-Даши протекали мирно. Он умер 21 января 1761 года. В "Истории калмыцких ханов" Дондок-Даши называется "лучшим из ханов"¹⁴. Несомненно, он приложил много стараний к упорядочению калмыцкой жизни. Изданные им законы служат памятником его административных способностей, понимания условий времени и стремления удовлетворить насущным нуждам и потребностям народа.

VIII. ЗАКОНЫ, ИЗДАННЫЕ ПРИ ДОНДОК-ДАШИ

К сожалению, неизвестно, когда именно, т.е. в каком году изданы законы Дондок-Даши для калмыцкого народа. В предисловии к тексту законов говорится лишь о том, что в составлении законов принимали участие наиболее выдающиеся лица из среды калмыцкой знати и что выработанные ими законы подвергались обсуждению и получили окончательное утверждение на собрании всех светских и духовных властей с Дондок-Даши во главе¹. Отсутствие ханского титула при имени Дондок-Даши в предисловии к тексту законов дает некоторое основание предполагать, что законы были составлены и утверждены ранее 1758 года, когда Дондок-Даши был возведен в ханское достоинство.

Повод к составлению законов указывается в "Истории калмыцких ханов", где мы читаем: "Имея в виду, что великое уложение сорока (т.е. монголов) и четырех (т.е. ойратов) хотя и было пригодно для монголов и ойратов, но как у калмыков, много лет тому назад отделившихся от них и живущих среди многочисленного и чуждого народа, изменились нравы и привились многие хорошие и дурные качества, прежде у них не бывшие, то настояла надобность в новых постановлениях и законах, а потому Дондок-Даши признал необходимым написать новые законы и поправить старое уложение"². "Таким образом, — говорит проф. К.Ф. Голстунский, — составление для волжских калмыков новых законов и пополнение законов 1640 года было вызвано обстоятельствами и условиями жизни калмыков и изменившимся отношением к ним русского правительства, которое распространило в то время свое влияние на внутренние дела этого народа и подчинило его своей власти"³. В качестве мер взыскания в

12. Там же, л. 52.

13. Описание торжества см. у Нефедьева Н. Указ. соч. С.77-78.

14. Гурий, проф. архим. Указ. соч. С. 215

1 Голстунский К.Ф., проф. Указ. соч. С.60-61

2 Там же, с. 13

3. Там же, с. 13

этих законах, кроме штрафа скотом, назначаются уже и телесные наказания. Уложение 1640 года не знает телесных наказаний, и так как в законах Дондок-Даши они появляются впервые, то влияние русского законодательства в данном случае несомненно. Трех ударам по щеке и штрафу в 15 копеек подвергается светский человек, известный многим, в случае, если он, давши обет поститься три дня в месяц, нарушит этот свой обет; пяти ударам по щеке и штрафу в 10 копеек подвергается за тот же проступок человек низкого сословия⁴. Пятнадцатью ударами и штрафом в виде четырехгодовалого верблюда наказывается укрыватель вора⁵. Ударом по скуле шесть раз наказывается посланный по делу и не исполнивший данного поручения⁶. Пятнадцать ударов нагайкою получает лжесвидетель, причем его обнажают при публике⁷. Вор наказывается пятьюдесятью ударами, в течение месяца на него надевают деревянную колодку и ставят клеймо на щеках; во второй раз попавшегося в краже наказывают тем же; за третью кражу продают в Крым и на Кубань. Но вообще говоря, телесные наказания применяются в сравнительно редких случаях по законам Дондок-Даши. Вышеприведенными исчерпываются почти все случаи таких наказаний. Общая тенденция законов Дондок-Даши — поднять, а не унижить достоинство человека, кто бы он ни был по своему социальному положению.

Заметно, что законодатель озабочен дать образование не только духовенству и знати, но и простолюдинам. "Если которые духовные лица будут старательно учиться наукам, — читаем в законах, — то таковых по мере (усердия к наукам и успехов) награждать и уважать"⁸. "Если сыновья знатных людей не будут обучаться монгольской грамоте, то с отцов таковых взыскивать по трехгодовалой лошади, сыновей же отдавать для обучения учителю; с многим известных людей взыскивать по трехгодовалому барану, а с людей низкого звания брать по пятнадцати копеек и детей их отдавать по-прежнему для обучения учителю. Если чей-либо сын не будет учиться до пятнадцати лет, то таковых штрафовать"⁹.

В законах Дондок-Даши обращается серьезное внимание на моральную добропорядочность духовенства и на соблюдение достоинств

4. Там же, с. 61

5. Там же, с. 64

6. Там же, с. 67

7. Там же, с. 68

8. Там же, с. 61

9. Там же, с. 62

ва привилегированным сословием владельцев. Так, на духовных лиц налагаются большие штрафы скотом в случае нарушения ими обетов целомудрия и трезвой жизни. "Если же кто из духовных женится, то должен развестись; если не оставит жены, то не дозволять ему ходить в храм, не допускать до исполнения обрядов и включить в податное сословие"¹⁰. Гелюнгам и другим должностным лицам при хуруле разрешается пить вино с дозволения ламы, князя и общества, в котором они находятся в данный момент¹¹. Князь должен давать всем прочим смертным пример строгости по части исполнения законов и соблюдения своего достоинства. "Если какой князь, вступив в спор во время обыска, нечаянной ссоры или при даче подвод будет побит, то штрафу не полагается, так как такой поступок неприличен князю и есть самоунижение"¹². То же и относительно зайсангов. "Если зайсанг без суда будет защищать каким-нибудь образом вора, то, вызвавши, осмеять и пристыдить его при обществе; вторично — поступить так же; в третий раз водить его в одних только штанах вокруг княжеской юрты"¹³. Бесспорно, законы о князьях и зайсангах направлены были к тому, чтобы смирить их надменность и ограничить их своеволие по отношению к подвластным¹⁴.

Законы Дондок-Даши составлены частью в изменение, частью в пополнение Ойратского уложения 1640 года. Самым наглядным примером изменения, последовавшего в законах Дондок-Даши, служат меры пресечения преступлений в виде телесных наказаний, принятые в законодательстве Дондок-Даши. Их, как мы говорили, Ойратское право не знало, довольствуясь одними штрафами. Примером пополнения и дальнейшего развития законодательства Дондок-Даши являются хотя бы, например, законы о ночлеге. Ойратское уложение ограничивается в данном случае одною статьею: "Если кто не даст ночлега, с того взять трехлетнюю кобылу; если не даст ночлега бездетная женщина, за то взять с нее безрукавный камзол, а буде станет приводить отговорки привести к присяге"¹⁵. Закон не предусматривает того случая, что оставшийся на ночлег может оказаться недобрым человеком и отплатить злом за добро. Законодательство Дондок-Даши серьезно считается с этою возможностью и редактирует статью "О ночлеге" так: "Когда отпускают после ночлега заезжего

10 Там же, с. 61

11 Там же, с. 71

12 Там же, с. 63

13 Там же.

14 Там же, с. 14

15 Там же, с. 40

человека из Дербетов или других людей, имеющих дома близ русских селений, то все родственники или знакомые должны отпустить такого заезжего человека или записавши его, или заявивши о нем кому-либо знатному человеку; если не будет так поступлено, и в следующую ночь в соседстве того человека (у которого ночевал приезжий) пропадет несколько скота, то тот, у кого ночевал, должен дать трехлетнюю лошадь на княжескую ставку; хотя бы и не пропало скота, все-таки взыскать в штраф трехлетнюю лошадь за необъявление. Если ночевавший уведет у кого-либо скот, то того, у кого он ночевал, оштрафовать; и этот скот свой, отданный в штраф, должен сам искать с того ночлежника". Затем дается указание, кому именно следует сообщать о заезде на ночлег человеке¹⁶. Очевидно, изменение к худшему добрых патриархальных нравов в калмыцком народе повлекло за собою и соответствующие дополнения в законах Дондок-Даши. Точно так же более подробную формулировку получает архаический закон о "приводе следов", причем в тексте определенно указывается, что, "о других следах, кроме этих, должно решать по древнему уложению"¹⁷.

Законы Дондок-Даши применялись в судебной практике у калмыков до позднейшего времени. В суде *Зарго*, сохранившемся и по уничтожении ханства в 1803 году, суд и расправа чинились по этим именно законам, ибо они соответствовали нравам и обычаям калмыцкого народа. Это же обстоятельство послужило причиной того, что законы Дондок-Даши (вместе с уложением 1640 года) были взяты в основу "Зинзилинских постановлений", выработанных на съезде калмыцких владельцев в 1822 году, о чем речь будет ниже.

IX. УБУШИ, НАМЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА

12 августа 1762 года русское правительство подтвердило права сына Дондок-Даши Убуши на наместничество, а 29 октября того же года астраханский губернатор Перонов на собрании калмыцких владельцев и зайсангов в урочище Цаган-Аман при реке Волге объявил Убуши наместником Калмыцкого ханства¹.

Одновременно с этим было обнародовано положение о суде *Зарго*, в состав которого должны были входить восемь советников, по числу восьми главных калмыцких родов, из зайсангов, выбранных улусами. Суд *Зарго* существовал у калмыков и раньше, но его составляли владельцы одного только ханского улуса по избранию хана. Теперь советники избирались в *Зарго* из всех улусов и получали утверждение в должности от русского правительства. При новом порядке, когда всякие дела стали решаться в *Зарго* судьями по большинству голосов, *Зарго* становился уже не ханским, а народным учреждением, ослаблявшим в значительной мере силу ханской и владельческой власти. Проф. А.М.Позднеев прав, говоря, что демократизация *Зарго* была настоятельно необходимою, так как ханская и владельческая власть, тяготевшая над народом, была одною из главных причин непрекращавшихся волнений в Калмыцкой степи; проводя в жизнь положение о калмыцком *Зарго*, русское правительство делало верный шаг². Первые выборы в *Зарго* были произведены при объявлении положения о *Зарго*, — тогда образовался почти полный комплект заседателей — советников народного калмыцкого суда с председателем наместником Убуши во главе.

Новому наместнику было всего 18 лет, когда он вступил в управление калмыцким народом. Молодость Убуши смущала многих, и начавшиеся против него интриги имели успех. Цебек-Дорджи, внук Дондок-Омбо от сына его Галдан-Нормы, первый начинает строить козни против наместника Убуши. Он распускает слух, что наместник

¹⁶ Там же, с. 65-66

¹⁷ Там же, с. 69; ср. с. 48

¹ АКА. Дело 1763 года, № 306, визка 75, л. 41 и л. 147

² Позднеев А.М., проф. Указ. соч. С. 166

хочет умертвить его, чтобы воспользоваться улусами, некогда принадлежавшими Дондок-Омбо и затем переданными во временное пользование Дондок-Даши. Со смертью Дондок-Даши улусы должны были бы перейти во владение к Цебек-Дорджи, но этого не хочет допустить Убуши, — он предполагает учинить кровавую расправу с Цебек-Дорджи, чтобы сохранить за собой улусы. Распространив такую молву среди калмыков, Цебек-Дорджи бежит из степи на Дон, а отсюда направляется в Петербург, где предпринимает хлопоты по возвращению ему дедовских улусов. Но бывшая ханша Джан, теперь княгиня Вера Дондукова, предупредила Цебек-Дорджи. Ссылаясь на старость и постоянную болезненность, а также на то, что она "от здешнего климата, как неприродного, чувствует тягость", Дондукова выхлопотала увольнение себе из столицы в крепость Енотаевск, причем добилась того, что ее детям передан был во владение Багацохуровский улус. При отпуске в Енотаевск в 1762 году княгине было объявлено, что, находясь там в близости калмыцких улусов, она должна "поступки свои так располагать, дабы из того никакого сомнения и причины к беспокойству в сем народе не задавалось, и для того и отдаваемый во владение детям ее Багацохуров улус, который из общего калмыцкого народа правления не исключается, не отводить от повиновения оному правительству и в дела других улусов отнюдь не вмешиваться, и ни о чем с кубанскими татарами, кабардинцами, кумыками и киргизкайсаками переписок и пересылок не иметь, а о случающихся потребностях своих представлять бригадирю Бехтееву и ожидать отсюда резолюции"³. Цебек-Дорджи возвратился из Петербурга ни с чем. Неудача поездки еще больше озлобила его, а между тем Эркетени, а за ними Баруны, Багуты и, наконец, часть Багацохуров перешли на его сторону, вполне доверившись слуху, что Убуши долго не будет наместником, его убьют, и во главе калмыцкого народа встанет он, Цебек-Дорджи. Действительность же говорила о другом. Все видели, что русское правительство поддерживает наместника Убуши, и с разрешения правительства княгиня Дондукова, вернувшись в степь, вступила в управление Багацохурами. Получалась какая-то путаница представлений. Калмыки оказались бессильны разобраться в том, что творилось. С приходом Дондуковых, княгини Веры и ее сына Алексея, пошла новая молва, имевшая местом происхождения Енотаевскую крепость, как объяснял бригадир Бехтеев в донесении от 31 марта 1763 года в Коллегию иностранных дел: "В калмыцком народе разглашается, — писал он, — якобы она, княгиня, имеет быть в сем народе главною правительницею, а сын ее Алексей — ханом с тем, что хотя они из крепости Енотаевской неисходны будут, но степное улусное правление поручится владельцу Цебек-Дордже, хана Дондук-Омбы внуку, а наместник ханства Убуша при наследном токмо своем

³ АКА. Дело 1763 года, № 305, вязка 75, л. 143.

улусе останется". Результатом таких слухов явилось то, прибавляет Бехтеев, что "отлучившиеся от наместника ханства калмыцкие улусы, называемые Эркетени, Бароны и Баготы кочевьем к Волге медлят или и совсем через оную и переходить не хотят"⁴. Эти улусы считали уже Цебек-Дорджи своим повелителем. Одновременно со слухом о переменах в калмыцком правительстве был пущен в народ слух, что княгиня Дондукова, сделавшись главою правительства калмыцкого народа, будет обращать всех калмыков в христианство силою. Конечно, этот слух местом происхождения имел не Енотаевскую крепость, откуда исходил слух ("эхо", по выражению Бехтеева) о переменах в правительстве. Княгиня Дондукова мало была заинтересована христианством. Бехтеев докладывал, что с начала прибытия в крепость Енотаевскую княгини Дондуковой "калмыцкие попы нередко к ней приезжают, долговременно бывая при ней, а иные и с самого ее прибытия тут живут, почему и по происходимым в доме ее калмыцким обрядам, и что всегда ест она мясо, сумнительно, едва ли уже христианскую веру содержит"⁵. Магометанка по рождению и христианкою ставшая случайно, княгиня Дондукова действительно вряд ли вообще была заинтересована религией. Внимание к себе калмыцкого духовенства она имела в виду использовать в своих личных видах; она искала поддержку в калмыцком духовенстве, потому что не расставалась с честолюбивой мечтой получить так или иначе власть над калмыцким народом. Слух о христианстве обязан происхождением партии, враждебной Дондуковым. Скорее всего его пустил в оборот Цебек-Дорджи.

Волнения в калмыцком народе вследствие носившихся по степи сенсационных слухов стали принимать такие громадные размеры, что русское правительство оказалось вынужденным предпринять особые меры к их прекращению в целях успокоения как самих владельцев, так и народа. 15 января 1763 года к наместнику Убуши, Цебек-Дорджи, Галдан-Церену, Бамбару и др. были посланы грамоты, в которых объяснялась истинная причина приезда княгини и князя Дондуковых в Енотаевскую крепость и рассеивались вздорные слухи о том, якобы русское правительство "намеревается насильственно всех калмыков привести в христианский закон"⁶. "Такое происшедшее в калмыцком народе произношение, — писалось в грамоте на имя Убуши, — совсем ложное и вымышлено, по-видимому, от недоброжелателей калмыцкому народу покоя, ибо известно, что в державе нашего императорского величества не только калмыки, но и многие другие разные народы находятся, и каждый народ содержит свой

⁴ Там же, л. 139.

⁵ Там же.

⁶ Там же, лл. 56-64.

закон, и никто из них к принятию христианского закона как доныне принуждаем не был, так и впредь ни под каким видом принуждения в том не будет"⁷. От 7 мая того же 1763 года последовали новые грамоты и указы на имя наместника, княгини Веры Дондуковой, князя Алексея Дондукова, Цебек-Дорджи, Яндыка, Бусурман-тайши, Табун Отокова Бамбара, Хошеутовских Эремпеля и Замьяна, Шеаренга "с прочими Торгоутскими, Зенгорскими и Хойтовыми владельцы, пришедшими из Зенгари", а также владельцев Икицохуровского Асархи и Хошеутовского Тукче и зайсангов Эркетеневского улуса, отошедших от наместника Убуши⁸. В этих грамотах и указах высказывалось неудовольствие императрицы по поводу самочинного захвата владельцами не принадлежащих им улусов и вообще своеволия владельцев, не желавших считаться с учрежденным в калмыцком народе судом Зарго, который должен разбирать споры между владельцами, руководясь порядком в распределении улусов, установившимся с 1742 года, когда в наместники ханства был поставлен Дондок-Даши. Особенное неудовольствие императрица выражала Дондуковым. В грамоте на имя княгини Веры Дондуковой было написано: "Мы с неудовольствием уведомили вас, что подвластные ваши калмыки, захватя тебе немалое число людей из принадлежащих наместнику ханства Убаше и не хотя оных отдать, остались кочевать на нагорной стороне, а между тем из-под улусов его ж, наместника ханства, столь много лошадей отогнали, что отправляя оные, в противность наших указов, на продажу в Кабарду, отдают там за половинную цену; сверх того, от тех же калмык и разные развратные разглашения к предосуждению одного учрежденного от нас наместника ханства происходят, и что ты и сын твой, князь Алексей Дондуков, не только воздержат их от того не старались, но и захваченных калмыками вашими людей возвратить не хотите, предъявляя с своей стороны, будто принадлежат они вам по суду, и что сверх того есть и еще между наместниковыми улусами, отданными ханом Аюкою мужу твоему, Дондук-Омбе, до трех тысяч кибиток, с которыми всеми должно детям твоим получить до пяти тысяч кибиток; а при том при всем еще и татар, называемых Томуты, себе принадлежащими почитаете, и которых несколько уже при вас и содержится и наместнику ханства не отдаются, на что смотря и прочие калмыцкие владельцы подобные сему претензии свои производят, и калмыцкий народ колеблется. Такие поступки нимало сходствовать не могут с тем высочайшим нашим намерением, в каковом ты на житье в крепость Енотаевскую, яко внутри самих калмыцких улусов находящуюся, отпущена, и учинена отдача во владение детям твоим Багацохурова улуса, из которого они, как тебе при

7. Там же, л. 56 и об.

8. Там же, лл. 143-144.

отпуске из С.Петербурга нашим императорским указом объявлено, больше требовать не могут, как только им по разделу досталось, а именно 1816 кибиток". Грамота заканчивается подтверждением, чтобы княгиня Дондукова немедленно отпустила незаконно захваченных ею людей, разобралась бы в спорных вопросах о лошадях и прочем имуществе и вообще жила бы спокойно в Енотаевской крепости, не позволяя себе вмешиваться в калмыцкие дела и довольствуясь положенною податью с Багацохуровского улуса, которую должны собирать зайсанги, нарочито выбранные к тому и ответственные пред судом Зарго, "В противном же тому случае, — прибавляется в грамоте, — ежели ты не успокоишься, предварительно тебе дается знать, что ты и с сыном можешь обратно сюда взята быть"⁹.

Угроза императрицы Дондуковым возвратит их снова на жительство в столицу показывает, что русское правительство считало их главными виновниками, да, пожалуй, и единственными виновниками происходивших в калмыцком народе смут и беспорядков. На Цебек-Дорджи правительство не обращало особенного внимания. И действительно, хотя Цебек-Дорджи интриговал далеко не меньше Дондуковых, но свои дела он вел так тонко и осторожно, скрываясь за спиной других, что не было оснований уличить его в чем-либо предосудительном. Напротив, он приблизился к наместнику и держал его сторону с такою наружною добросовестностью, что грамотою от 8 мая 1765 года Цебек-Дорджи как "надежное" лицо из калмыцких владельцев получил назначение присутствовать в Зарго с двойным против прочих членов жалованьем, — ему определили 200 рублей в год, причем Цебек-Дорджи было указано всегда находиться при наместнике и действовать "при наставлении" его¹⁰. Конечно, серьезного "наставления" наместник Убуши не в состоянии был преподавать Цебек-Дорджи, — умственно тот стоял несравненно выше Убуши. Но новая должность позволяла Цебек-Дорджи с большим удобством осуществлять задуманный им план удаления Убуши от наместничества и достижения заветной мечты — получить власть над калмыцким народом. Презируя в душе малоспособного наместника и коварно прикрываясь дружбою с ним, Цебек-Дорджи задался целью дискредитировать его в глазах высшей русской власти, для чего, стал вооружать его

⁹ Там же, лл. 143-144.

¹⁰ АКА. Дело 1765 г., № 319, вязка 78, лл. 59-60. Новолетов М. Указ. соч. С. 39. — Позднеев А.М., проф. Указ. соч. С. 167 — почему-то говорят, что Цебек-Дорджи был назначен *первоприсутствующим* в Зарго. В грамоте на имя наместника Убуши, — цит. дело, лл. 59-60, — и в грамоте на имя самого Цебек-Дорджи, — там же, лл. 6 и 65, он называется только присутствующим.

против всех мероприятий и распоряжений правительства, как направленных якобы к вреду калмыцкого народа и к умалению наместнического достоинства. Учреждение "общенародного" суда Зарго было встречено несочувствием наместника и калмыцких владельцев. По положению о Зарго из назначенных в нем 8 зайсангов трое должны были быть избраны от ханского улуса, один от шабинеров — духовного калмыцкого сословия и четверо от улусов, принадлежащих владельцам. Обиженные тем, что в Зарго заседают только зайсанги, а владельцев там нет никого, последние решили не являться по делам на суд. Кроме того, обижало калмыков распоряжение правительства о включении в состав Зарго русского офицера "для напоминания о непродолжительном дел производстве"¹¹. Хотя этот офицер официально трактовался "яко экзекутор для понуждения судей к непродолжительному дел производству", причем состоявшему при калмыцких делах бригадиру Бехтееву предписывалось ввести "одного из россиян из команды калмыцких дел" лишь "со временем" и "при верном случае", "дабы калмыкам не возомнилось, будто намерение есть древний порядок их правительства совсем переменить"¹², но именно в таком смысле калмыки и стали толковать назначение в Зарго русского чиновника с правами экзекутора, а о самом Зарго говорили, что при прежних ханах такого учреждения не бывало, и оно создано не в пользу, но во вред калмыкам. Глазами владельцев смотрел на Зарго и наместник Убуши, особенно инспирируемый, конечно, в данном случае Цебек-Дорджею, который обращал внимание наместника на то, что Зарго весьма ограничивает личную власть наместника. Затем несочувственно была встречена перепишь калмыцких кибиток, предпринятая в 1765 году с целью предотвратить на будущее время захват чужих улусов владельцами. Несочувственно же отнеслись калмыки к заведению казачьих станиц на правом берегу Волги и к усиленному заселению русскими жителями левого берега Волги от Саратова до Царицына в том же 1765 году. Кроме того, владельцы остались недовольны распоряжением русского правительства заключать торговые договоры и разного рода обязательства между калмыками и русскими непременно на русском языке и в русских присутственных местах, минуя калмыцкие власти¹³. Возбуждала недовольствие владельцев незаслуженная, на их взгляд, милость правительства к Замьяну, ездившему на поклон к императрице в 1766 году и сумевшему так хорошо повести свои дела в Петербурге, что ему построили в улусе на казенный счет дом, а усыновленного Замьяном

¹⁰ АКА. Дело 1765 г., № 319, вязка 78, лл. 59-60. Новолетов М. Указ. соч. С. 39. — Позднеев А.М., проф. Указ. соч. С. 167 — почему-то говорят, что Цебек-Дорджи был назначен *первоприсутствующим* в Зарго. В грамоте на имя наместника Убуши. — цит. дело, лл. 59-60, — и в грамоте на имя самого Цебек-Дорджи, — там же, лл. 6 и 65, он называется только присутствующим.

¹¹ То же дело, лл. 59-60.

¹² Там же, лл. 57-58.

¹³ Новолетов М. Указ. соч. С. 39

девятилетнего Тюменя приказано было учить в Астрахани русскому языку и грамоте¹⁴.

И крупные и мелкие события в калмыцкой жизни складывались так, что в результате их переживания у калмыков создавалось настроение, далекое от сочувствия к России, и когда в 1768 году по случаю войны России с Турцией был объявлен набор калмыков в армию, мобилизация проходила вяло. Отчасти и по причине суровой зимы Убуши только в апреле 1769 года смог отправить в Крым в армию Румянцева 20 тысяч калмыков, а сам с другим отрядом калмыков пошел в поход на Кубань для совместного действия с корпусом генерала де Медема против кубанских татар. Военная обстановка пробудила исконный воинский пыл у калмыков. При первой же встрече с неприятелем у реки Калаус калмыки одержали блестящую победу 29 апреля и захватили большую военную добычу¹⁵. Но после того, как войска Убуши соединились с корпусом де Медема у подножья горы Бештау и начались совместные операции калмыцких и русских войск против кабардинцев, а затем против татар в ущельях между реками Кубанью и Тебердой, де Медем испортил дело бестактностью в обращении с наместником Убуши. Несмотря на данное ему предписание вести себя в отношении к калмыцкому наместнику так, чтобы он даже не чувствовал своей подчиненности русскому командованию, де Медем позволил себе делать резкие замечания и даже выговоры наместнику. Тот разобиделся и оставил Предкавказье, чем привел слабый корпус де Медема в состояние бездействия. По уходе калмыков де Медем простоял около трех лет на линии, будучи не в силах предпринять что-нибудь серьезное против неприятеля, а тем временем Порта послала на Кубань войска под начальством крымского хана Девлет-Гирея, который, заняв Тамань и укрепившись в ней, в начале 1774 года повел наступление против преданных России татар ногайцев. Хотя по Кучук-Кайнарджинскому миру 1774 года Кубань была признана границей России на Кавказе, но русские военные силы были в тех местах настолько незначительны, что новые поселенцы на Кубани — казаки должны были постоянно держать себя настороже и в боевой готовности, так как кабардинцы, черкесы и другие горцы вечно беспокоили русских своими налетами, грабежами и угоном скота¹⁶.

В калмыцком народе Россия перестала иметь оплот для себя на юге. Калмыки в это время были уже далеко от России, — их увел отсюда Убуши в Джунгарию, увел не на свободное и привольное житье, о котором мечтали калмыки, а под крепкую власть китайского богдыхана.

¹⁴ Сказание о Дербен-Ойратах // Астраханские Губернские Ведомости. 1860 ч. неофиц., № 13. С. 75-78.

¹⁵ Подробности см. у Чонова Е. Указ. соч. С. 22-25.

¹⁶ Прозрителев Г.Н. 1812-1912. Военное прошлое наших Калмык. Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 г. Ставрополь. 1912. С. 34-36.

Х. УХОД БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ КАЛМЫКОВ ИЗ РОССИИ ПОД ВЛАСТЬ КИТАЯ В 1771 ГОДУ

Когда русские власти спрашивали отдельных калмыков, которым удалось сбежать от сородичей, направлявшихся к границам Китая, и вернуться в Россию обратно: знал ли народ заранее, что наместник с владельцами собирается уйти из России в Джунгарию, все те калмыки отвечали, что этого народ не знал. На допросе 17 ноября 1775 года Араслан Аракбеев из владения полковника князя Дондукова, из аймака зайсанга Шарапа, Лоузан Тюменев из владения наместника Убуши Алькитова рода, из аймака зайсанга Доджа и др. показали, что находившимся на луговой стороне Волги калмыкам было приказано кочевать к Уралу ввиду якобы угрожающей опасности от кубанских татар; которые пришли де к Волге и разорили все калмыцкие улусы, какие находились на нагорной стороне реки¹. Калмыкам же, кочевавшим на нагорной стороне Волги и интересовавшимся причиной подготовки калмыцкого войска, объясняли, что ожидается нападение от киргиз-кайсаков и надо иметь против них надежную защиту: так показали на допросе 30 июня 1771 одиннадцать калмыков с Бердю Габунгом во главе из владения наместника Убуши из Хабучинова улуса из ведомства зайсанга Омбы². Сбор калмыцких войск, конечно, не мог остаться незамеченным и для представителей русского правительства при наместнике. Но полковник И.А.Кишенской, состоявший при калмыцких делах, настолько далек был от мысли серьезно считаться с возможностью ухода калмыков из России, что когда наместник Убуши написал ему письмо из урочища Айраш-Тонрое от 26 декабря 1770 года о признаках наступательных действий киргиз-кайсаков против русских и калмыков³, чем в глазах

Кишенского могли оправдываться военные приготовления наместника, то в ответном письме от 3-го января 1771 года Кишенской ограничился замечанием: "Токмо, чтоб кайсаки совсем в противности к нашей стороне остались и от подданства е. и. в-ства отложились, основательным сие уведомление почестъ невозможно"⁴, а сам объяснял военные приготовления калмыков намерением их напасть на киргиз-кайсаков и в этом духе того же 3-го января дал приказ капитану Дудину, находившемуся при Убуши, "пристойным образом представлять наместнику, дабы он в близость к Яицкой дороге не удалялся и нисколько к тому якобы намерен вновь кайсакам сделать задоры или нападения, не подавал виду"⁵. А на другой день, 4-го января, наместник Убуши всенародно открыл истинные свои намерения, объявив поход из России на Дальний Восток.

Поход готовился в величайшей тайне. В нее были посвящены наместником только несколько самых надежных лиц, именно: Цебек-Дорджи, Бамбар, Шеаренг, лама Лоузанг Джалчин и зайсанг Даши-Дондук. Большая часть владельцев, не говоря уже о зайсангах, а тем более о простом народе, совершенно не была осведомлена относительно намерения наместника и его друзей. Многие из способных рассуждать были поставлены в крайнее недоумение, когда был объявлен поход из России. Бежавший от калмыков коллежский комиссар команды калмыцких дел М. Везелев, которого калмыки при уходе захватили с собою и некоторое время держали в плену как русского чиновника, 6 июня 1771 года, между прочим, показал со слов Тогмутского старшины Анифея, что зайсанг Ондок имел в пути разговор с наместником по поводу ухода калмыков из России. Ондок говорил наместнику, что они "весьма напрасно из протекции е. и. в-ства, где пользовались великим благоденствием, бегут, и во отвращение того лучше бы им было возвратиться на прежние места". Наместник ответил Ондоку в том смысле, что, "опасаясь прочих калмыцких владельцев, он сам собою учинить того не может, а если бы они к возвращению согласились, то и он, наместник, охотно на то поступить мог"⁶. И, конечно, инициатива ухода из России принадлежала не наместнику; слабохарактерный и недалекий Убуши был весь в руках Цебек-Дорджи и таких сочувствующих Цебек-Дордже владельцев, как Шеаренг и Бамбар. Он шел по их указке, не соображая, чем может кончиться вся эта история. Что же касается до Цебек-Дорджи, то он соображал так: если замысел будет открыт, то Убуши будет, несомненно, обвинен в измене и низвергнут; если же последнему удастся

¹ АКА. Дело 1774 года, № 425, вязка 96, л. 42 и 45 об.

² АКА. Дело 1771 года, № 395, вязка 88, л. 64.

³ АКА. Дело 1771 года, № 355, вязка 88, л. 22 и об. - Письмо Убуши датируется месяца Бара 21 днем, что соответствует нашему 26 декабря.

⁴ АКА. Дело 1771 года, № 354, вязка 88, л. 20.

⁵ То же дело, л. 21 и об.

⁶ АКА. Дело 1771 года, № 359, вязка 88, л. 19 об.

бежать, то он не выдержит трудности пути, и тогда он, Цебек-Дорджи, постарается перенять власть у своего слабоумного и неопытного соперника, и от русского правительства ему ничего не будет⁷. Цебек-Дорджи тоже ошибся расчетами. Случилось то, чего Цебек-Дорджи, вероятно, не ожидал, — уход удался калмыкам, и они, несмотря на трудности, лишения и большие потери людьми и имуществом, добрались до границ Китая. Лично Цебек-Дорджи от этого проиграл мало; ему пришлось лишь навсегда отказаться от мечты о власти, но ведь и в России она оставалась для него под сомнением: почти десять лет русское правительство поддерживало Убуши, снисходя к недочетам его правления, — оно даже не привлекало наместника к ответственности за такой вопиющий поступок, как самовольный уход с боевых позиций на Кубани в 1769 г., когда Цебек-Дорджи, быть может, думал, что песня наместника совсем спета. Какие гарантии имел Цебек-Дорджи, что в будущем русское правительство изменит свое благовольтельное отношение к Убуши, сместит его с должности и сделает наместником его, Цебек-Дорджи? Ровно никаких. Цебек-Дорджи оставалось поставить последнюю карту — рискнуть судьбой всего калмыцкого народа, и Цебек-Дорджи не остановился перед этим. Для Цебек-Дорджи, захваченного идеей во что бы то ни стало добиться власти над народом, не существовало вопроса, какие последствия могут выпасть на долю этого народа при исполнении основанного на властолюбивых замыслах одного человека плана ухода калмыков из России. Авантюра Цебек-Дорджи обошлась дорого калмыцкому народу, и едва ли будет ошибочен приговор историка, который стал бы снимать с наместника Убуши большую часть ответственности за страдания калмыцкого народа, перенесенные им с момента ухода из России, и возложил бы вину на Цебек-Дорджи. Ведь он был идейным вдохновителем наместника; он был коварным его руководителем. Ведь с его именем соединяются пламенные речи в народных собраниях, с образцом которых знакомит нас *Бергман*: "Смотрите, — говорил Цебек-Дорджи на одном собрании, — ваши права ограничиваются во всех отношениях. Русские чиновники обращаются с вами ужасно, а правительство хочет поделаться из вас землепашцев. Вот покryлись казачьими станицами берега Урала и Волги, вот и северные окраины степей заселены немцами; еще немного времени, и будут заняты Дон, Терек и Кума, а вас стеснят на безводных пространствах и погубят ваши стада, единственный источник вашего существования. Уже приказано представить в заложники сына Убуши и определено, чтобы 300 человек из лучших калмыков жили в столице. Вам очевидно теперь ваше положение, и в будущем остается одно из двух — или

⁷ Позднеев А.М., проф. Указ. соч. С. 167. Новолетов М. Указ. соч. С. 38.

нести на себе тяжелое бремя рабства, или удалиться из России и таким образом положить конец всем бедствиям. Известно, что сам Далай-лама указал два года, в которые можно совершить переход в Джунгарию. Эти два года теперь настали. Так ваше настоящее решение должно определить то, что с вами будет"⁸.

Несомненно, в 60-х годах XVIII столетия в Калмыцкой степи собралось много горячего материала, и при наличности отрицательных явлений в калмыцкой жизни агитация против России имела большой успех. Слухи распускались чудовищные, и народ им верил. То содержание речей Цебек-Дорджи, которые записал Бергман, не только совпадает с показаниями возвратившихся в Россию калмыков, но эти последние передают даже большее. Ончин из владения Замьяна из Багахошеутова улуса 24 августа 1771 года сообщил, что наместник по приходе калмыков на реку Яик "объявил, будто его сына и владельческих детей велено взять в аманаты, а подлых калмыков до десяти тысяч — в солдаты"⁹. Шарап Цой Даржаев из владения наместника Убуши передавал циркулировавший в народе слух, "будто малолетних ребят требуется, а для чего и куда не знает"; и только уже после калмыки дознались, "что разглашение о требовании малолетних ребят произошло ложно, единственно вымышлено для того, дабы тем больше побудить подлых калмык к побегу"¹⁰. Киргиз-кайсацкому хану Нурали, прося его пропустить чрез его владения калмыцкий народ, наместник Убуши писал, что "издревле торгоутам таких налетов, как ныне, не бывало, от которых весь народ пришел в колебленность и беспокойствие, почему и не возжелали над собою иметь российского начальства, а желая видеть своих единоконцев и прежние свои места, покочевали от России"¹¹. Не обошлось, наконец, дело и без Китая, как удостоверяет в своем показании вышеназванный комиссар М.Везелев, слышавший об этом от "многих" калмыков. Он считал даже, что уход калмыков из России произошел не столько по "неудовольствию" калмыков на русское правительство, сколько "по подзыву боготворимого ими духовного Далай-ламы, который де (по словам калмыков) еще в то время, когда от бывшего хана Дондук-Даши и вообще от всего калмыцкого народа отправлены были к нему, Далай-ламе, для поклонения калмыцкие посланцы,

⁸ В. Bergmann. Nomadische Streifereien unter den Kalmücken. Riga 1804 : S. 181; по проф. А.М. Позднееву. Указ. соч. с. 167-168.

⁹ АКА. Дело 1771 года, № 359, визка 88, л. 119 об. То же самое говорит и комиссар М.Везелев, л. 16, но прибавляет, что такие речи слышались еще до ухода калмыков от Волги.

¹⁰ Там же, л. 87.

¹¹ Там же, л. 53.

прислал к ним без оных подзывную свою грамоту, которою, обещая их к себе принять, дал им знать, что по его пророчеству не прежде им сие намерение в действо произвести надлежит, как в 1770 или 1771 годах, для того якобы оное время к побегу их счастливым быть может, чем будучи калмыцкие владельцы уверены, хотя и прежде его, хана, по возвращении тех посланцев к побегу склоняли, но он, признав оное за бесполезное, в том с ними не согласился"¹².

Идея ухода из России в Джунгарию, можно сказать, никогда не умирала в сознании калмыцких ханов и владельцев. По словам Замьяна, хан Аюка два раза собирался откочевать туда. Дарма-Бале пришлось поплатиться за то, что она вела переписку с Джунгарским владельцем о переходе к нему поволжских калмыков. Дондок-Омбо в свое время тоже пустил молву о своем уходе в Джунгарию и обманул тем князя Барятинского. Дондок-Даши считался с этою же идеей. Но Дондок-Даши по примеру Аюки имел благоразумие отказаться от соблазна уйти из России. Оба они, и Аюка и Дондок-Даши, предпочли остаться под "протекцией" России, правильно сообразив, что Россия дает им гораздо больше того, на что они могут рассчитывать, подчинившись власти Китая.

Пример отца и прадеда мог бы вразумить наместника Убуши, если бы он был способен на серьезные размышления, но в том-то и была беда, что Убуши не был способен самостоятельно рассуждать, — он слушал и повторял чужие речи, речи тех, кто строил против него козни. Правда в числе его ближайших "друзей" находился лама Лоузанг-Джалчин, вероятно, искренне доверявший "пророчеству" верховного Далай-ламы о "счастливых" для калмыцкого народа 1770-1771 годах и потому особенно удобных для удаления из России; но едва ли Цебек-Дорджи был настолько прост, чтобы "пророчеству" Далай-ламы придавать серьезное значение. Едва ли он, бесспорно, умный человек мог слепо доверяться "пророчеству". Он мог воспользоваться им в зажигательных своих речах пред темной массой как одним из аргументов в пользу ухода из России, который нужен был ему только для того, чтобы дискредитировать наместника в глазах русской власти... Ввиду этого нельзя, конечно, считать "подзыв" тибетского Далай-ламы за главный и решающий импульс к шагу, сделанному калмыками в 1771 году. Разгадку этого шага надо искать в непомерном властолюбии Цебек-Дорджи и в том, что наместником калмыцкого ханства был тогда бездарный Убуши.

Цебек-Дорджи и его единомышленникам удалось создать в калмыцком народе и среди многих владельцев настроение, враждебное

¹² Там же, л. 19.

к России. К 1767 году оно настолько окрепло, что руководители движения считали возможным тогда же двинуть калмыков в поход из России. 2 марта 1767 года астраханский губернатор Н.А. Бекетов получил первое известие от заклятого врага наместника Убуши владельца Замьяна, что наместник с некоторыми владельцами решил удалиться из России под протекторат Китая и послал нарочных к Оренбургу для разведки более удобной дороги на Дальний Восток¹³. О том же Замьян писал Бекетову несколько раз в 1768 и 1769 годах. Сначала Бекетов не особенно доверял донесениям Замьяна и не давал им движения, тем более, что с 1767 года он был устранен от заведования калмыцкими делами вследствие ссоры с полковником И.А. Кишенским. Но потом и Бекетов стал подозрительно относиться к калмыкам. В марте 1769 года он счел нужным препроводить к Кишенскому для его сведения доставленное ему письмо из Джунгарии к калмыцкому бодокчею (судье), проживавшему в Астрахани, от его родной сестры Гельдеевой дочери, состоявшей в замужестве за Джунгарским владельцем. В переводе письма гласило следующее: "Старшему брату, Цой Лозон гецюлю Джюлжин пишу. Здесь носится слух от Табун-Отоковых калмык якобы торгоуты, дербетты, Шеаренг и Табун-Отоки вознамерились отойти к Алтаю. А сколько мне рассуждается, может такое намерение есть, только — Шеаренгово. А торгоуты примешаны к тому не напрасно ли? Что я за секрет вам и даю знать. Ежели я такую догадкою ошибаюсь, а заподлинно от Табун-Отоков произносящий (ся) слух правильный, то прошу сие не разглашать, ибо я за достоверное ни от кого не слыхала. О сем деле податель сего письма не знает, и вы ему не открывайтесь. Також и зюнгарским калмыкам о сем, что я писала, не сказывать и содержать про себя. А прошу об обстоятельстве оногo, ежели вам что известно, ко мне отписать. Может статься, что сей принесший (ся) от Табун-Отоковых калмык слух и в посмеяние Шеаренгу сделан. Однако со всем тем могу и ошибиться".¹⁴

Бекетов придавал серьезное значение и оставлению калмыками боевых позиций на Кубани. Он понимал, что здесь действовала более глубокая причина, чем недовольство Убуши де Медемом, и что эта необнаруженная причина чревата последствиями. Бекетов как будто бы прочитал то, что наместник таил в душе и высказал открыто только в самую последнюю минуту пребывания в России. "Он, наместник, во время употребления калмыцкого войска против кубанских татар с досадою то видеть принужден был, когда кто из калмык, не щадя

¹³ АКА. Дело 1769 года. № 352, вязка 87, л. 24-25.

¹⁴ АКА. Дело 1769 года, № 350, вязка 86, л. 397.

живота своего, к службе верность оказывал", — доложил комиссар Везелев русским властям со слов калмыков, с которыми ему пришлось разговаривать, находясь в плену¹⁵. Поэтому Бекетов решил уведомить Коллегию иностранных дел об умысле калмыков уйти из России. В докладе своем от 15 апреля 1770 года он рекомендовал в качестве главной меры против ухода калмыков вызвать в Петербург наместника Убуши и владельцев Еремпея, Бамбара, Шеаренга, Цебек-Дорджи, Лоузанг-Джалчина и Даши-Дондука как главных злоумышленников и предлагал через них произвести дознание. Но Коллегия иностранных дел, руководившаяся успокоительными докладами Кишенского, признала подозрения Бекетова ошибочными. В рескрипте от 3 августа подробно разобраны основания Бекетова и показана неосновательность всех его подозрений, причем в заключение ему дается ряд предписаний, которыми он должен руководиться в отношениях своих к калмыкам. "Все сии предписания, как составляют самые нужные правила вашего поведения, то мы уповаем, что вы с должным вниманием во оные и вникнете и всегда тщательно сообразоваться им не преминете", — так заканчивался рескрипт, давший Кишенскому богатый материал к злоречию и насмешкам по адресу Бекетова¹⁶.

4 января 1771 года наместник Убуши в ухвостье Рын-Песков, в урочище Белту, пред войском и владельцами объявил свое решение уйти из России. "Наместник, собрав владельцев и бывшее при нем войско, — докладывал Кишенской в Оренбург г.-м. Давыдову от 10 февраля того же года, выехал сам к оному и объявил не только с прискорбностью, но и с великими слезами, что он получил повеление от всемилостивейшей государыни, которым якобы повелено ему своего сына, также пяти знатных владельцев и у ста зайсангов взяв, отправить в Петербург, а притом из калмыцкого народа, собрав десять тысяч человек, отправить в Россию для определения в службу, примолвля притом, что он как к соблюдению своего закона, так и к сохранению своего калмыцкого народа не находит никакого другого способа, как только удалиться от здешней протекции, прося всех, чтобы следовали его намерению". Услышав такую речь наместника, "калмыки — сей ветреный народ", — не стали вдаваться в рассуждения, насколько справедливо содержание речи наместника; они возмущались, бросились к своим жилищам и начали быстро собираться в поход¹⁷. Куда поведет их наместник, этого почти никто из них не знал за достоверное, да и никого серьезно не интересовал вопрос о

¹⁵ АКА. Дело 1771 года, № 353, вязка 88, л. 19.

¹⁶ АКА. Дело 1771 года, № 373, вязка 91, лл. 20-30 и 155

¹⁷ АКА 1771 года, № 354, вязка 88, л. 258.

конечном пункте похода. Народ доверчиво шел за своим вождем. Русский лагерь, в котором находился капитан Дудин, был разбит калмыками, и никому не было известно, что случилось с Дудиным. На нагорную сторону Волги были посланы гонцы объявить находившимся там калмыкам о выступлении в поход, и 5 января калмыцкий народ чуть ли не бегом устремился от берегов Волги в направлении к Востоку. За наместником Убуши последовало 30909 кибиток. 11198 кибиток осталось у Волги частью потому, что начавшийся на реке ледоход помешал многим калмыкам перейти на луговую сторону реки с нагорной и присоединиться к главной массе калмыцкого народа, частью же потому, что на нагорной стороне были улусы, владельцы которых, [такие] как Замьян, Яндык и князь Алексей Дондуков, состояли в ссоре с наместником и потому не позволяли своим людям идти за Убуши¹⁸.

"Первые дни побега были для калмыков днями праздника, — пишет Н. Нефедьев в своих "Исторических сведениях" о калмыцком народе, — ибо они, захватив с собою множество армянских и других купцов с товарами, вином и съестными припасами, не имели недостатка в наслаждениях. Во время ночлегов необозримое пространство их стана, охраняемое пикетами, озарялось бесчисленным множеством огней и оглашалось шумным весельем народа, который в жалком заблуждении стремился к бедствиям"¹⁹. Только уже перейдя через реку Урал, калмыки узнали, что им лежит впереди далекий путь, Убуши ведет их к границам Китая²⁰. У реки Эмбы последовало нападение на калмыков киргиз-кайсацкого отряда под предводительством Яман-Кары. Нападение было отбито с уроном для киргиз-кайсаков, но впереди ожидалась новые нападения со стороны тех же киргиз-кайсаков. Поэтому Убуши счел нужным написать письмо киргиз-кайсацкому хану Нурали с заявлением протеста против враждебных действий его подданных. Объясняя в своем письме от 15 апреля 1771 года причину ухода из России и указывая, что до сих пор он не писал Нурали хану "будучи в большой печали", Убуши обращает

¹⁸ Новолетов М. Указ. соч. с. 46. Примеч. 32. С. 47-48.

¹⁹ Нефедьев Н. Указ. соч. С. 70.

²⁰ Так показали русским властям вернувшиеся обратно калмыки, например — Араслан Аракбеев. АКА. Дело 1774 года, № 452, вязка 96. л. 42. Путь калмыков в Китай шел на Урал, Эмбу, через Могульджарские (Могульзурские, Мугульярские) горы, на Иргиз, Сары-Торгой и Терсаккань. От Терсаккани, минуя Сибирскую линию, калмыки круто повернули на юго-восток и взяли направление к озеру Балхаш; от Балхаша они пошли через Кецыс-Юйдзыские степи и Халаторскую землю к реке Или. Всего они шли до Китая семь месяцев. Новолетов М. Указ. соч. С. 50.

внимание Нурали хана на враждебный, ничем не вызванный со стороны калмыков поступок Яман-Кары, за который Яман-Каре пришлось поплатиться некоторым числом людей и скота, доставшимся в добычу калмыкам, и выражает надежду, что дальнейшее движение калмыков через ханские владения будет беспрепятственно. Убуши напоминал Нурали хану, что и при отце Убуши, хане Дондок-Даши, и при нем, Убуши, "калмыки с киргиз-кайсаками вообще жили в согласии, — не должны они и теперь обижать калмыков"²¹. Но у Нурали хана Убуши не встретил ни сочувствия, ни поддержки. Нурали хан осудил поступок наместника Убуши. Действуя совместно с оренбургскими войсками, отправленными под командою генерала фон Траубенберга преследовать калмыков, Нурали хан определенно ответил наместнику: "Вы, оставя свое место, наруша присягу и мне причина вред, куда хотите уйти? Мы положили за вами, хоть шесть месяцев, намерение, сообщась с российскими войсками, т.е. казаками. Драгунами, башкирами и три орды кайсацкие идти, которые со всех сторон вас с артиллериею окружать не оставят, и до места гнать не оставим." Нурали хан подавал наместнику такой совет: "Ежели вы меня почитаете большим своим братом и требуете от меня совета, то возвратитесь в Россию паки; а ежели опасаяся России, то я беру на себя преступление твое упросить, и верьте мне, что вам за то ничего не воспоследует"²². Наместник не внял голосу благоразумия. Он вел вперед калмыцкий народ, более или менее удачно отбиваясь от киргиз-кайсаков Малой и Средней Орды, которые не переставали донимать калмыков своими набегами. Траубенберг, начавший было преследовать калмыков, скоро прекратил преследование. Хотя он соединился с Нурали ханом у реки Терсаккани 12 мая, но увидев, что калмыки ушли уже далеко, а у него не хватает провианта для войска, заблагорассудил двинуться в обратный путь к Оренбургу. Тщетно Нурали хан убеждал Траубенберга остаться, тщетно просил у него дать ему хоть три пушки и 1000, даже 500 человек русской конницы, которую обязывался довольствоваться на свой счет, — генерал остался непреклонен в своем решении и отказал Нурали хану в его просьбах о пушках и коннице"²³. Нурали хан принужден был действовать против калмыков один. У Ушун-Кунрада Нурали соединился с кирги-

21. АКА. Дело 1771 года, № 359, вязка 88, л. 49 и л. 52. Письмо наместника было отправлено к Нурали хану с Шарапом Цой Даржаевым, которого Нурали хан задержал у себя, а потом передал в распоряжение генерала Траубенберга; см. л. 85-а об.

22. То же, л. 55 об. - 56.

23. Письмо Нурали хана к Н.А. Бекетову, полученное им 15 июля 1771 года: там же, л. 94 об. У М. Новолетова. Указ. соч. С. 50, — просьба Нурали о числе пушек и количестве войска передается не вполне точно.

зами Средней и отчасти Большой Орды, — силы его увеличились. При реке Ширин-Шилике он вступил в большое сражение с калмыками, нанес им значительный урон, а затем стал тревожить их постоянными нападениями с тыла, причем захватывал в плен калмыков и отбивал у них выюки и гурты скота. "От скорых и трудных переходов", какие приходилось делать калмыкам, спасаясь от киргиз-кайсаков, калмыцкий народ "ослабел", рассказывали на допросе у русских властей Араслан и Баранг. Положение калмыков становилось тем труднее, чем дальше они продвигались вперед. Корму для скота оказывалось недостаточно; скот пришел "в крайнюю худобу и упадок". Испытывался острый недостаток в воде. Когда калмыки достигли озера Балхаш и бросились пить воду из этого озера, то "от горькой того озера воды приключились разные болезни, от чего в великое изнеможение подвергнулись калмыки". В это именно тяжелое время "кайсаки, разбивая их, многим числом брали в плен". Преследование калмыков неприятелем продолжалось до реки Или-Усун и даже дальше: "По приходе на оную реку, — рассказывали калмыки, — и в дальнейшем по оной вверх переходе как кайсаки, так и татары, называемые буруты, множественным числом их, калмыков, захватывали". Только у границ Китая неприятели перестали тревожить калмыков. Они "отстали и возвратились в свои места". Велики были потери калмыков. Араслан слышал, что из всех калмыков, последовавших за Убуши, — "едва ль третья часть дошла" до китайских пределов²⁴.

Столкнувшись с нуждой и лишениями, испытывая страдания и ни на минуту не чувствуя себя в безопасности, так как враг подстерегал на каждом шагу, калмыки вспомнили привольные степи Поволжья и затосковали о них. Шарап Цой Даржаев говорил: "Калмыки охотно желают все возвратиться по-прежнему, только на то способов не находят". Отдельные смельчаки из среды калмыков решаются на свой страх и риск обмануть бдительность начальства и учиняют побег в русскую сторону. Но не всем удается туда уйти. Беглецы нередко опять попадают в руки своих владельцев, так как не знают дороги и принуждены бывают возвращаться обратно. Часто захватывают беглецов в плен киргиз-кайсаки, и благословляет судьбу тот, на долю которого выпадет счастливый случай, миновав все опасности, напасть на верный путь к русским²⁵. Бердю-Габунг заявлял, что он как человек низкого происхождения не знает, каково настроение у владельцев, но ему известно, что калмыки - простолюдины "об отлучении их из протекции российской и от реки Волги великое имеют сожаление и

24. АКА. Дело 1774 года, № 425, вязка 96, л. 17 об. и л. 42 об.

25. АКА. Дело 1771 года, № 359, вязка 88, л. 85-а об.

на своих начальников негодование и ко возвращению в здешние пределы ревностное намерение имеют". Но опять-таки, как говорил и Шарап, они "не находят удобных к тому способов, а паче, — рассуждает Бердю-Габунг. — боятся кайсак. дабы при возвратном побеге не могли подвержены быть им жертвою". Действительно, с опасностью от кайсаков даже массе народа приходилось серьезнее считаться, чем с владельцами, Калмыки не знали обратной дороги в Россию и могли попасть в еще худшее положение, натолкнувшись на киргиз-кайсаков, которые не давали пощады тем, за кем гнались с таким упорством. "Если бы сведения (калмыки) о приближении к ним российских войск, то непременно весь подлой (простой) народ к ним бы уклонился"²⁶. Да, пожалуй, и сам наместник Убуши не отстал бы в этом случае от простого народа. По словам Шарапа, "наместник ханства Убуши об учиненном им побеге крайне сожалеет и приносит жалобу на владельцев Бамбура, Шеаренга, Цебека, которые на то его склонили"²⁷. Увещательное письмо Н.А. Бекетова, посланное им чрез посредство Нурали хана к владельцу Бамбару²⁸, могло давать основание и наместнику Убуши надеяться на прощение его вины русским правительством, и он всегда мог бы вернуться с дороги. Но наместник был в руках Цебек-Дорджи и его единомышленников, которые теперь уже не могли рассчитывать на снисхождение к ним русских властей и разрешали наместнику ограничиться одним сетованием на его собственное бессилие.

У границы Китая, не переходя ее, калмыки простояли месяца два. Затем, рассказывает Баранг, калмыки переправились через реку Или и "пошли паки в поход. Наместник, Цебек-Дорджи, Эмегень-Убаши, Моомут-Убаши, Еремпель, Шара-Кукень, Бамбаров сын, и гецюль Лоузанг-Джалчин отправились к китайскому двору для засвидетельствования о своей верности и поднесения своего поклона, где, как известно, были приняты благосклонно и находились там с восемь месяцев и возвратились в дома". Переговоры наместника и владельцев с китайским правительством привели к тому, что им пришлось отказаться от фактической власти над калмыками. Власть над ними переходила к Китаю. "Владельцев и зайсангов должность состоит токмо в подаче ведомостей о выбылых людях", — передает Араслан. Владельцы не имеют права собирать подать с калмыцкого народа, — вместо нее "производится им пропитание от китайцев", — сообщает

²⁶ Там же, л. 64 об.

²⁷ Там же, л. 85-а об.

²⁸ Там же, л. 101. Текст письма см. в деле 1771 года, № 373, вязка 91, лл. 159 об. — 169 об.

тот же Араслан. Из слов Баранга и других выходцев-калмыков видно, что китайское правительство положило определенное годовое жалование наместнику и владельцам, именно: наместнику — три тысячи пятьсот рублей (на русский счет), Цебек-Дорджи — три тысячи сто десять рублей; "а прочим владельцам какое жалованье определено ль или нет, и он, Баранг, не знает". Относительно жалования наместнику упоминает в своем показании и Иши Болотов из Дербетова владения умершего владельца Цебек-Убуши из аймака зайсанга Тогмида; он приводит цифру жалованья в "пятьдесят эмбю в год китайскими серебряными слитками", — каковая сумма, очевидно, соответствовала 3500 рублям по тогдашнему денежному курсу, — и прибавляет, что, кроме денежного жалованья, наместник получает "на платье шелковых товаров по пятидесяти кусков"²⁹. Баранг говорит, что китайское правительство распорядилось поменять наместника Убуши и владельца Цебек-Дорджи улусами, так что улус Убуши перешел к Цебек-Дорджи, а его улус — к Убуши. Пришлось и прочим владельцам поменяться улусами. Что за причина была такого принудительного обмена улусами, Баранг не знает. Можно догадываться, что это было сделано с целью ослабить влияние наместника и владельцев на калмыцкий народ, а также и как внешнее показание перехода верховной власти над калмыками к китайскому правительству. "Кочевье имеют наместник и владельцы друг от друга расстоянием верховой езды дня по два и по три", — прибавляет тот же рассказчик, давая тем знать, что китайское правительство сразу же приняло меры к разъединению улусов. дабы легче можно было справиться с калмыками в случае возмущения, для которого являлось немало поводов. Кочевать разрешено было не всем, а только более состоятельным калмыкам. Беднейших калмыков, рассказывает Араслан, китайцы оставили при своих городах и начали обучать хлебопашеству, при посредстве особых инструкторов. "от китайцев нарочно приставленных к ним". добавляет Баранг и констатирует, что из калмыков "многие уже обучились" земледелию. Так китайское правительство стало постепенно переводить калмыков с кочевого образа жизни на оседлый.

Наместник и владельцы, потеряв власть над калмыцким народом в Китае, все же прилично устроились в материальном отношении. Простой народ потерпел ущерб во всех отношениях. Под бдительным надзором китайских чиновников, контролировавших каждый шаг калмыков, они лишились той свободы, какую пользовались в России, кочуя со стадами по широким степям Поволжья. Материальное благосостояние калмыков было разрушено. Трудная дорога в Китай

²⁹ АКА. Дело 1774 года, № 425, вязка 96, л. 44.

унесла у них много жертв. Погибло громадное количество людей и скота. Большинство калмыков лишилось последнего имущества. В состоянии крайней нищеты пришли они в Китай. "Видя их крайнюю бедность, — рассказывает Араслан, — от китайской стороны дано было на первый случай подлым калмыкам на пропитание по барану на человека, потом на два человека по барану ж, коею дачею питались не более (как) с два месяца, а напоследок дача баранов кончилась, и производились (выдачи) на три человека по мешку муки пшеничной мерою против здешней в два четверика, да сверх того в один раз на рубашки и порты дано каждому человеку по два конца бязи". В Китае калмыки стали кормиться несравненно хуже, чем в России. Особенно трудно стало жить калмыкам, переведенным на оседлый, земледельческий быт. Араслан прожил среди этих калмыков три года и видел, что калмыкам-земледельцам "на пропитание дается на каждого человека в день по небольшой чашечке муки пшеничной", — в этом и состоит все их питание. Вследствие голода калмыки вынуждены бывали наниматься в работники к китайским мандаринам или уходить в поисках пропитания в улусы к сородичам, предлагая свои услуги наместнику и владельцам. Впрочем, и улусные калмыки не могли похвалиться материальным довольством. Араслан говорит на основании личных наблюдений, что "к содержанию скота и к довольному прокормлению одного удобных и способных в тамошней стороне мест весьма недостаточно, а по большей части — гористые и каменистые", вследствие чего "калмыки скотом еще и не обзаводились; да и овцы у китайцев не калмыцкой породы, а черкасской — очень мелки"³⁰.

Калмыки сильно страдают в Китае, — вот общий голос выходцев из Китая. Они уже оставили думать о нападениях на русские земли, смежные с Китаем, бросили замысел прийти в Россию и увести с собою оставшихся там братьев, о чем так горячо говорили в первые дни по уходу из России³¹. Они сами теперь "весьма сожалеют" и рассказывают, что покинули Россию. Они готовы были бы возвратиться к приволью Поволжских степей, если бы представилась малейшая возможность к тому. Но китайские приставы зорко следят за калмыками и пресекают их попытки к бегству. Зайсанги Балдон, Дорджа гецюль, Собок и Бодогой, рассказывает Иши Болотов, составили было план бегства в Россию со своими аймаками и с другими калмыками. Но заговор зайсангов был открыт китайцами, и их с аймаками перевели в глубь Китая, в горы. То же самое "и с наместниками учинено", —

30. Там же, л. 17 об. — 18 и л. 42 об. — 43.

31. Показание комиссара М. Везелева. АКА. Дело 1771 года, № 359, вязка 88, л. 19 об.

прибавляет Иши Болотов, давая тем основание предполагать, что и наместник был причастен к заговору зайсангов³². Отдельным лицам удается устроить побег и, благополучно миновав китайские заставы, уйти от преследования. Но горе тому, кого поймают китайцы. "По поимке, — говорит Араслан, — китайцы "казнят смертью" беглецов. Да и киргиз-кайсаки их ловят, причем, если киргиз-кайсакам попадетс я значительная партия беглецов - калмыков, они препровождают ее китайцам для расправы, а отдельных беглецов продают русским и другим людям за деньги"³³. Иши Болотов слышал разговоры между калмыками: "Если б, — говорили калмыки, — хотя небольшое число российских войск приближено было к китайским границам, то они все меры употребили (бы) к побегу обратно в Россию"³⁴. Калмыки в данном случае повторяли то же самое, что они говорили по пути в Китай, когда отбивались от киргиз-кайсаков и несли тяжелые потери.

Но тщетно они дожидались помощи от России. Помощь не пришла к ним тогда, не приходила она и теперь. Из-за властолюбия одного человека (Цебек-Дорджи) и по слабости другого (наместника Убуши) калмыцкий народ попал в тяжелую китайскую неволю и остался в ней навсегда.

32. АКА, Дело 1774 года, № 452, вязка 96, л. 44.

33. Там же; л. 43 об.

34. Там же, л. 44.

XI. ПОПЫТКИ ОСТАВШИХСЯ В РОССИИ КАЛМЫКОВ УДАЛИТЬСЯ К СОРОДИЧАМ В КИТАЙ

Вести о том, как живет калмыкам под китайским владычеством, дошли до Волги не так-то скоро. Первые сведения об этом поступили сюда через посредство киргиз-кайсаков в 1773 году. Затем, но уже позже начали появляться на Волге калмыки-беглецы из Китая, испытывавшие на личном опыте тяжесть китайской неволи. Рассказы о ней Араслана, Баранга, Иши Болотова и других относятся к 1775 году. Эти рассказы имели вразумляющее значение для приволжских калмыков. До тех пор они питали уверенность, что их сородичи нашли под властью Китая те лучшие условия существования, о которых мечтали калмыки, удаляясь из России. Мысль об этом волновала приволжских калмыков и создавала в них настроение, весьма благоприятное для успеха агитаторов, действовавших письмами с китайской стороны, а иногда даже приезжающих оттуда с определенной целью поднять эту небольшую оставшуюся группу калмыков и увести ее в Китай. Но русские власти получили в недавнем прошлом хороший урок. Они принялись бдительно следить за тем, что говорится среди калмыков и что делается вокруг них. Н.А. Бекетов, получив точные указания относительно волнений в Дербетовском улусе и, особенно, в Эркетеневском, и узнав, что главными виновниками волнений являются владельцы, зайсанги и духовенство этих улусов, подбивающие простолудинов бросить Россию и идти к Китаю, в 1771 году отдает распоряжение о переводе на правую нагорную сторону Волги калмыков, кочевавших на левой луговой стороне реки, а владельцев Асарху, Маши, Замьяна, Яндыка, правителя Дербетовского улуса Баахан гелюнга с наиболее видными зайсангами этого улуса и зайсангов Эркетеневского улуса командирует в отряд из русских и калмыцких войск, назначенный на "поиск" против кубанских татар, под начальством полковника князя Алексея Дондукова. Отделив таким образом владельцев и зайсангов от их улусов, Бекетов парализует вредное влияние сильных людей на простой народ. Дербетовский улус, лишившийся правителя, сам по себе не внушал особых опасений, — там стало спокойнее, чем где бы то ни было; поэтому Бекетов сначала

нашел возможным оставить улус на луговой стороне Волги¹. В 1772 году стали получать тревожные известия и относительно Дербетовского улуса. 17-го марта этого года коллежский комиссар М. Везелев доложил Бекетову со слов одного зайсанга, что будто бы "Дербетов улус принял точное намерение к побегу вслед за изменниками калмыками и к тому готовится"². Это известие, а также полученное 22 марта сообщение из Омской крепости от генерала де Колонга (от 29 января 1772 года), что по сведениям, доставленным ему киргизами, волжские калмыки намереваются последовать примеру своих сородичей и идти в Китай, куда их приглашает владелец Шеаренг, и что китайское правительство вошло в переговоры с султаном Средней Орды Аблаем о пропуске волжских калмыков через киргиз-кайсацкие земли³, заставили Бекетова принять экстренные меры. 24 марта он выехал в Царицын и, вызвав туда Дербетовского владельца Цебек-Убуши, незадолго пред тем вернувшегося с Кубани, а также наиболее видных представителей калмыцкого духовенства и знатных зайсангов, предложил им остаться на правой стороне Волги и жить отдельно от улуса, на что они вынуждены были согласиться. Для охраны Дербетовского улуса, оставленного на луговой стороне Волги, от всяких сношений с Китаем чрез посредство киргиз-кайсаков Бекетов учредил заставу из двухсот калмыков и ста казаков Моздокского полка. Потом в подкрепление этой сторожевой части был командирован отряд в тысячу человек из калмыков Ики-Цохуровского и Эркетеневского улусов, которые возвратились с реки Яик из побега, не последовав за наместником Убуши. Сторожевая команда стояла при Дербетовском улусе все лето 1772 года⁴. 14 августа Бекетовым было получено сообщение Оренбургского губернатора Рейнсдорпа от 24 июля 1772 года, что возвратившийся из Средней киргиз-кайсацкой Орды верный России башкирский старшина Казанкул Казанбаев объявил Рейнсдорпу, что "до приезда его тоя орды к Аблай солтану за пять дней был у него, Аблая, от китайского двора посол в числе пятидесяти человек, и посольство его состояло в том, чтобы ожидаемых в китайскую сторону из России оставшихся калмыков безбедно пропустили и в потребном случае оным всякое вспоможение учинили, а о сем бы самом и Нурал, хан кайсацкий, от него, Аблая, уведомлен был". Рейнсдорп придавал большое значение словам башкирского старшины Казанкула Казанбаева. В том обстоятельстве, что "на сих днях, — как он пишет, — между Бударина и Кожехарова и других форпостов киргиз-кайсаки немалым числом

1. АКА. Дело 1771 года, № 373, вязка 91 лл. 11-14.

2. Там же, л. 15 и об.

3. АКА. Дело 1771 года, №372, вязка 90, лл. 144-146.

4. АКА. Дело 1771 года, № 372. вязка 91, лл. 16 об. — 17 об.

перелезли через реку Яик на здешнюю сторону и пошли прямо в степь по реке Кушуму к калмыцкой стороне, где они на вершинах речки Узени и с отправленной от г.г.-м. Фреймана для сыску яицких беглецов командою съехались", а затем "путь свой взяли к гурьевской стороне", Рейнсдорп усматривал, что "они, киргиз-кайсаки, отправились для поднятия их, калмыков, во удовлетворение китайского двора"⁵. Хотя и де Колонг, и Рейнсдорп, и сам Бекетов приняли уже все необходимые меры военного характера на случай попытки калмыков уйти с берегов Волги по проторенной их сородичами дороге в Китай, но Бекетов не желал допустить самого начала новой и могущей быть особенно для него лично неприятной истории с калмыками, так как за недавний побег калмыков он возлагал вину всецело на Кишенского, которого в докладе к императрице от 17 февраля 1771 года сравнивал с Иудой, потерявшим разум вследствие сребролюбия⁶. Он не захотел попасть впросак и 27 августа написал к графу Н.И. Панину представление о необходимости отдалить от калмыков трех ненадежных владельцев: Цебек-Убуши, Яндыка и Асарху, которые способны повести за собою народ, и предлагал названных владельцев "под каким-нибудь приличным, однако милостивым видом отозвать в Петербург и продержать их тамо, доколе мысль сия в них исчезнет"⁷. Предложение Бекетова было принято, и 18 октября последовал из Коллегии иностранных дел вызов дербетовского Цебек-Убуши и торгоутовских Яндыка и Асархи владельцев в Петербург, куда они и выехали зимою. Дорогою Яндык умер в Островской станице на Дону 15 декабря 1772 года; Цебек-Убуши и Асарха прибыли в Петербург и там жили до смерти, последовавшей в 1774 году. Так как они умерли почти одновременно, то у калмыков явилось подозрение, что смерть их владельцев была насильственной. Калмыки взволновались и хотели отомстить за Цебек-Убуши и Асарху убийством пристава М.Везелева, но тому удалось скрыться и тем спасти свою жизнь⁸.

Еще ранее вызова владельцев в Петербург Дербетовский улус был переведен по распоряжению Бекетова с луговой на нагорную сторону Волги, и так как опасности от киргиз-кайсаков для улуса не предвиделось, то военная охрана с него была снята, и тысячная калмыцкая команда распущена по домам⁹. Поползновений к уходу из России среди калмыков не стало заметно. Калмыки успокоились и оставили

5. АКА. Дело 1771 года, №372. вязка 90, л. 240.

6. АКА. Дело 1771 года, № 373, вязка 91, л. 154 и л. 156

7. АКА. Дело 1771 года № 372, вязка 90, л. 244 об.

8. Новолетов М. Указ. соч. С. 58.

9. АКА. Дело 1771 года. № 373. вязка 91, л. 18.

мысль идти в Китай частью вследствие принятых Бекетовым мер предосторожности, частью же потому, что до калмыков начали доходить слухи о бедственном положении их сородичей на новых местах жительства. 30 апреля 1773 года в Астрахани было получено из Оренбурга от губернатора Рейнсдорпа известие, как живут калмыки под властью Китая и в каком положении находятся теперь вообще "разные азиатские обстоятельства"¹⁰. Старшина Средней киргиз-кайсацкой Орды Худайменда Бабалыков 17 января 1773 года объявил в оренбургской губернской канцелярии следующее; "Беглые из здешней протекции волжские калмыки в области китайской ни малого благополучия не получили". С ними там поступлено таким образом: сперва по "приходе их в зенгорскую землю приняты они (были) с китайской стороны ласково и некоторое время трактованы были хорошим удовольствием. А как потом сия ласковость и удовольствие умалены, и по нужде стали они, калмыки, делать воровства и разного рода злодейства, то по причине того все они, калмыки, разобраны и рассеяны на жительство внутри всей китайской области, причем из владельцев их Шерену (Шеаренгу) за прежнее его злодейство, учиненное войску китайскому во время проходу его в здешнюю сторону, глаза выколоты"¹¹.

Сообщение Худайменды Бабалыкова о судьбе владельца Шеаренга очень интересно. Дело в том, что Шеаренг, прибывший в Россию из Джунгарии за несколько лет до ухода калмыков в Китай, пользовался дурной репутацией у китайского правительства. Прежде всего он вывел с собою из Джунгарии не только принадлежавших ему калмыков, но и многих, какие ему не принадлежали. По пути в Россию от сибирской границы Шеаренг имел неоднократные столкновения с китайскими военными отрядами, которые посылались, чтобы воспрепятствовать его уходу в Россию. Одни отряды он уничтожил оружием, другие — обезвредил обманом. Китайское правительство посылало к нему требования возвратиться обратно, но он не шел назад, потому что знал, что в Китае ждет его жестокое наказание. Присоединившись к волжским калмыкам и находясь в войсках наместника Убуши, Шеаренг отличился в войне с кубанцами и был награжден золотой медалью за храбрость. Бекетов всегда относился к Шеаренгу с особенною подозрительностью; он принимал во внимание, что Шеаренгу лучше, чем кому бы то ни было из владельцев, знакома дорога в Джунгарию, и заключал отсюда, что именно он, Шеаренг, будет показывать путь калмыкам, если они когда-нибудь решатся уйти из России под китайский протекторат. В этом смысле Бекетов доклады-

10. АКА. Дело 1771 года. № 372, вязка 90, л. 263.

11. Там же, л. 264 и об.

вал о Шеаренге и в Коллегию иностранных дел в 1770 году, предлагая отделить Шеаренга от калмыков, вызвав его в Петербург вместе с другими опасными лицами из среды калмыцкой знати. Но в Коллегии держались иного взгляда — там признавали, что "владелец Шеаренг — еще меньше всех желать долженствует зависеть от китайского произволения"¹². Когда Шеаренг снова появился в Китае, то китайское правительство выделило его из ряда прочих калмыцких владельцев особенным благоволительным вниманием. Киргзский старшина Мамбетъ Батырь сообщил генералу Скалону в Усть-Каменогорской крепости 20 января 1772 года, что не в пример прочим владельцам Шеаренгу "дозволено жить, где он по обретению своему пожелает", и что вообще Шеаренг "у китайского Буддыхана находится в великой милости". Очевидно, китайское правительство возлагало на Шеаренга большие надежды в деле перевода в Китай калмыков, оставшихся при Волге. Вероятно, и сам Шеаренг, взявший на себя миссию посредника между теми и другими калмыками и, по словам Мамбетъ Батыря, сносившийся с приволжскими калмыками посредством писем, в которых "подзывал" калмыков переходить к сородичам в Китай, со своей стороны доказывал китайскому правительству, что дело перехода оставшихся при Волге калмыков в Китай — верное дело и что скоро весь калмыцкий народ окажется под властью китайского Богдыхана. Расчеты Шеаренга не оправдались. Переманить калмыков с Волги в Китай ему не удалось. И он, еще недавно пользовавшийся милостями китайского императора, жестоко поплатился за свою неудачу. Китайцы припомнили ему те злодеяния, какие он учинил давно, выходя из Джунгарии в Россию, и лишили его зрения.

Мамбетъ Батырь рассказывает и о судьбе наместника Убуши, его жены, а также владельца Бамбара "с прочими". Они, по словам рассказчика, "учинили утечку и нынешнею осенью, прибежав не более, как в шестидесяти человеках, находятся теперь в средней их орде, в крайнем от китайской стороны Уйсунском роде, куда Аблай салтан отправил сына своего Чингиза для призыву к себе, который де кочевье свое имеет при горе Куктетау, состоящей против Красноярской Сибирских линий крепости".

Чем было вызвано бегство Убуши, Бамбара и прочих владельцев из Китая в Среднюю киргиз-кайсацкую Орду? Иши Болотов, как мы видели, проговорился на допросе в 1775 году о каком-то заговоре калмыцких зайсангов бежать в Россию и намекал на прикосновенность к этому заговору наместника Убуши. Но Иши Болотов ни словом

12. АКА. Дело 1771 года. № 373, вязка 91, лл. 24 и об; 21 об. и 167.

не обмолвился о Бамбаре, который фигурирует в рассказе Мамбетъ Батыря рядом с наместником Убуши, как не упомянул и о трагической судьбе Шеаренга. Вероятно, заговор зайсангов предшествовал событиям, о которых рассказывает Мамбетъ Батырь, и о судьбе Шеаренга, Убуши, Бамбара и прочих владельцев Иши Болотов или хорошенько не знал, убежав из Китая раньше, чем случилась новая история с калмыцкими вождями, или по каким-нибудь соображениям подробно не распространялся о ней. Скорее всего Иши Болотов еще не знал об этом, как не знал и о том, что наместник Убуши вскоре после рассказываемой Мамбетъ Батырем истории умер, в 1774 году. Надо думать, что жестокая расправа с Шеаренгом, учиненная китайскими властями в конце 1772 года или в самом начале 1773 года, привела в такой ужас Убуши, Бамбара и других, что они сочли небезопасным оставаться дольше в Китае и убежали оттуда к киргизам Средней Орды под защиту султана Аблая, с которым китайское правительство, как видно из показаний Мамбетъ Батыря, уже прекратило переговоры о пропуске волжских калмыков чрез киргиз-кайсацкие земли, так как убедилось, что волжские калмыки не пойдут в Китай. "От китайского двора ныне у Аблая султана никого присланных нет, а прошедшим летом были присланы человек со сто по причине того, что известно при этом дворе было якобы и оставшиеся за Волгою калмыки бежали с таким требованием, чтобы им свободный и безбедственный путь доставить; но как при том уведомились, что они, калмыки, находятся в своих местах неподвижны, то тогда ж и возвратились"¹³. Китайцам пришлось разочароваться в надежде видеть у себя подвластным весь калмыцкий народ, и не потому ли так жестоко был наказан Шеаренг, что он подавал китайскому правительству ложные сведения, будто приволжские калмыки уже выступили в поход, и что де остается только помочь им благополучно добраться до границ Китая при содействии султана Аблая? Проживши известное время у султана, китайские посланцы убедились, что дело обстоит совсем не так, как изображал Шеаренг; они доложили об этом своим властям, и те расправились с Шеаренгом по обычаям своей страны.

Разумеется, Бекетов не оставлял приволжских калмыков без известий о том, что творилось в Китае с ушедшими туда калмыками и их владельцами. Широкое оповещение необходимо было в целях отбить охоту у владельцев и народа идти в Китай. Возвращавшиеся из Китая калмыки обрисовывали печальное положение там своих сородичей яркими красками, и живые рассказы о лишениях и страданиях калмыков в китайской неволе оставляли глубокое впечатление. Народ перестал стремиться в Китай, — напротив, он начал сожалеть о своих

13. АКА. Дело 1771 года, № 372, вязка 90, л. 264 об.

бежавших сородичах. У него сложилась даже песня, которая сохранилась и до нашего времени. Ее распевают калмыки самым заунывным голосом:

"Наш князь Убуши, ездивший верхом на своей савраске, прежде принадлежавшей Машию, а на завтра приказавший вывести свою серую (лошадь), неужели ты оставил нас на произвол?"

Между Иргенями и Моцагами не видно ничего выдающегося (т.е. юрт). Куда ушли торгоуты, откочевавшие тайком?

Бывало ты скачешь около трех озер Самур, пока не утомится твой рыжий иноходец. Куда ушли торгоуты, откочевавшие, как ветер?

Народный предводитель Убуши-хан на своей длиннохвостой лошади откочевал с своим улусом, имея красно-пестрый флаг. Убуши-хан, сидя на своем сером и имеющем журавлиную шею (коня), с полосато-пестрым флагом увел своих торгоутов.

Куда ушли торгоуты, отважно отправившиеся с предводителем князем Шеаренгом на своих рыжих лошадях, заклеянных тавром шабинеров? Разве не хороши были водопой на реке Уруслане? Народный владыка Убуши-хан шумно откочевал к востоку. Разве слышалось недовольство, что на речке Нарын не хороши осенние кочевья? Народный владыка Убуши-хан ушел, почитая киргизов за родственников.

Бывало ты выведешь свою савраску и заставляешь ее делать скачки. Кроткий Убуши-хан, шумно и торопливо ушел ты своему учению¹⁴.

В народном представлении Убуши — не злодей, но "кроткий", т.е. умственно ограниченный и слабавольный правитель. И если Н.А. Бекетов в своем докладе императрице писал, что "владельцы огорчались много данною наместнику над ними властью, кою он во зло употребляя, многих обижал"¹⁵, то вина в том больше падает на злых и коварных советников Убуши, которых Бекетов в пылу гнева клеймит названием "извергов рода человеческого"¹⁶.

Печальная эпопея ухода калмыков из России, рассказываемая участниками ухода, дала богатый материал и составителю "Истории калмыцких ханов", описывающему плачевный переход калмыков в Китай с большими подробностями¹⁷.

Заканчивая речь о калмыках, ушедших из России в Китай, необходимо еще упомянуть о двух событиях 1791 и 1826-1827 годов,

14. Позднеев А. М., проф. Указ. соч. С. 169.

15. АКА. Дело 1771 года, № 373. вязка 91, л. 151 об.

16. Там же, л. 161.

17. Гурий, проф. архим. Указ. соч. С. 222.

имеющих значение для характеристики настроения калмыков под властью Китая. В 1791 году калмыки сделали попытку уйти из Китая опять в Россию, но эта попытка не сопровождалась успехом¹⁸. В 1826 году вместе с прочим населением Илийской провинции, куда калмыки были определены на жительство, они подняли целое возмущение против китайского правительства, продолжавшееся немалое время и подавленное едва только к концу 1827 года¹⁹. Как попытки уйти из Китая в Россию, так и возмущение против китайского правительства объясняются одним и тем же: недовольством калмыков новой обстановкой жизни в Китае, не дававшей им простора для проявления индивидуальных особенностей натуры, в связи с теми притеснениями, какие позволяли себе китайские мандарины по отношению к калмыкам и всему населению Илийской провинции.

18. Там же. С. 224.

19. Риттер К. Землеведение Азии (с дополнениями П. Семенова). Т. 11. СПб. 1859. С. 167-171.

ХІІ. ПОЛОЖЕНИЕ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА ПОСЛЕ 1771 ГОДА И ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ В ЕГО ЖИЗНИ ДО УТВЕРЖДЕНИЯ ВЛАДЕЛЬЦА ЧУЧЕЯ ТУНДУТОВА НАМЕСТНИКОМ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА

После ухода из России большей части калмыцкого народа в Джунгарию под протекторат Китая и вследствие происшедших в связи с этим уходом волнений среди оставшихся в Астраханской степи калмыков по рескрипту императрицы Екатерины II на имя астраханского губернатора Н.А.Бекетова от 19 октября 1771 года ханская власть в калмыцком народе была уничтожена навсегда, а владельцы были поставлены в независимое положение один от другого с предоставлением им прав по управлению каждому в своем улусе под русским правительственным надзором. Владельческие права над улусами переходили от отца к сыну, а при отсутствии прямого наследника улус поступал в казенное ведомство. Калмыцкими делами стала ведать особая экспедиция при губернской канцелярии в Астрахани под высшим наблюдением губернатора, на местах же к владельцам были назначены приставы из русских чиновников, обязанность которых состояла в наблюдении за порядком в улусах. В 1772 году при экспедиции учрежден был суд Зарго из трех представителей от остатков трех главных калмыцких родов: торгоутовского, дербетовского и хошеутовского, причем дела в Зарго по-прежнему разбирались на основании древних калмыцких законов и уложения, решения же суда утверждались губернатором¹. 1772 год, как мы видели, не прошел спокойно для кадмыков. Приподнятое настроение их, правда, несколько улеглось после того, как главные из владельцев, будировавшие в народе: Яндык, Асарха и Цебек-Убуши были вызваны в Петербург, но скоропостижная и одновременная смерть двух последних владельцев в начале 1774 года снова взволновала калмыцкий народ и настроила его недружелюбно в отношении к русской власти,

1. АКА. Дело 1822 года, № 1049. вязка 132. л. 172.

как и вообще к русским. Этим, между прочим, объясняется сочувствие калмыков, особенно дербетовцев к Пугачевскому движению.

По приказанию астраханских властей дербетовский владеец Ценден-Дорджи должен был действовать против Пугачева вместе с князем А. Дондуковым. Для совместных военных операций оба калмыцких владельца соединились 15 августа 1774 года, но, вступив в сражение с пугачевцами, потерпели неудачу. Тогда Ценден-Дорджи решил переменить фронт. По занятии Пугачевым Дубовки 17 августа Ценден-Дорджи явился к Пугачеву с почетными стариками и выборными от улуса, засвидетельствовал солидарность с ним во взглядах и изъявил готовность служить ему своими войсками. Получив жалование от Пугачева деньгами и одеждой, калмыки начали свою службу разорением русского населения возле Царицына, Черного Яра и Енотаевскá; они отнимали имущество у русских и забирали в плен детей. Преследование Пугачева полковником Михельсоном, начавшееся с Царицына, а также опасность от нападения киргиз-кайсаков изменили настроение Ценден-Дорджи и калмыков. За два дня до окончательного поражения пугачевцев Михельсоном около Черного Яра 25 августа калмыки оставили Пугачева, а спустя несколько дней, 29 августа Ценден-Дорджи посылает письмо астраханскому губернатору П.Н.Кречетникову в объяснение причин, почему он перешел на сторону Пугачева. Он сделал это, говорит Ценден-Дорджи, "чтобы сохранить от сего злодея улусы наши, кочевавшие тогда при Волге в урочище Табун Бура (Поповицкий остров) на самой дороге; в рассуждении о том, что он и сильнейших нас людей разоряет, выдумав за способ поддаться, и 20 числа того же месяца с обманом ему и поддался и по учинении сего улусы с того места в другие, от дороги дальние места перевел; а по проминовании злодея Сарпинской колонии вниз версты с две, 23-го от него скрывшись, бежал"². Оправдание Ценден-Дорджи было признано резонным; он ничем не заплатил за свой поступок, а в 1783 году даже получил утверждение во всех владельческих правах на Дербетовский улус, которого считался до тех пор только правителем по смерти прежнего владельца, бездетного Цебек-Убуши³. С Ценден-Дорджи заметно начинает обозначаться доминирующее значение Дербетовского улуса среди остальных калмыцких улусов, и в нем создаются условия, благоприятствовавшие восстановлению наместничества в 1800 году, хотя и на короткое время, как это будет видно из дальнейшего рассказа.

В 1786 году последовало распоряжение астраханского генерал-губернатора П.С.Потемкина о закрытии в Астрахани калмыцкого суда Зарго и о передаче калмыцких тяжёбных дел в уездные суды. В

2. АКА. Дело 1774 года, № 426, вязка 96, л. 78 и об.

3. Дело 1799 года, №1841, вязка 119, л. 2.

Астрахани тогда же была учреждена Калмыцкая войсковая канцелярия в составе членов: одного русского, трех калмыцких владельцев и трех зайсангов. Учреждение названной канцелярии стояло в связи с проектом Потемкина привлечь калмыков к поголовному отбыванию воинской повинности. Проект Потемкина не нашел практического осуществления. Военная канцелярия была закрыта, и вместо нее в 1788 году была открыта просто Калмыцкая канцелярия, переведенная скоро опять в Астрахань, где она действовала до 1797 года, когда вместо нее учреждено было Калмыцкое правление⁴.

В 1784 году дербетовский владелец Ценден-Дорджи умер. Власть над Дербетовским улусом не могла перейти к кому-либо из шестерых сыновей Ценден-Дорджи, так как сам он, приходясь родственником умершему в Петербурге в 1774 году дербетовскому владельцу Цебек-Убуши, пользовался властью только в силу прав, лично ему предоставленных русским правительством. Улус должен был перейти в казенное ведомство, и вдова Ценден-Дорджи Тарза стала уже получать ежегодную пенсию в размере 500 рублей по смерти мужа. По ходу дела было ясно, что на этот раз правительство не остановится перед проведением закона 1771 года во всей его силе, а так как дербетовцам не улыбалась перспектива попасть в казенное ведомство, то одна часть дербетов поднялась с своих кочевий и отошла на Дон. У Волги осталась другая часть дербетов. Дербеты разделились, таким образом, на большие и малые. Донские дербеты получили название больших, волжские — малых. Это произошло в 1788 году. Тщетно правительство пыталось склонить большедербетовцев к возвращению с Дона назад — они не уходили оттуда. Чрез посредство графа Салтыкова они добились у правительства признания владельческих прав над своим улусом за Екремом Хапчуковым, а в 1798 году правительство дало согласие на прикрепление больших дербетов к Задонским степям и на причисление большедербетовцев к Донскому казачьему войску. Однако самим калмыкам не понравилось новое кочевье; со стороны Донского войскового начальства они стали испытывать разного рода притеснения, а от казаков — терпеть обиды. В 1799 году владелец Екрем умер, а в мае 1800 года Большедербетовский улус вернулся к прежним кочевьям в пределы Астраханской губернии⁵.

Между тем оставшиеся при Волге Малые Дербеты после смерти Ценден-Дорджи признали своим правителем его сына Бабула. Учитывавшая начавшееся осложнение дел в Дербетах, русская власть не

протестовала против поступка малодербетовцев — она оценила в них то, что они вообще не вышли из ее повиновения, и Бабул таким образом стал во главе Малодербетовского улуса. Своим правителем малодербетовцы были довольны, и когда он умер, то они 23 сентября 1799 года писали о нем астраханскому военному губернатору К.Ф.Кноррингу, что Бабул "на основании сущей правды руководствуя нами, входил даже и в распоряжение кочевных зимою, летом, весною и осенью мест, доставляя единственно только выгоды, стараясь при всем том по насылаемым из Калмыцкого правления повелениям возможное и скорое чинить исполнение"⁶.

Есть полное основание доверять справедливости этой оценки деятельности Бабула. Его отец оставил улус в состоянии крайнего расстройств. 10 августа 1800 года в связи с делом об утверждении Чучея правителем Малодербетовского улуса улусный пристав П.Бочкарев докладывал Калмыцкому правлению между прочим, что Ценден-Дорджи, правивший Дербетом, "не оставил по себе в сем улусе доброго порядка, кроме что привел сей улус в неоплатный долг, от которого и поднесь калмыки избавиться не могут. Осталось после смерти его на улусе Дербетовом долгу более пятидесяти тысяч рублей"⁷. Бабул, сколько мог, приводил в порядок улусные дела, но, разумеется, для полной ликвидации улусных долгов требовалось значительное время. Бабул не дожидаясь вождя момента их ликвидации. Для нас важно то обстоятельство, что Бочкарев в своем докладе ни словом не задел Бабула. Очевидно, деятельность его не давала материала для осуждения.

Когда Бабула не стало, малодербетовцы при выборах правителя себе остановились на двоюродном брате Бабула — Чучее и 23 сентября 1799 года вошли к К.Ф.Кноррингу с просьбой об утверждении Чучея в должности правителя Малодербетовского улуса. Дело потребовало разных справок и затянулось на целый год. Только в августе 1800 года оно получило решение в благоприятном смысле для Чучея — он официально был признан правителем Малодербетовского улуса⁸. Это случилось, можно сказать, накануне утверждения императором Павлом I Чучея в звании наместника калмыцкого народа.

4. Новолетов М. Указ. соч. С. 67. Прозрителев Г.Н. Указ. соч. С. 36-37.

5. См. подробности у Чонова Е. Указ. соч. С. 26-27.

6. АКА. Дело 1799 года, вязка 119, л. 2 об.

7. Там же, л. 21 об.

8. Там же, л. л. 2, 11, 23 и 24.

ХІІІ. ЧУЧЕЙ ТУНДУТОВ, НАМЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО НАРОДА

Пока в астраханских канцеляриях тянулось дело о признании Чучея правителем Малодербетовского улуса, произошли новые осложнения с Большедербетовским улусом. В мае 1800 года этот улус, как сказано, перекочевал с Дона в астраханские степи. Он сделал это своевольно, не испросив разрешения у властей. Донской атаман генерал Орлов доложил об этом императору Павлу I. Тот вспыхнул и, отнеся уход калмыков с Дона на счет вообще беспорядочности в управлении Донского войска, 13 июня приказал Орлову "уговорить калмыков возвратиться на прежнее кочевье". Уговоры, однако, не привели ни к чему — калмыки не хотели возвращаться на Дон. Они боялись обид и притеснений со стороны озлобленного казачества и донской власти, на которых невольно навлекли гнев императора, взявшего калмыков под свое покровительство. По поводу нового доклада Орлова Павел от 19 июня писал: "Как вверенное вам войско лишилось оных калмыков глупостью и корыстолюбием своим, то и не намерен я теперь принуждать их соединиться опять к войску Донскому". 22 июня Павел послал в калмыцкую орду подполковника Сухарникова с "листом", в котором выражал свою волю: "Не видя (в уходе калмыков с донских кочевий) ничего противного подданству их престолу моему и не сомневаясь в верности их, тем более, что самопроизвольно вошли в мое подданство, — во всех случаях покровительствовать им буду и позволяю оставаться кочевать в Малом Дербете или в другом каком-либо месте, где заблагорассудят себе выгоднее". Покровительственное отношение Павла заставило калмыков вновь перерешить вопрос о месте постоянного кочевья. Ясно выразившееся благоволение к ним Павла склонило их возвратиться на Дон. Когда Орлов доложил императору о готовности калмыков вернуться на Дон, он 15 июля повелел Орлову "иметь наистрожайшее смотрение, чтобы по злобе за их уход отнюдь никто не смел делать никакой обиды оным калмыкам; если же хотя малейшее притеснение им сделано будет не только вами самими, но кем бы то ни было из

войска Донского, то вы мне за оное отвечать будете, под опасением лишения вашего места и состояния". Столь же решительная угроза звучит и в повелении Павла Орлову от 1 августа 1800 года: "Не вмешиваться никак в дела калмыцких орд, поелику хочу я, чтобы оные зависели от меня непосредственно, под опасением для вас в противном случае лишения чинов и всего моего гнева"¹.

Заступником калмыков пред императором был владеец Чучей, вызванный в Петербург вместе с ламою Собиним и представителями от Больших Дербетов для объяснения по поводу происходящих настроений в калмыцких делах. На основании сведений, данных Чучеем, Собиним и другими калмыцкими депутатами об истинном положении вещей, Павел и писал свои грозные письма Орлову на Дон. 9 августа большедербетовцы получили привилегии: 1) избрать себе начальника; 2) быть независимыми от донцов; 3) зависеть прямо от государя; 4) переписываться прямо с ним; 5) по делам же иметь соглашение с Иностранной Коллегией, как то прежде бывало. и 6) по землям и сего рода сношениям — с генерал-прокурором"².

Надо сказать, что вопрос о "начальнике" был уже разрешен для большедербетовцев несколько раньше. По смерти их правителя Екрема Хапчукова 1 июля 1800 года большедербетовцы остановили выбор на младшем брате Екрема Габун-Шарапе, и он был утвержден грамотою императора Павла I от 18 июля того же года³. Грамотою от 14 октября 1800 года на имя владельца Малых Дербетов Чучея — тайши Тундутова жаловались "калмыцкому народу во владение его все те земли от Царицына по рекам: Волге, Сарпе, Салу, Манычу, Куме и взморью простирающиеся и другие места, по коим предки их кочевья имели, опричь тех, кои именными указами уже пожалованы". Сам Чучей назначался наместником калмыцкого народа и других единоплеменных ему орд, а Собин лама утверждался первенствующим ламою калмыцкого народа, причем Чучею были пожалованы знамя, сабля, панцирь и соболя шуба и шапка, а лама Собин получил шубу и посох. Тою же грамотою восстанавливался калмыцкий суд Зарго при наместнике из восьми народных представителей — зайсангов, а

1. Чонов Е. Указ. соч. С. 27-28. Прозрителев Г.Н. Указ. соч. С. 55-61.

2. АКА. Дело 1800 года, № 867, л. 2 и об.

3. АКА. Дело 1822 года, № 1054, вязка 133 Т. III, л. 210. Здесь приводится засвидетельствованная генералом Орловым копия с рескрипта Павла I на имя Орлова от 18 июля 1800 года, которым Габун-Шарап утверждался "владельцем калмыцкой орды Большого Дербета". Поэтому надо считать ошибочным показание зайсанга Никмара из Туктунова рода будто Габун-Шарап утвержден владельцем Большого Дербета 18 июля 1801 года АКА. Дело 1822 года, № 1050, вязка 132. Т. I, л. 220 об

калмыцкому духовенству особым указом предоставлялась свобода в отправлении религиозных обрядов. Права и преимущества, дарованные Чучею и калмыцкому народу, были подтверждены грамотою императора Александра I от 26 октября 1801 года на имя наместника Чучея, но он был поставлен уже в зависимость от астраханского военного губернатора, хотя последнему, впрочем, предписывалось вступать в калмыцкие дела только тогда, когда того требует польза службы. В качестве руководителя калмыками в их делах, защитника интересов всего калмыцкого народа и ходатая за него пред русскими властями назначался главный пристав калмыцкого народа, в подчинении которому должны были состоять частные приставы по улусам с функциями блюстителей порядка. Первым приставом был назначен Макаров, но в 1802 году он был заменен Н.И.Страховым, согласно избранию самого Чучея⁴.

13 июля 1802 года на речке Зельме состоялось торжественное объявление калмыцкому народу грамоты Александра I от 26 октября 1801 года. По прочтении грамоты Н.И.Страхов обратился к наместнику Чучею, владельцам, зайсангам, ламам, духовенству и народу с особою речью, выяснявшею права наместника и обязанности его подвластных, а также — круг деятельности суда Зарго и роль главного пристава калмыцкого народа, как посредника между калмыцким народом и русским правительством. Речь Страхова, только прибывшего из Петербурга с инструкцией из Коллегии иностранных дел относительно политики в калмыцких делах, составлена в духе этой инструкции и, являясь поэтому важным историческим документом, заслуживает того, чтобы с нею ближе познакомиться. Указывая на то, что императорская грамота оставляет права калмыцкого народа во всей силе, Страхов внушал, что "первейшая обязанность", владельцев, зайсангов, духовенства и народа в отношении к наместнику есть "уважение достоинства и власти его", а затем "повиновение предписаниям наместника, поелику вверена ему вся исполнительная власть, — отношение к нему в делах и просьбах собственных своих и народных, ибо о нуждах каждого и всех удостоен он позволением писать прямо на имя в.и. в-ства". "Наместнику вверено смотреть за

⁴ Нефедьев Н. Указ соч. С. 73-75, Новолетов М. Указ. соч. с. 60. Прозрителев Г.Н. Указ. соч. С. 37-38. Страхов Н.И. известен между прочим, как автор издания "Новейшее состояние калмыцкого народа, с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитв, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни Савардин". Спб. 1810.

поведением обще всех и каждого человека, калмыцкий народ составляющих, — наблюдать, чтобы никто из зайсангов, принадлежавших владельцам, не выходил из должного повиновения и своевольно кочевья не переменил; ему препоручается наряд и расчисление, сколько с каждого улуса поставить должно калмыцкого войска на службу в случае, когда о том предписано будет от Государственной Коллегии иностранных дел; чтобы дела, вносимые в Зарго, решены были без промедления; чтобы решения по делам тяжбы основаны были на беспристрастии, а уголовные — на строгом изыскании истины и гласе законов; равно предоставлено его власти содержание под стражею обвиняемых и отсылка осужденных по уголовным делам в российские правительства". По высокому и ответственному положению в народе наместнику "надлежит уклоняться от утеснения народа, не приступать ни к каким насильственным налогам, но для содержания своего довольствоваться доходом с родового Дербетова улуса: буде же попечительностью своею заслуживает благодарность прочих владельцев, зайсангов, духовенства и народа, то добровольно, от искренности сердца даваемое принимать не возбраняется". "Судная расправа" и "присмотр за благочинием" предоставляется правительством наместнику в надежде, что "собственность и личная свобода каждого от своевольного употребления оной ни мало терпеть не будет, и что он, начальствуя и управляя на изъясненных основаниях, отнюдь не будет вмешиваться во власть и права, принадлежащие каждому владельцу над подвластною ему ордою". Говоря о своей роли быть "ходатаем", "руководителем" и "заступником" калмыцкого народа, Страхов предупреждает: "Если последует с чьей-либо стороны присвоение непринадлежащих прав или неповиновение оным, тогда я, будучи свидетелем и посредником дел и происшествий, не оставлю каждого защищать и удовлетворять посредством дружеского соглашения к примирению, а в противном случае — за обиженного предстатьствовать на основании наставления, данного мне по воле е.и. в-ства. Но о старых и недавно возродившихся враждах искренно открою, что они ни к чему другому послужить не могут, как к неприятным для спокойствия и чести следствиям, к похищению трудов, потребных для благоустройства подвластных своих, к нарушению дружества и согласия, необходимых для взаимного настояния об общенародных пользах, в которых надлежит заняться соединенными мыслями и советами". Страхов рекомендует "оставить и предать вечному забвению все прежние жалобы и ссоры. В заключение он обращается к духовенству с просьбою — содействовать укреплению между владельцами и зайсангами "миролюбия и дружества", а между народом — "братской друг к другу любви", предостерегая духовных

лиц от вмешательства "в светские обстоятельства", "яко дело не только им неприличное, но и предосудительное"⁵.

С возведением Чучея в звание наместника калмыцкий народ еще раз объединился около своего национального вождя. Но это объединение было больше внешним, чем внутренним. Утверждая Чучея наместником, правительство не вручало ему той полноты власти, какую пользовались прежние калмыцкие ханы. Пожалованные Чучею инсигнии наместнического достоинства относились к наружному декоруму, но не свидетельствовали об юридических правах, которые обозначались ими в свое время. Чучей, владельцы и калмыцкий народ были окружены штатом русских чиновников и без участия их не могли предпринять ни одного более или менее значительного шага ни в политическом, ни в административном отношении. Справедливо выражаются, что наместничество Чучея явилось только как тень старины⁶ и оказалось лишь слабым напоминанием о былом ханском величии. Естественно, что поставленный в ограниченные рамки деятельности, Чучей не мог ознаменовать своего правления чем-либо выдающимся⁷, тем более, что правление Чучея было кратковременно и все, можно сказать, ушло на упорядочение дел по Дербетовскому улусу, сколько это позволяла возможность.

5. АКА. Дело 1802 года, № 892, вязка 122, лл. 35-37. В письме к графу Кочубею от 21 июля 1802 года, сообщая о торжестве 13 июля, Н.И.Страхов между прочим говорит: "Духовенство Дербетовское чрез ламу вручило мне 500 руб. за доставление высочайшей грамоты, а зайсанги от всего народа поднесли 500 рублей, которые мною были приняты с изъяснением, что о таком от народа изъяснении всеобщей радости донесено от меня будет вышнему начальству", л. 34 об.

6. Новолетов М. Указ. соч. С. 60. Примеч. 37.

7. В память милостей императора Павла I калмыцкому народу Чучей построил в Дербетовском улусе хурул и обязался материально поддерживать его до своей смерти. Проф. Позднеев А.М. Указ. соч. С. 170.

XIV. РЕФОРМЫ В УПРАВЛЕНИИ КАЛМЫЦКИМ НАРОДОМ ПО СМЕРТИ НАМЕСТНИКА ЧУЧЕЯ

Наместник Чучей Тундутов умер 23 мая 1803 года. В своем духовном завещании, подписанном 13 мая 1803 года, за десять дней до смерти, Чучей отказывал "достоинство и звание" наместника калмыцкого народа старшему сыну Эрдени-тайши. Ему же он передавал две жалованные грамоты, знамя, медаль, соболи шубу и шапку, панцирь, саблю и карету. "Малый и Большой Дербет, — писал наместник, — оставляю в наследие детям моим на основании наших калмыцких прав и законов"¹. 24 мая 1803 года Эрдени-тайши подал прошение главному калмыцкому приставу Н.И. Страхову об исходатайствовании надлежащего утверждения завещания, а до того времени, пока не последует это утверждение, просил Страхова объявить завещание всему Дербетовскому улусу, "дабы всяк мог сие ведать и оказывать к нам, как к законным и наследственным владельцам, должное повиновение"².

Эрдени-тайши не напрасно хлопотал о немедленном объявлении воли отца в Дербетах. На Большие Дербеты имел законное притязание владелец Габун-Шарап по силе вышеуказанного рескрипта Павла I от 18 июля 1800 г. Чучей, составляя свое завещание, очевидно, не считался с правами Габун-Шарапа на Большие Дербеты. Разделение Дербетов на Большие и Малые Чучей, вероятно, признавал случайным явлением, и, надо сказать, что с исторической точки зрения он имел основание так рассуждать, ибо до 1788 года Дербеты управлялись одним владельцем по преемственности от первого выходца из

1. АКА. Дело 1803 года. №904, вязка 122, л. 9.

2. Там же, л. 8.

Джунгарии, владельца Солом Церена тайши³. Получив звание наместника калмыцкого народа, Чучей укрепился в мысли, что владельцем Больших и Малых Дербетов должен быть только он один. В этом духе Чучей и вел свою политику. Конечно, Габун-Шарап был недоволен поведением Чучея, лишавшего его возможности осуществлять власть над Большими Дербетами, и, имея себе сторонников, не стеснялся подчеркивать свое недовольство Чучеем. На торжество 13 июля 1802 года Габун-Шарап не явился. Посланный к нему от главного калмыцкого пристава с приглашением на это торжество частный пристав сотник И.Трухменцов 12 июля, накануне торжества, возвратил адресованный Габун-Шарапу конверт обратно Н.И.Страхову и доложил, что Габун-Шарапа "по многому отысканию в доме его и торгоутовских улусах нигде не отыскал, а по расспрашиванию уведомился от калмык, что владелец Габун-Шарап назад несколько месяцев уехал в С.-Петербург"⁴. Если калмыки говорили правду, значит Габун-Шарап стал искать в Петербурге защиты своих прав на Большедербетовский улус. Весною 1803 года Габун-Шарап находился в Георгиевске, откуда вел агитацию среди калмыков против Тундутовых, и, как видно, небезуспешно, потому что в самый день смерти Чучея 23 мая Страхов поспешил написать инспектору Кавказской кавалерии генералу Шепелеву и главноначальствующему в Астраханском крае князю П.Д.Цицианову: "По известным из донесений моих обстоятельствам улус Дербетовский остался в беспорядочном состоянии; по случаю же смерти наместника неурядица и возмущения могут иметь опасные последствия, если не принято будет нужных мер к удержанию владельца Габун-Шарапа в Георгиевске и уничтожению распутств тех калмык, которые находятся под его покровительством"⁵. Что касается до ближайших мер к сохранению порядка по производству дел в суде Зарго, то Страхов того же 23 мая распорядился, чтобы важные дела в Зарго не решались без его ведома и утверждения. Относительно же устройства административной части у калмыков в будущем Страхов имел свой особый взгляд, не совпадавший с надеждою Эрдени-тайши унаследовать наместничество и власть после отца.

За год пребывания в Калмыцкой степи Н.И.Страхов имел возможность близко ознакомиться с положением калмыцких дел. Он вынес убеждение, что титул наместника для упорядочения калмыцкой жизни

не имеет положительного значения, а скорее имеет значение отрицательное, так как внешняя pompa, окружающая наместника, вызывает зависть у других владельцев. Не достигает своей цели и суд Зарго, учрежденный при наместнике в степи, перекочевывающий с места на место и представленный судьями-зайсангами, неподготовленными к судебному делу и зачастую недобросовестными; самые законы калмыков устарели, и требуется умение разбираться в них, как и применять их к изменившимся обстоятельствам времени. В этом духе Страхов написал доклад в Коллегию иностранных дел от 23 мая 1803 года. Свои соображения о необходимости реформы в суде Зарго Страхов еще раньше представлял государственному канцлеру князю Куракину от 12 ноября 1802 года и князю П.Д.Цицианову от 29 ноября того же года. Более подробно он развил свои взгляды теперь и свои соображения послал 11 декабря 1803 года Цицианову в виде доклада под заглавием "Сведения и мнения о калмыцком суде, именуемом Зарго".

Указав на беспорядки, вызываемые в Дербетовском улусе притязаниями Габун-Шарапа, и касаясь завещания умершего Чучея, Страхов в докладе от 23 мая 1803 года пишет: "Из дел известно Коллегии иностранных дел, что между калмыцкими владельцами, гордящимися славою бесславных своих предков и занятыми первенством поколений, объявляемых ими без всяких доказательств и письменных свидетельств, звание наместника калмыцкого народа производило зависть, вражду, доуки, разные клеветы и самые возмущения, которые до вступления моего в должность утруджали Государственную Коллегию иностранных дел. Из опытов и по местному пребыванию удостоверялся я, что звание наместника калмыцкого не придает судной и полицейской расправе сего народа ни малейшей деятельности и совершенства, но напротив того, если бы случилось удостоиться сим званием владельцу, которого нрав и свойства не были бы очищены от свойственного сему народу упрямства, предрассудков, легкомыслия и сильного последования обычаям и вере своей, в таком случае совершенно невозможно будет определенному чиновнику исполнять полезные виды правительства, ибо калмыки признают в лице своего наместника уполномоченного и верховного исполнителя высочайшей воли е.и.в-ства. Присоединенное к сему званию право иметь при своей ставке калмыцкий народный суд Зарго и обязанность моя повсюду вместе с оным странствовать заключает в себе многообразные неудобства и вред; бедный народ по дальнему расстоянию лишается возможности отыскивать удовлетворение в защиту, прочие терпят убытки и находятся в великом затруднении, догоняя суд, беспрестанно с места на место передвигающийся. Зима останавливает судопроизводство, отчего происходит накопление тяжёбных дел, упущение исследования уголовных, невинный же и страждущий от утеснения и

3. АКА. Дело 1822 года, № 1050, вязка 132. Т.П, л. 306.

4. АКА. Дело 1802 года, № 892, вязка 122, л. 18 и об.

5. АКА. Дело 1803 года, № 904, вязка 122, л. 10.

насильств с горестью и сожалением видит, что в продолжение зимы не может он доказать своей правоты и прибегнуть к защите. Сверх описанных общественных неудобств и вреда, соединенных с званием наместника, происходят от оногo и частные, потому что наместник почитает себя обязанным жить всех прочих владельцев пышнее и богаче, а от сего происходят налоги на подвластных и неминуемое изнурение. Изъявляя о бесполезности и вреде, происходящем от звания наместника, — прибавляет Страхов, — признаю справедливость согласно духовному завещанию пожаловать большому сыну Эрдени в потомственное владение высочайшие грамоты, медаль и прочие, означенные по духовной платя и вещи, чем, с одной стороны, исполнится последняя воля наместника и вознаградятся его заслуги, а с другой — отказ в утверждении наместником не столько будет огорчительным"⁶.

В "Сведениях и мнениях", посланных Цицианову, Н.И.Страхов сначала приводит текст грамоты от 14 октября 1800 года о суде Зарго, затем характеризует деятельность этого суда. "Зарго, — говорит Страхов, — производит дела беспорядочно. Не имеет положенного времени к заседанию для рассмотрения жалоб; входящим и исходящим бумагам не ведет описи; редко, и не иначе, как по настоячию моему, делает письменные определения; дела хранит в небольшом сундучке на отчете безграмотных служителей, называемых яргачеями, отчего многие важные дела не только находятся в посторонних руках, но и совсем потеряны". И при наместнике, и без него за подсудимыми по уголовным делам нет надзора, — их отпускают, или они сами разбегаются до производства следствия; пересылка преступников для суда в присутственные места происходит "с величайшим затруднением и недостоверностью". "Судьи в Зарго избираются владельцами калмыцкими; они, будучи совершенно им подвластными, угождают прихотям и пристрастно держатся той стороны, которой благоприятствует владелец". Так как судьи-зайсанги материально зависят от владельцев, то "калмыцкий суд составлен из рабов, готовых решить участь, соображаясь гневу или милости владельца своего. Столь беспредельное покорство воле и совести лишает народ правосудия, а судей и суд доверенности и уважения. Выбор в судьи людей безграмотных и склонных к пьянству довершает все прочие неустойства. Зарго не имеет в руководство и разрешение никаких законов, в доказательство чего, ежели благоугодно будет, доставлю самые те законы, известные под именем Прав. Они постановлены в диких степях под покровительством тогдашнего невежества, жестокосер-

дия и безначалия. Число членов Зарго состоит ныне из восьми человек. От сего излишества происходит одно только разномыслие и, следовательно, замедление в делах".

Изобразив печальное положение суда Зарго, Страхов предлагает Цицианову утвердить проект реформы Зарго, состоящий в следующем. Прежде всего, находит Страхов, суду Зарго необходимо быть в Астрахани. Затем "необходимо нужно и полезно, чтобы судьи были не простые зайсанги и попы, а три владельца, избранные от каждой орды по одному только, а именно: от Дербетовской, Торгоутовской и Хошеутовской. От сего уничтожатся все злоупотребления и неправоудие, имеющие основанием беспредельное порабощение воли и совести. Владельцы по службе привыкнут к нашему судопроизводству, нравам и образу жизни, и правительство скорее получит успех в поселении калмык. Калмыцкие Права, составляющие закон их, необходимость требует переделать, применяясь настоящему состоянию сего народа, или написать совсем новый, в котором бы, удержав главнейшие основания калмыцких Прав, по всем прочим отношениям заимствовать существо из наших законов". На обязанности главного пристава, по мнению Страхова, должно лежать наблюдение, "чтобы решения суда основаны были на справедливости и законах, и дела производились без замедления". Кроме того, главный пристав должен быть облечен правом "смотрения за судьями и порядком в суде, или сделать оный суд при главном приставе экспедицией при Астраханском губернском правлении". Далее Страхов говорит о составе канцелярии при суде Зарго и касается вопроса об источниках денежного содержания Зарго. "Владельцы, чаятельно, — находит Страхов, — жалованья себе не потребуют", если они будут заседать в Зарго. "Наем дому и содержание оногo для Зарго калмыцкие владельцы охотно бы приняли на свое попечение"⁷.

Доклад Страхова о бесполезности наместничества возымел свое действие, — Эрдени-тайши не был утвержден в звании, какое носил его отец. Дело о владении улусами несколько замедлилось решением. Габун-Шарапу правительство не могло отказать в удовлетворении его законных претензий на Большие Дербеты, но за годы управления Чучеем и после его смерти начавшийся процесс объединения того и другого улусов привел к тому, что аймаки перемешались, и те, которые раньше считались в составе одних Дербетов, теперь оказались в других. Трудно стало разграничить Большой и Малый Дербеты. Уже в 1805 году при главном калмыцком приставе Крупинском самим

6. Там же, л. 14-15.

7. Там же, л. 21-24.

калмыкам было предоставлено добровольно решить, кому и к какому владельцу присоединиться: к Эрдени ли тайши или к Габун-Шарапу. На основании свободного выбора и был тогда произведен раздел Больших и Малых Дербетов. Власть над Малыми Дербетами в составе 3302 кибиток получил Эрдени-тайши; на долю Габун-Шарапа пришлось 609 кибиток. Раздел окончательно был утвержден 14 июня 1809 года⁸. Суд Зарго остался в степи, в Малых Дербетах, но и он, и главный калмыцкий пристав были подчинены астраханскому военному губернатору. В 1816 году группа калмыцких владельцев стала хлопотать о переводе Зарго в Астрахань, но хлопоты не имели успеха. Сфера судебной деятельности Зарго стала суживаться. По распоряжению главного калмыцкого пристава Смолина с 1818 года в суде Зарго стали рассматриваться одни гражданские дела, притом по искам не свыше 25 руб., а в 1821 году по указанию главнокомандующего Астраханским краем А.П.Ермолова и по основанному на нем распоряжении астраханского губернатора И.И.Попова компетенции Зарго были предоставлены дела по искам не свыше 5 рублей. Все более крупные гражданские дела, не говоря уже об уголовных, стали решаться в уездных и губернских русских судах по русским законам⁹. Эти стеснения не могли нравиться калмыкам; в действиях русской власти они справедливо усматривали нарушение своих коренных прав и старинных вольностей, утвержденных за калмыцким народом Павлом I и Александром I. С другой стороны, калмыки сознавали и то, что их древние законы в значительной степени устарели и не подходят к условиям нового времени. Еще наместник Чучей хлопотал о пересмотре и исправлении калмыцкого уложения и о приведении его "в согласность с потребностями народа", и в Коллегии иностранных дел с 1802 года принялись было за исправление калмыцких законов¹⁰. Конечно, Н.И.Страхов был осведомлен в этом и потому так настойчиво писал о реформе Зарго. Теперь распоряжения А.П.Ермолова и И.И.Попова, ограничивающие права Зарго, снова подняли на ноги калмыков. В Петербург полетели жалобы и прошения от наиболее энергичных и видных калмыцких владельцев, обратившие на себя внимание правительственных сфер, и там создалась почва, удобная для серьезных мероприятий по упорядочению административно-судебной части в Калмыцкой степи, начало которым было положено в 1822 году.

8. АКА. Дело 1822 года, №1050, визка 132, Т.1, л. 220 об. л. 233. Дело 1823 года, № 1055, визка 134, л. 5 и об. (по второму счету).

9. АКА. Дело 1822 года, № 1049, визка 132, лл. 1-3. Также И.Черкасов. Краткий очерк административного устройства Астраханских калмыков в "Астрах. Губ.Ведом." за 1860 год, № 45, ч. неофиц., Стр. 280.

10. Леонтович Ф.И., проф., Указ. соч. С. 31.

XV. ЗИНЗИЛИНСКОЕ СОБРАНИЕ 1822 ГОДА

В привлечении внимания русского правительства к калмыцким делам в 20-х годах XIX столетия видную роль сыграли два владельца: Хошеутовский князь Сербеджап Тюменев и малодербетовский Эрдени-тайши Тундутов, сын наместника Чучея. Оба они отличились в войну 1812 года¹, и их голоса о нуждах калмыцкого народа имели вес в правительственных сферах. Эрдени-тайши особенно успешно работал в Петербурге по калмыцким делам. Астраханскому гражданскому губернатору И.И.Попову было известно, — и он писал о том главноначальствующему в Астраханском крае А.П.Ермолову 10 апреля 1822 года, — что "Эрдени-тайши по возвращении из С.-Петербурга старался внушить владельцам, особенно родственникам своим, высокие мысли о сделанном ему тамо приеме и уверить, что ему обещано восстановить права суда Зарго и сделать их (калмыков) независимыми от местного начальства"². Попов был сторонником русификации калмыков и подчинения их в административно-судебном отношении русской власти. Он, видимо, с недоверием относился к дошедшему до него слуху о том сочувствии, которое сумел снискать себе Эрдени-тайши в Петербурге. Но это было так.

Назначенный 9 июня 1821 года к калмыкам в главные приставы А.В.Каханов, зарекомендовавший себя по службе на Кавказе в должности тифлисского полицмейстера³, прежде чем вступить в исполнение своих новых обязанностей, ездил в Петербург и ознакомился там с настроением правящих сфер в калмыцком вопросе. Отражая веяния этих сфер, Каханов, "не обинуясь, — как пишет

1. Об этом Чонов Е. Указ. соч. С. 37 и дал. Прозрителев Г.Н. Указ. соч. С. 86-88. Сербеджап Тюменев участвовал в нескольких сражениях с французами. Эрдени Тундутов сам на войне не был, но снарядил из своих калмыков полк в 500 человек, команду над которым принял Джамбо, брат Эрдени.

2. АКА. Дело 1822 года, № 1049, визка 132, л. 50.

3. АКА. Дело 1821 года, № 1041, визка 133, л. 1.

Попов Ермолу, — открыл мне (Попову) свои мысли, что находит права калмыков и, особливо, суда Зарго потерянными и что потому нужно их восстановить"⁴. Из Азиатского департамента Министерства иностранных дел Каханов получил список "Древних калмыцких постановлений" с указанием удостовериться на месте: "точно ли в нем содержатся законы, коими издревле калмыки руководствовались", а также озаботиться, "чтобы уложение это приставом и судом Зарго при первейших владельцах и ламах было исправлено и потом внесено в министерство"⁵.

Очевидно, в Петербурге дело калмыков становилось серьезно и принимало благоприятный оборот для них. Это не нравилось губернатору Попову, и он ополчился против Каханова, в котором видел лицо, игравшее в руку калмыкам. Попов воспользовался тем обстоятельством, что среди калмыцких владельцев не оказалось единомыслия во взгляде на устройство суда Зарго, и против сторонников восстановления Зарго во всей прежней его силе и значимости образовалась партия владельцев, не сочувствовавших этому. Попов стал раздувать конфликт, возникший между калмыцкими владельцами, и это удалось ему сделать тем легче, что между Эрдени-тайши, главным поборником национального калмыцкого возрождения, и большедербетовским владельцем Очиром-Занджин-Убуши Хапчуковым была семейная вражда из-за прав владения Большими Дербетами.

Дело в том, что когда в 1809 году владелец Больших Дербетов Габун-Шарап умер, то Эрдени-тайши показал начальству что у Габун-Шарапа не осталось близких родственников, которые могли бы претендовать на Большие Дербеты, и на этом основании сам стал владеть ими. Между тем у Габун-Шарапа оказался малолетний племянник от брата по имени Очир. За его права вступилась мать Бакбуш, стала хлопотать об улусе и добилась своего. В 1818 году главный калмыцкий пристав Смолин распорядился передать Большие Дербеты в числе 491 кибитки Очиру Хапчукову, но так как Смолин, по словам Эрдени-тайши, "не объявил никакого повеления или воли высшего начальства", то Эрдени-тайши остался весьма обижен действиями Смолина, а к новому владельцу улуса и к его матери возымел враждебные чувства. Да и многие зайсанги были озлоблены "непомерными поборами" Очира с кибиток, в чем, впрочем, больше винили мать Очира, "распутную" Бакбуш, под влиянием которой находился Очир⁶. Эрдени-тайши был озабочен возвращением в свое владение

4. АКА. Дело 1822 года, № 1049, вязка 132, л. 52.

5. Леонтович Ф.И., проф., Указ. соч. С. 32.

6. АКА. Дело 1822 года, № 1054, вязка 133, т. I, л. 67; т. III, л. 211 об. и л.

Большедербетовского улуса и, когда познакомился в Петербурге с только что назначенным в главные приставы Кахановым и рассказал ему свою "обиду", то сумел так повлиять на Каханова, что тот склонился на его сторону и пообещал вернуть ему владения, находящиеся в роде Хапчуковых⁷. Вражда между Эрдени-тайши и Хапчуковыми приняла особенно резкие формы с момента Зинзилинского собрания, когда личные счеты владельцев и идейные расхождения двух партий по принципиальному вопросу о калмыцком законодательстве переплелись друг с другом. Каханов не сумел удержаться на нейтральной позиции чиновника, облеченного от министерства определенными заданиями официального характера, вмешался в личный спор Эрдени-тайши с Хапчуковыми и, приняв сторону Эрдени-тайши, до такой степени запутался в делах, что в конце концов поплатился увольнением от должности главного пристава.

События сложились так:

Каханов по силе данного ему Азиатским Департаментом поручения — собрать калмыцких владельцев, лам и судей Зарго, чтобы совместно с ними рассмотреть и исправить древнее калмыцкое Уложение, 29 декабря 1821 года оповестил всех, наиболее значительных лиц из калмыков относительно полученного им распоряжения высшего начальства, а членам суда Зарго словесно предложил высказаться по поводу желательных изменений вообще в постановке судебного дела у калмыков. Пять членов Зарго в своем ответе от 15 января 1822 года нарисовали Каханову неприглядную картину царящих в степи судебных беспорядков, происходящих, по их мнению, вследствие того, что калмыцкий народ лишен возможности судиться в Зарго на основании "коренных" своих законов и по случающимся делам привлекается к русскому суду, где калмыков мало понимают и жестоко с ними обращаются. Прежде, когда калмыки могли судиться по своим законам в Зарго, таких страданий, какие теперь приходится испытывать калмыкам на русском суде, не бывало. Прошедшие времена, — говорят члены Зарго, — вспоминаются теперь как "приятная мечта, виденная в сонном затмении", теперь настала "адская жизнь", и мы не знаем, — прибавляют судьи Зарго, — как избавиться от ужасной жизни. Несколько раз уже и прежде члены Зарго указывали своим главным приставам на бедственное положение калмыцкого народа и просили избавления, но те не обращали на эти указания и просьбы никакого внимания. Не калмыки виноваты, а начальство довело дело "до видимого теперешнего положения". "Что положение суда Зарго ныне в таком виде, — пишут члены Зарго

7. АКА. Дело 1822 года, № 1054, вязка 133, т. II, л. 9.

Каханову, — то это произошло "по непопечению к образованию его бывших прежде вас начальников, от коих мы, кочующий народ, не видали никогда ни малейшей к тому склонности, почему никакого порядка и знать не можем. А хотя и желаем всеми мерами соблюсти точность прежнего обыкновения нашего, но вероятно пословица, что (если) быть около белого, будешь бел, а около сажи — черен". Члены Зарго обращаются теперь с просьбою к Каханову похлопотать о возвращении калмыцкому народу его прежних прав: тогда, — утверждают судьи, — калмыцкий народ будет "извлечен из недр жесточайших мучений", для него настанет снова время благоденствия, и он "всеми мерами будет стараться наблюдать коренной свой закон"⁸.

16 февраля Каханов послал приглашение владельцам, ламам и членам Зарго собраться к 20 марта в селение Зинзили на берегу Каспийского моря, в 100 верстах от Астрахани к югу, для обсуждения важного дела по пересмотру калмыцких законов. Перед этим Каханов ездил к владельцу Сербеджапу Тюменеву, наиболее образованному и осведомленному лицу из калмыков по части древней их письменности, и совместно с ним и с его родственником Эрдени-тайши Тундутовым в течение месяца занимался подготовкой юридических материалов к предстоящему собранию в Зинзилях и организацией самого собрания. В целях привлечь больше внимания и сочувствия петербургских сфер к Зинзилинскому собранию в Азиатский Департамент было отправлено составленное в доме Тюменева прошение, в котором указывалось на противозаконность распоряжений губернатора И.И.Попова о подсудности калмыцкому Зарго дел только по искам на сумму не свыше 5 рублей и о передаче прочих дел в уездные суды, чем "беспричинно" нарушаются "коренные права и узаконения", пожалованные калмыцкому народу по высочайшим грамотам, и от чего весь народ "повергнуться может в крайнее убожество и совершенное бедствие". "Противозаконные распоряжения губернатора Попова вынудили нас, — говорилось в прошении, — всепокорнейше представить вам справедливую нашу жалобу и нижайше просить благосклонного принятия оной и внимательного рассмотрения вышеописанных обстоятельств, уничтожающих наши привилегии, предоставить нашему Зарго руководствоваться всеми теми правами, высочайшими грамотами утвержденными. По основанию сих узаконений и собственных прав наших рассматривать судебные дела и по оным чинить свои решения: важные же дела, по которым преступники заслуживают тяжкого наказания, рассмотрев по прежнему постановлению преступников отсылать в российское судебное

8. АКА. Дело 1821 года, № 1045, визка 131, лл. 7-10.

место для дальнейшего распоряжения и должного наказания. А астраханскому гражданскому губернатору и кавалеру Попову и прочим начальникам губернии предписать, чтобы они не дерзали самовольно в отмену высочайшими грамотами утвержденных прав делать новых постановлений и не могли нарушить решений, Зарго učinенных, входя в дела, непосредственно ему принадлежащие; те только бы решения, кои с их мнением не согласны, отсылали Государственной коллегии иностранных дел в Азиатский Департамент, а сей бы, изъясняя найденные в решениях упущения, представлял в прозорливое рассмотрение ваше. Таким-то порядком, буде подтвердится право наших узаконений, весь народ восчувствует полное благоденствие, а противники сему уничтожат вредные свои мнения; после чего Зарго, обращая внимание свое на коренные законы и распорядок, будет иметь попечительное действие по всему своему судопроизводству, изыскивая полезные способы к тишине и спокойствию народа". Под прошением подписались: хошеутовский князь полковник Сербеджап Тюменев, дербетовский владелец капитан Эрдени-тайши, владелица Яндыкова улуса Надмит, торгоутовский владелец Очир, хошеутовский владелец Батыр-Убуши, торгоутовский владелец Амха, торгоутовский владелец Мокусень, Яндыкова улуса лама Эрдени бакша, Гунзут-Молом гелюнг, Гепку-Замба гелюнг, зайсанги: Батур, Бадба, Убуши, Зодба, Замба и демичей Баксар — всего 16 человек⁹. Копия с этого прошения была доставлена И.И.Попову 9 марта 1822 года торгоутовским владельцем Церен-Убуши через посредство, как говорит Попов, одного русского торговца и была доведена Поповым до сведения А.П.Ермолова с пояснением, между прочим, что "распоряжение об отсылании калмык в русские судебные места по делам выше 5 рублей относится до одних дел уголовных и следственных"¹⁰.

Между тем Ермолов уже получил из Министерства иностранных дел соображения и предположения по существу вышеизложенного прошения калмыцких владельцев. Спрашивая у Ермолова мнения по поводу этих своих соображений и предположений о производстве судебных дел у калмыков, министерство, с своей стороны, находило резонною жалобу на стеснение судебной деятельности калмыцкого Зарго разбором исков на сумму не свыше 5 рублей. Это распоряжение, — пишет министерство, — "будет крайне обременительно для калмык, ибо известно, что они почитают себе за тягость давать лошадей для проезда главного пристава с несколькими чиновниками до места пребывания суда Зарго и для осмотра кочевья их, а равно для

9. АКА. Дело 1822 года, № 1049, визка 132, лл. 1-7 (по второму счету).

10. Там же, л. 16.

разъездов частных приставов; ныне же постановляется, дабы не только по открытым обстоятельствам в краже и отгоне скота, но по одному подозрению следствия производились земскими судами и чтобы все дела свыше пяти рублей подлежали рассмотрению оных; а как таковые дела случаются весьма часто, — ибо цена и одному барану выше пяти рублей, — то из сего следует, что будут беспрестанные наряды лошадей, одни — для извещения земскую полицию о происшествии, а другие — для подъема и провоза чиновников, иногда за 200 и 300 верст отстоящих от кочевья, где должно следствие производить. Таковой неминуемый чрезмерный и непрерывный расход лошадей, хотя бы и не возбудил ропот в калмыцком народе, но не менее того не может не обратить внимание высшего правительства¹¹. Министерство, не касаясь на этот раз вопроса о пересмотре калмыцкого уложения, ясно определяет свою точку зрения на устройство административно-судебной части в Калмыцкой степи. Оно находит "приличнейшим" тот порядок, по которому частный пристав, произведя следствие о совершенном в улусе преступлении, немедленно докладывает о том главному приставу, "который уже изобличенных уголовных преступников с произведенным следствием отсылает куда следует в российское присутственное место для суждения, а вины, подлежащие полицейскому надзору, как равно дела тяжёбые, предоставляет решению калмыцкого суда Зарго". Намечая далее порядок судопроизводства над калмыками по делам, вчиняемым русскими судебными учреждениями, и по преступлениям, совершенным калмыками вне территории калмыцких владений, министерство считает необходимым присутствие частного улусного пристава при всяком допросе обвиняемого калмыка, а суд над ним указывает производить по основному порядку в зависимости от характера преступления, т.е. за уголовное преступление — передавать его русскому присутственному месту, за другие же вины — калмыцкому Зарго. Что касается до свидетелей из калмыков или же калмыков, только подозреваемых в преступлении, то, — пишет министерство, — "не высылать их отнюдь в города для допроса, а чинить таковой допрос в кочевьях, и калмыка ни под каким предлогом не заключать в тюрьму, доколе преступление его законным порядком не обнаружится". "Сии суть примечания, — прибавляет министерство, — которые представляются по настоящему положению дел в калмыцких улусах и которые основаны на духе народа, на пользе, от оного извлекаемой, и на правах, ему дарованных"¹².

11. Там же, л. 1 и лл. 3 об. - 4 (по первому счету).

12. Там же, лл. 4 об. - 5 (по первому счету).

Имея столь ясно выраженное сочувствие к себе правящих сфер, калмыцкие владельцы могли работать на Зинзилинском собрании с энергией и верой в благоприятные результаты и в успех дела. Но губернатору, который, очевидно, не разделял взглядов петербургского начальства, удалось раздуть несогласие, возникшее между двумя калмыцкими партиями, и повести в сущности насмарку всю работу Зинзилинского собрания. Как видно из "Записки по предмету собрания калмыцких владельцев для исправления калмыцкого Уложения"¹³, составленной А.В.Кахановым, собрание было открыто 19-го марта при весьма торжественной обстановке. Настроение членов собрания было восторженно-приподнятое. Они, как сами выражаются, приняли данную им правительством задачу — пересмотреть калмыцкое Уложение — "за знаменитое поручение, с неизъяснимым восторгом и с живейшими чувствами благодарности". "По обряду и правил своих, от чистого усердия" все владельцы, за исключением Церен-Убуши, в ознаменование важного исторического момента сделали пожертвование в казну лошаадьми в числе 343 голов¹⁴. "На другой день, 20 марта, — пишет Каханов, — владельцы, ламы и члены Зарго в присутствии моем начали рассматривать древнее их Уложение, на калмыцком языке писанное, а я на российском, и первую статью прочтя, объявили все согласно, чтоб им было отсрочено на три дня для общего их совещания по родам их. Хотя я убеждал их, чтоб совещание то совершаемо было при моем присутствии в общем собрании, но успеть в том не мог и по необходимости должен был удовлетворить желанию их отсрочкою на три дня с тем, чтоб по истечении оных приступить к действию безостановочно и с большею основательностью".

25 марта занятия общего собрания возобновились. Члены собрания заявили Каханову, "что они калмыцкое Уложение по родам составили уже по своему соображению, которое и читали в общем присутствии одно после другого, а потом просили предоставить им несколько времени, дабы они могли между собою сии три новые произведения рассмотреть и составить едино Уложение. Хотя и в сем случае старался я, — поясняет Каханов, — с своей стороны таковое намерение отклонить и убедить к общему совещанию в присутствии моем с приношением к данному мне от начальства Уложению, как о предмете, требующем основательных суждений и заключений, но за всеми настояниями вынужден был уважить собрание, предоставив

13. Там же, лл. 83-86 (по второму счету)

14. АКА. Дело 1821 года, № 1045, вязка 131, лл. 21-22. Дело 1822 года, № 1049, вязка 132, л. 37.

согласно желанию присутствовавших сообразить сделанные ими начертания закона на том основании, чтоб оное совершено было в возможной скорости и потом бы приведенное ими в единообразии в общем присутствии при бытности моей рассмотреть и положить конец сему делу". Собрание осталось довольно решением Каханова.

31 марта состоялось последнее заседание, сопровождавшееся демонстративной выходкой некоторых владельцев, разросшейся потом в крупный скандал. Владельцы Церен-Убуши и Тапка совсем не явились на это заседание. Первый сослался на болезнь. Шурин Церен-Убуши Очир Хапчуков и тесть последнего зайсанг Онкор своим приходом заставили собрание дожидаться их несколько часов, и за ними Каханову пришлось посылать два раза. Когда они, наконец, явились, то собрание встретило их упреками, а Каханов сделал им официальное замечание за неисправность. "Потом, — пишет Каханов в своей Записке, — начали читать составленное Уложение при совершенном спокойствии. По окончании чтения уничтожили два пункта, — содержание какого, я не знаю, — по настоянию ламы владельца Эрдени Цаган Кичикова, и после стали прикладывать руки и печати, а у кого не было печатей с собою, то присылали с оными поверенных же после собрания"¹⁵.

В записке Каханова не упоминается о том, что произошло чрез три дня, когда владельцы имели собраться еще раз на заседание. В ночь на 3 апреля Церен-Убуши и Очир-Занджин-Убуши Хапчуков откочевали из урочища, а на утро Джалцан гелюнг принес в собрание владельцев текст Уложения, составленного Церен-Убуши. Рассмотрев это Уложение, владельцы не нашли в нем никакой "основательности" и признали его составленным "без соображения с правилами законов", тем не менее владельцы сочли необходимым передать Каханову это Уложение, подписанное, кроме Церен-Убуши, некоторыми подвластными ему зайсангами, для представления главному начальству, "вместе с выработанным Уложением"¹⁶. Каханов как-то вскользь замечает об Уложении Церен-Убуши в рапорте от 12 апреля к губернатору Попову: "Других мнений об узаконении, — пишет он, — ко мне ни от кого не поступило, кроме того, что при отъезде Церен-Убуши при просьбе владельцев представлен ко мне составленный ими закон, который еще не переведен"¹⁷. Задачей рапорта Каханова было доказать Попову, что ничего особенного на Зинзилинском собрании в смысле крупных столкновений между его участниками не произош-

15. АКА. Дело 1822 года, № 1049, вязка 132, лл. 84-86.

16. Там же, лл. 70 об. - 71.

17. Там же, л. 81 об.

ло и что дошедшие до Попова сведения о каком-то якобы принуждении владельцев Церен-Убуши, Тапки и Очира Хапчукова подписать Уложение, которому они не сочувствовали, совершенно не соответствует действительности. Поэтому недовольство Попова собранием и резкое осуждение собрания за "взаимную" будто бы "вражду" и за "беспокойство", как писал Попов членам собрания в письме от 9 апреля¹⁸, не имеет основания, когда было прочтено это письмо губернатора к владельцам, то все их собрание "объявило мне, — рапортует Каханов, — что между ними никаких неудовольствий нет" и что уже если следует кому сделать внушение, то тем, "кои из собрания уехали необыкновенным порядком"¹⁹.

Эти "необыкновенным порядком" покинувшие собрание члены его были вышеперечисленные три владельца, из которых двое: торгоутовский владелец Церен-Убуши и дербетовский владелец Очир-Занджин-Убуши Хапчуков, приехали в Астрахань и здесь 5 апреля подали жалобу на Каханова, что тот якобы не захотел принять Уложения, выработанного ими совместно с багацохуровским правителем Онкором, багацохуровским ламою, эркетеневским ламою и ламою торгоутовского владельца Эрдени-Цаган Кичиковым. Не дав себе труда даже рассмотреть это Уложение, Каханов, по словам Церен-Убуши и Очира Хапчукова, собрал составителей Уложения "нечаянно ночью" к себе, "многообразными средствами" стал их "стращать" и "отменил" ту бумагу, на которой было написано Уложение²⁰. Пред этим накануне, 4 апреля, губернатор получил посланное с места донесение владельцев Церен-Убуши, Тапки и Очира Хапчукова об отправке калмыцкими владельцами Тюменем и Тундутовым прошения в Азиатский Департамент, под каковым прошением они трое, несмотря на принуждение, отказались подписаться. Представляя губернатору копию неподписанного ими прошения, названные три владельца заявили: "Как мы, к оному прошению не учинив рукоприкладства, посему опасаясь, (то) полагаем так, чтоб из недоброжелательства и злобы к нам тот возмутитель, владелец Эрдени-тайши, не соединился бы с главным приставом Кахановым, (и оба они) не причинили (бы) нам каких-либо из донесений своих начальству и на предбудущее время неудовольствий"²¹. Очир Хапчуков в своем особом прошении заявлял, что он считает Уложение, выработанное собранием в Зинзилах, недопустимую "переменою" того старинного калмыцкого Уложения,

18. Там же, лл. 43-44.

19. Там же, л. 82.

20. Там же, л. 21.

21. Там же, л. 17.

которое составлено 82 года тому назад, и хотя он, Очир, подписался под ним и приложил свою печать, но сделал это не по доброй воле, а только по принуждению Каханова²².

6 апреля губернатор послал предложение Каханову приехать в Астрахань по окончании дел на Зинзилинском собрании для личной беседы с ним, губернатором, по поводу происшедшего. Губернатор предложил также приехать в Астрахань правителю Багацохуровского улуса Онкору и трем ламам, участвовавшим в составлении уложения, забракованного на собрании²³. Как видно, желая дискредитировать работу господствовавшей на Зинзилинском собрании партии владельцев, губернатор выдвигал значение проекта Уложения, предложенного меньшинством, и, принимая под свою защиту это меньшинство, открывал поход в сущности почти против всего собрания калмыцких владельцев и солидарного с ними главного калмыцкого пристава Каханова.

Неожиданный отъезд Церена-Убуши и Очир-Занджина Хапчукова сразу же показал членам Зинзилинского собрания и Каханову, что дело принимает серьезный оборот и что им предстоит борьба с губернатором. 6 апреля к И.И.Попову отправляется прошение, подписанное 39 участниками собрания с изложением хода работ на собрании, причем в этом прошении значительное место отводится рассказу о неприличном поведении на собрании Церен-Убуши, Очир-Занджина Хапчукова и их сторонников. Прежде, чем приступить к выработке Уложения, пишут владельцы, на первом заседании было решено, "чтобы всякий род из нас, а именно: Дербетовский, Хошеутовский и Торгоутовский составили на бумаге свои мысли и оные чрез три дня представили бы во втором собрании. 25 числа марта представили собранию всякий род свое положение. По прочтении же оных признали мы основательными и сходственными положению и обстоятельствам калмыцкого народа мнение гг. владельцев: хошеутовского полковника и кавалера Сербеджапа Тюменева и дербетовского капитана Эрдени-тайши Тундутова. Мнения их по общему согласию в некоторых пунктах мы исправили и составили один проект Уложения, который в третьем собрании ламов, владельцев, суда Зарго и зайсангов по прочтении всенародно, согласясь утвердили"²⁴. Церен-Убуши и Очир-Занджин-Убуши Хапчуков не согласились с постановлением собрания, а Церен-Убуши внес в собрание чрез бакшу гелюнга собственный проект Уложения. Однако этот проект собрание не

22. Там же, л. 19.

23. Там же, лл. 23-24.

24. Там же, лл. 29 об. - 30.

нашло годным и отвергло его. Церен-Убуши и Очир-Занджин-Убуши Хапчуков, пишут владельцы, участники собрания, "по молодости лет своих, будучи еще совершенно неопытны, к тому ж и научаемы от других, неблагомыслящих людей, а в особенности непостоянною и распутною в поведении владелицею Бакбушею, которая есть первому из них по жене теща, а последнему родная мать, к тому же и торговавший в улусе Церена-Убуши вином целовальник, отдающий ныне из процентов подвластным его калмыкам деньги, приводя их в разорение, грузин Семен Цимакуридзе, находясь также здесь при нем, Церен-Убуши, не оставлял преподавать общие с владелицею. Бакбуш и свои советы к несогласию на признанное всеми нами полезным для калмыцкого народа Уложение, а как он всегда его слушает, то и советы те получили свое действие"²⁵. Заявляя, что стремление Церен-Убуши заставить членов собрания принять его проект Уложения является свидетельством его "гордого мнения" о себе и что это — "чувствительная обида" для членов собрания, "тем более, что по сей манере считает он нас не больше, как будто бы подвластными ему зайсангами", самый же поступок его доказывает "презрение к дарованной от правительства милости" и грозит поколебать общее "благоденствие" калмыцкого народа, члены собрания просят астраханского губернатора подвергнуть Церен-Убуши и Очира Занджин-Убуши Хапчукова "для примера впредь прочим" надлежащему взысканию, "чем, — прибавляют просители, — останемся весьма довольны"²⁶. Со своей стороны, и Каханов рапортом от 6 апреля просил губернатора "обратить действие закона" на владельцев Церен-Убуши и Очира Занджин-Убуши Хапчукова, как на нарушителей "порядка и благопристойности" своим поведением на собрании²⁷. Но губернатор был на стороне двух этих владельцев и 9 апреля послал вышеупомянутое обращение к членам собрания с упреками за нарушение порядка, тишины и спокойствия, а к Каханову предъявил требование представить подробный отчет о деятельности собрания²⁸.

Не дожидаясь ответа от Каханова, 10 апреля И.И.Попов отправил рапорт А.П.Ермолову о возникшем между участниками Зинзилинского собрания несогласии и о принятых им как губернатором мерах к прекращению дальнейших раздоров, главным виновником которых Попов считал Каханова, поддерживавшего на собрании одну партию Эрдени-тайши и не дававшего возможности свободно действовать и

25. Там же, лл. 30 об. - 31 об.

26. Там же, л. 32 и об.

27. Там же, л. 41 об.

28. Там же, лл. 43-46.

высказываться другой партии Церен-Убуши и Очира Хапчукова. Не преминув упомянуть о 50 лошадях от Эрдени-тайши, 25 лошадях от Сербеджапа Тюменева и о лошадях от прочих владельцев, преподнесенных Каханову на собрании, губернатор находил недопустимым дальнейшее пребывание Каханова в должности главного пристава калмыцкого народа. Он писал: "Я не могу уже иметь о г. Каханове выгодного мнения и решительно заключаю, что он на настоящем его poste не заслуживает того доверия, которое начальство долженствовало бы иметь к нему, вверив попечению его целый народ, более нежели на 1000 верст обитающий"²⁹. Рапорт Попова Ермолову от 10 апреля был не первый: 30 марта он секретно рапортовал Ермолову о нежелательном направлении, которое приняла деятельность представителей преобладающей партии на Зинзилинском собрании, поддерживаемой Кахановым³⁰.

11 апреля Церен-Убуши и Очир-Занджин-Убуши Хапчуков подали губернатору ответы на данные им вопросы о ходе дел на Зинзилинском собрании, в которых, между прочим, указывали, что выработанное Эрдени-тайши Уложение, написанное на 30 листах, было прочитано на заседании все подряд, "без всякого понятия и истолкования", и не рассматривалось по пунктам, вследствие чего не было возможности критически отнестись к нему. При быстром чтении Уложения только торгоутовскому ламе удалось уловить два "противные пункта" и заявить о несогласии с ними. Эрдени-тайши приняв заявление ламы в резон и собственноручно вырвал из рукописи два листа, на которых было изложено содержание этих двух пунктов. "Если бы сие Уложение позволено было читать с вероятным рассуждением, — говорили Церен-Убуши и Очир-Занджин-Убуши Хапчуков, — то можно было бы извлечь из него и многие вредные и сумнительные пункты". Вообще это Уложение "малополезно" для калмыцкого народа, находили оба владельца. Рассказав, как их принуждали подписать Уложение и каким обидам и угрозам подверглись они за отказ подписаться со стороны главного пристава Каханова, почему-то здесь же выговаривавшего Очиру-Занджин-Убуши его женитьбу в 18-летнем возрасте, оба владельца представляли губернатору список выработанного ими Уложения и высказывали уверенность, что "если бы главный пристав руководствовался точно таковыми благоразумными правилами, каковы изъяснены в начале данного нам предписания в.п-ва и согласно с сими правилами препозировал бы нам свои мнения без всякого принуждения, оставя на власть и свободу каждого сочинять Уложение по своему образу мыслей, то бы окончено было оное вскорости

29. Там же, л. 51.

30. Там же, л. 47.

лучшим и исправным порядком, без всяких споров и вражды между владельцами"³¹. Как видим, оба владельца, подобно губернатору, направляли свой удар тоже против Каханова. Отсутствие обсуждений при чтении Уложения на собрании, а также принуждение к подписи Уложения удостоверили и ламы, вызванные губернатором в Астрахань³².

12 апреля Каханов ответил И.И.Попову на его бумагу от 9 апреля. Понимая, какое значение имеет выходка владельца Церен-Убуши, Тапки и Очира Хапчукова для калмыцкого дела и лично для него, Каханов посвящает большую часть своего ответа изображению в неприглядном свете поведения этих владельцев на собрании, причем проводит мысль, что предосудительное поведение их на собрании есть результат "предварительных подстреканий" со стороны "неблагомыслящих людей", и если теперь Церен-Убуши и Очир Хапчуков, приехав в Астрахань с жалобой, "навлекли тем неудовольствие, то источник сего зла должен проистекать от кого-либо из Астрахани"³³. Конечно, этими словами Каханов хотел сказать не то, что он считает приехавшего в Астрахань грузина Семена Цимакуридзе и владелицу Бакбуш главными подстрекателями Церен-Убуши и Очира Хапчукова; Каханов намекает Попову, что *его* он считает главным виновником калмыцкой смуты и что чуть ли не по *его* директивам и указаниям работает Семен Цимакуридзе и действует на сына и зятя владелицы Бакбуш. В докладе Ермолову от 10 апреля Попов аттестует Каханова как благонадежного чиновника; теперь в своей бумаге от 12 апреля Каханов как бы говорит Попову, что он знает, с кем имеет дело, и принимает вызов на борьбу. Борьба между Поповым и Кахановым действительно тут же и началась, но беда Каханова была в том, что он оказался неисправен по службе с точки зрения формальных требований и не безупречен в моральном отношении. Это обеспечивало победу над ним губернатора, но, к сожалению, должно было печально отразиться на главном — на благополучном завершении важного дела по пересмотру калмыцкого Уложения. Из-за всех этих интриг начатое дело остановилось на подороге, и работа Зинзилинского собрания не привела к тому благоприятному результату, которого можно было бы ожидать, если бы она прошла мирно и гладко...

Отвечая на требование губернатора представить ему текст Уложения, утвержденного в собрании, а также мнение по поводу этого

31. Там же, л. 56 об.

32. Там же, лл. 145-146 и 149-150.

33. Там же, лл. 78 об. и 79 об.

Уложения, Каханов заявляет, что Уложение переводится сейчас на русский язык; по переводе оно будет подвергнуто новому рассмотрению в общем собрании при участии его, Каханова, — "тогда уже по окончательном исправлении и утверждении рассматривавших лиц, — пишет Каханов, — имеет быть представлено к в. п-ву с моим о нем мнением, а в настоящее время нельзя еще удовлетворительно выполнить вашего требования по предмету сведений о исправлении оногo". Упомянув о проекте Уложения, поступившем от Церен-Убуши, Каханов говорит, что и этот проект еще не переведен на русский язык. Вообще же, заявляет Каханов, порученное ему дело по исправлению калмыцкого уложения настолько сложно, что "оногo привести в исполнение не иначе можно, как по долговременном испытании разных к тому относящихся сведений и по соображении оных существенно в отношении владельцев и народа и дойдя до истины основательным порядком, тогда уже можно будет составить положительное заключение, в каковом предмете, однако ж, не так скоро можно успеть с достоверностию"³⁴.

16 апреля И.И.Попов получил донесение, подписанное четырьмя владельцами, четырьмя ламами, членами суда Зарго и зайсангами — участниками Зинзилинского собрания. В этом донесении от 13 апреля они отклоняют от себя обвинение в том, что их собрание "окончилось якобы несогласием и раздором", как пишет губернатор в своей бумаге к ним от 9 апреля. Никакого раздора и несогласия на собрании не было. "Наоборот, — пишут участники собрания, — с согласием, чистосердечием, ревностию и попечительностию о благе и пользе народной принялись мы за исправление своих законов, которые общими советами по мере познаний наших исправили и утвердили своими печатями и подписом. Но, к совершенному сожалению и огорчению нашему, при всех тщательных стараниях в удержании всех в единодушии и кротости открылись сердца, тлившие личною злобою и ненавистью у молодых и неопытных двух владельцев, Церен-Убуши и Очир-Занджин-Убуши, руководимых распутною их матерью, владелицею Бакбуш и прочими неблагомыслящими людьми. Хотя с самого начала собрания нашего и приметна была на лицах их порочная гордость, зависть и злоба, даже самое невнимание к милостивым попечениям благонамеренного правительства, но насколько возможность позволяла, старались благовидными образами советов и внушений удерживать их в границах дружества и согласия к общенародной пользе. Но, к несчастию нашему, они столь остались нечувствительны и непреклонны к нашим советам, что не только презре-

ли их, но даже искра разврата так сильно вкоренилась в сердца и умы их, что они не могли скрыть далее своей личности, без спроса и позволения главного пристава оставили место собрания и уехали ночью в Астрахань, отколь уже чрез посланных своих зайсангов Дамбу и Самтана распустили здесь в народе такую молву, что они не только весьма благосклонно приняты в. п-вом, но и уверены во всяком покровительстве в несправедливом их деле противу всех нас, желая тем посеять разврат и в нашем согласном обществе не для чего более, как только к прикрытию самовольства и непослушания своего и к помрачению понятия нашего о благоволении правительства". Не доверяя разным слухам, члены собрания надеялись, что губернатор отнесется к ним сочувственно, а тех владельцев, которые явились к нему с жалобой в Астрахань, вернет обратно и заставит продолжать участие в заседаниях собрания. Но вышло не то. "Мы, — пишут члены собрания, — к пуцему нашему сожалению, получили выговор, которого нимало не заслужили, и посему чувствуем себя и более обиженными. О чем объявляя в. п-ву во оправдание свое, честь имеем донести, что до сего времени между нами никакого расстройства и несогласия не было, но как были, так и есть мы все единодушны и согласны. А что владельцы Церен-Убуши и Очир Занджин-Убуши не понимают и не исполняют соизволения правительства и от нас отделились в Астрахань, поселяя теперь раздор в народе, тому мы нимало не виноваты. Да и если против чаяния нашего будут иметь в том некоторый успех, то также покорнейше просим и в том виновными нас не почитать, потому что мы с своей стороны, сколько возможность дозволяет, печемся и стараемся о благе, пользе, тишине и спокойствии народной; забыв на сей раз все личности, следуем во всем благонамеренным к нам милостям правительства, которые и пребудут памятником в душах наших потомственно. Поступки же владельцев Церен-Убуши и Очир-Занджин-Убуши предаем благорассмотрению в. п-ва, и если за всем тем заслуживают они более всех нас доверия, то мы истинно несчастны, потому что не последовали их примеру"³⁵.

22 апреля И.И.Попов послал доклад А.П.Ермолову о калмыцких делах. Сообщая о полученных донесениях от членов калмыцкого собрания, Попов говорит, что эти донесения "исполнены дерзкими выражениями и увертливостию", и автором их, "по всем вероятностям", является главный пристав Каханов; что же касается двух молодых владельцев, которых так осуждают члены собрания за их молодость, неопытность и неуважительное отношение к собранию, то "сии неопытные и развратные молодые владельцы, — пишет Попов, —

34. Там же, л. 81 и об.

35. Там же, лл. 111-112.

гораздо скромнее и уважительнее в своих выражениях даже и против тех самых, на кого жалуются. Я должен только присовокупить (очевидно, в виде комплимента молодым "благонамеренным" владельцам), что при двух личных свиданиях я советовал им отправиться в общее собрание, но они решительно отозвались, что им делать нечего, когда видят, что их голос не уважается, и при том слышат одни оскорбительные ругательства и угрозы". Главным виновником происходящих раздоров среди калмыцких владельцев губернатор по-прежнему считает Каханова. Он, "пользуясь невежеством и слабостью калмыцких владельцев, возмущает дух их неуважительными к начальству внушениями и, заставляя их подписывать токмо сочиняемые им дерзости, сам, — и то наконец уже, — под сею эгидою принял вид как бы попечительного исполнителя предписаний моих. Предлагаю на собственный суд ваш, могу ли по моим правилам, по привычке к духу военной субординации, смотреть равнодушно на подобную дерзость? — Я вынужден покорнейше просить вас, дабы для блага службы и самого спокойствия вверенной мне губернии повелели кому-либо из известных вам чиновников произвести строжайшее о поступках г.Каханова исследование и, предав его строгой законной ответственности, тем избавили меня от сего беспокойного и вредного чиновника, ибо я могу удостоверить в.в-ству, что до его прибытия со стороны калмыков все было совершенно спокойно и тихо, и я, кроме уважения и покорности к распоряжениям начальства, ни от одного владельца ничего иного не замечал". Наконец, губернатор не считает возможным оставить без взыскания и членов собрания. Он ставит им в вину в особенности последнюю их резкую бумагу. "Что касается до последнего дерзновенного поступка хотя невежественных, но не менее хитрых калмыцких владельцев, которые, как из многих дел я усматриваю, всегда готовы во всем извинять себя своим азиатством, весьма, впрочем, понимая излишнее к ним снисхождение правительства, то, — пишет Попов, — меру и образ взыскания с них, и особенно с Эрдентайши, которое нужно для примера другим, я предаю собственному в.в-ства благоизволению"³⁶.

В последних числах апреля А.В.Каханов приехал в Астрахань. Но на требование губернатора представить ему список калмыцкого Уложения, составленного на Зинзилинском собрании, Каханов отозвался невозможностью сделать это в скором времени, так как перевод калмыцкого текста на русский язык еще не закончен и самое дело составления Уложения еще не завершено. К выработанному Уложению, докладывал Каханов Попову 15 мая, требуется сделать

36. Там же, лл. 135 об. - 138.

дополнения применительно к местным особенностям в укладе калмыцкой жизни по разным улусам, для чего калмыцкие владельцы должны будут снова съехаться на собрание, где заслушают и мнения главного пристава по отдельным статьям Уложения. Теперь участники собрания уехали в свои летние кочевья, где их ждут дела по хозяйству³⁷. Из приложенной к рапорту Каханова записки на его имя от участников собрания видно, что пред отъездом своим они вновь рассматривали Уложение в общем собрании, нашли некоторые статьи Уложения "недостаточными" и исправили их "на особых бумагах с пополнением вдобавок к тому других статей, не вписанных в том Уложении, числом 46 пунктов", что и утвердили печатями и рукоприкладством. Считая со своей стороны дело законченным, участники собрания, однако, оговариваются: "Ежели в исправленном нами законоположении еще найдены будут какие-нибудь недостатки, требующие пополнения к пользе народа, то мы доверяем вашему (Каханова) рассуждению и рассмотрению с тем, чтоб благоволили в свое время нам показать"³⁸.

Собственно, в предписании Министерства иностранных дел Каханову о пересмотре калмыцкого Уложения не указывалось срока, в течение которого должна была быть выполнена работа по этому большому и весьма сложному делу. Но губернатор, как видно, рассуждал иначе. Он находил, что коль скоро Уложение рассмотрено владельцами, скреплено их подписями и утверждено печатями, а в руках Каханова имеется текст старого Уложения на русском языке, то Каханову нечего отговариваться разными предлогами и оттягивать подачу документов губернатору. — он должен сделать это немедленно³⁹. Очевидно, Попов и Каханов различно представляли себе задачу Зинзилинского собрания. Попов мыслил ее себе только как пересмотр старого калмыцкого Уложения с оценкой каждой статьи его ввиду изменившихся условий времени. Каханов же и члены Зинзилинского собрания мыслили свою работу как составление, в сущности, нового Уложения, диктуемые желанием обеспечить известную долю автономии за калмыцким народом и сохранить больше власти за владельцами, чем за русскими чиновниками. Попов рекомендовал Каханову "сознаться в ошибке" — признать данную им постановку дела на собрании неправильною. Он не отпускал Каханова в Калмыцкую степь под предлогом непредставления им Зинзилинского Уложения, но, кажется, держал его в Астрахани больше из-за опасения как бы

37. Там же, лл. 189-190.

38. Там же, лл. 192 и об.

39. Там же, л. 195 и об.

пребывание Каханова среди калмыков и дружба с Эрдени-тайши не подали повод к новым раздорам среди владельцев⁴⁰. Каханов не спешил представлять Уложение, ссылаясь на переобремененность очередной работою переводчика Горшкова, и настаивал на разрешении губернатором отъезда его из Астрахани в степь. "Чему я должен следовать, — спрашивал Каханов Попова рапортом от 23 мая, — данной мне от высшего начальства инструкции (постоянно находиться среди калмыцкого народа) или вашим повелениям?"⁴¹ Попов не внимал доводам Каханова и не отпускал его из Астрахани в степь. 29 августа и А.П.Ермолов потребовал от губернатора представить ему список нового калмыцкого Уложения. 10 сентября Попов ответил Ермолову, что "медленность в исполнении сего повеления происходит от уклонения главного калмыцкого пристава Каханова, который, за всем моим настоянием об исправлении русского перевода сего Уложения, до сего времени ко мне оно еще не представил, ссылаясь на неимение чиновников при Калмыцком управлении и времени по обширным его занятиям. Предписав еще ныне главному приставу о неотложном сего исполнении, я по получении и рассмотрении оно в то ж время представлю в в-ству с моим на все заключением"⁴².

Того же 29 августа А.П.Ермолов на основании полученного из Министерства иностранных дел указания предписал И.И.Попову разрешить отъезд Каханову в Калмыцкую степь и вступить в отправление его обязанностей⁴³. Теперь Попов уже не мог удерживать Каханова в Астрахани. Пред отпуском в степь он, однако, "изъяснил" Каханову, что "от поступков его будет зависеть совершенное спокойствие калмыцкого народа и что всякие расстройства и беспорядки останутся на непосредственной его ответственности". Соображая, что "источник" ожидаемых в степи "расстройств" и "беспорядков" продолжает находиться в Астрахани, Каханов 22 сентября из степи задает Попову коварный вопрос: "Не дошли ли (до губернатора) сведения о замыслах между кочующими насчет умножения или продолжения беспорядков?" А в это время как раз приехала в Астрахань владелица Бакбуш, мать владельца Очир-Занджин-Убуши, и остановилась сначала в доме капитана Потапова, а затем перешла на квартиру к грузину Семену Цимакуридзе⁴⁴.

Пожив некоторое время в Астрахани, Бакбуш возвратилась в степь, а вскоре вслед затем в степи произошли крупные события.

40. Там же, л. 210.

41. Там же, л. 199.

42. Там же, л. 208-209.

43. Там же, л. 210 и об.

44. АКА. Дело 1822 года, № 1054, вязка 133, Т.IV, л. 5 об.

Подвластные Бакбуш калмыки напали на владения Эрдени-тайши и захватили его аймачных калмыков с лошадьми; когда же Каханов поехал на обследование дела в улус Очира Халчукова, то в нескольких верстах от ставки владельца натолкнулся на целое калмыцкое войско в полной боевой готовности, с четырьмя знаменами, разделенное на три колонны, общию численностью в тысячу человек. "Избегая могущих случиться неприятностей, — пишет Каханов в докладе А.П.Ермолову от 31 октября, — я приказал канцелярии и экипажам поспешнее следовать назад, а сам со всеми бывшими при мне на лошадях прикрывал оные. Но как только поехали поспешнее, то толпа сих бунтовщиков бросилась за нами, оттерла нас, а канцелярию и экипажи с чиновниками захватили и тут же калмыка Меме, жестоко ранив, повергли на землю; прочие все со мной, видя неизбежную гибель от нападающих в великом множестве вооруженных и пьяных людей, приготовившихся к бою против незначительного числа не имеющих ни оружия (кроме бывших при владельце Джамбо-тайши нескольких человек с ружьями, препровождавших его по их обыкновению, но и оным от меня строго воспрещено было не делать ни одного выстрела), и ни намерения вступить с ними в бой, убегая, будучи преследуемы сими разбойниками, которые вооружены были пиками, дубинами, ружьями, кинжалами и приделанными более 40 верст. На сем пространстве переколото до 30 лошадей, а людей, на них бывших, изранили и избili жестоко, ограбив донага, с остальными ж до 10 человек, видя из них в дальнем расстоянии по флангу старающихся пресечь путь, продолжая мы оный более 50 верст, прибыв ночью в аймак, подвластный владельцу Эрдени, несколько дав отдохнуть лошадям, пустились далее, опасаясь от преследования необузданного народа, поощряемого к буйственным поступкам владелицей Бакбуш, дающей повод им к воровствам и грабежам". Отъехав еще верст за 40, Каханов почувствовал себя в безопасности. Прибывшие на другой день чиновники доложили Каханову о разгроме калмыками дел канцелярии и имущества, находившихся на экипажах, и сообщили, что нападавшими калмыками командовала сама владелица Бакбуш. По соображениям Каханова, нападение на него не было делом какою-нибудь простого случая, но оно заранее было подготовлено владелицею Бакбуш. Члены суда Зарго сообщили Каханову, что Бакбуш по возвращении из Астрахани уверяла калмыков, будто губернатор приказал ей захватить Каханова, избить и представить к нему, канцелярию разграбить, а все экипажи сжечь. Такой сенсационный слух распространился тогда по всей степи⁴⁵.

45. Там же, лл. 3-4.

Докладывая о происшествии А.П.Ермолову, Каханов просил его назначить для расследования этого дела особого чиновника, только не из числа астраханских или имеющих с ними родство, а человека постороннего⁴⁶. Однако почему-то просьба Каханова не была удовлетворена Ермоловым. Прошел год, в течение которого страсти заинтересованных сторон разгорелись еще больше, раздоры между владельцами увеличились, сам Каханов наделал ряд ошибок и запутался в делах, на него посыпались жалобы Ермолову, вследствие чего приказом Ермолова от 25 октября 1823 года он был удален от должности главного пристава калмыцкого народа "за разные беспорядки и расстройство, допущенные им в калмыцком народе", как сказано в официальной бумаге об удалении Каханова, с преданием суду⁴⁷. И только тогда чиновники Коломийцев и Кишкин были назначены Ермоловым произвести "строжайшее и беспристрастное исследование" происшествий в Калмыцкой степи⁴⁸. Неисправность Каханова по службе была доказана, и он поплатился увольнением от службы; но не удалось вполне оправдаться и главным врагам Каханова — владелице Бакбуш с сыном ее Очиром. Впрочем, Очир остался недоволен следствием Коломийцева и 18 марта 1824 года написал ему такое обидное письмо⁴⁹, что оба чиновника — Коломийцев и Кишкин нашли невозможным для себя дальнейшее производство следствия. 30 марта они послали прошение А.П.Ермолову об освобождении их от следовательских обязанностей, ввиду заявленного Очиром подозрения в их пристрастности⁵⁰.

Судебное следствие в Калмыцкой степи, производившееся в 1823 и 1824 годах, а также смерть 2 мая 1823 года Эрдени-тайши, самого главного деятеля по выработке калмыцкого Уложения, печально отразилось на судьбе работ Зинзилинского собрания. 11 марта 1825 года были опубликованы "Правила для управления калмыцким народом", касающиеся административного устройства и управления калмыков. Общего Уложения правила не затрагивали. В §§ 57 и 58 этих Правил говорилось лишь, что "все дела духовного и гражданского суда производятся и решаются по древнему калмыцкому Уложению, обычаям и обрядам. На сей конец законы сии, обычаи и обряды

46. Там же, л. 6 об.

47. АКА. Дело 1823 года № 1057, визка 134, л. 1.

48. АКА. Дело 1822 года № 1054, визка 133, Т. III, л. 147.

49. Там же, т. IV, лл. 51-52.

50. Там же, лл. 44-45. Судебное дело о Каханове тянулось еще несколько лет, а затем было прекращено, в 30-х годах XIX столетия А.В.Каханов жил в своем имении близ г.Енотаевска в соседстве с Багацохуровским улусом и, между прочим, успешно занимался оспопрививанием у калмыков. *Нефедьев Н.* Указ. соч. С. 129.

калмыцкие, быв приведены в известность, рассмотрены высшим начальством и утверждены, будут напечатаны на их языке с переводом и объявлены для всеобщего между сими инородцами сведения". Действительно, учрежденная в 1825 году Комиссия калмыцких дел составила свод древнего устава 1640 года с постановлениями Зинзилинского собрания 1822 года, причем исключила из проектировавшегося Уложения статьи старого устава, потерявшие силу, в особенности статьи по военным и уголовным делам, по которым калмыки стали подсудны русским законам. Составленный на этих основаниях "проект" нового калмыцкого Уложения был представлен Комиссией калмыцких дел высшему начальству в 1827 году вместе с замечаниями Комиссии на отдельные статьи Зинзилинских постановлений. Работа комиссии 1827 года не имела, однако, практических результатов. "Положения" об управлении калмыцким народом 1834 и 1847 годов тоже не касались общего калмыцкого Уложения, чем представлялась возможность калмыкам судиться и по русским общим законам, и по местным их обычаям и законам. На практике улусные суды Зарго лишены были возможности применять древние калмыцкие законы при разборе тяжёлых дел между калмыками вследствие того, что эти законы почти никому не были известны. Древние калмыцкие законы, этот "источник калмыцкой мудрости", как отзывается о них К.И.Костенков, только в конце 70-х годов прошедшего XIX столетия обратили на себя научное внимание проф. Ф.И.Леонтовича⁵¹, и в 1880 году он посвятил ему особое исследование⁵², оставляющее, впрочем, многие вопросы исторического и юридического характера не решёнными.

51. *Леонтович Ф.И.*, проф. Указ. соч. С. 31-34.

52. *Он же.* К истории права русских инородцев. Калмыцкое право. Часть 1. Одесса 1880. Вообще надо сказать, что даже при наличии ценных исследований проф. Ф.И.Леонтовича и проф. К.Ф.Голстунского калмыцкое право остается недостаточно разработанным в науке. Западным историкам права оно еще меньше известно, чем русским. По крайней мере, в капитальном труде: 1. Kohler und L. Wengler "Allgemein Rechtsgeschichte. 1914, Berlin und Leipzig. s. 55-56, — ему отведено всего несколько строк, причем здесь не обнаруживаются знакомства с результатами исследований проф. Леонтовича и Голстунского.

XVI. НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ ЗАМЕЧАНИЙ О ЗИНЗИЛИНСКИХ ПОСТАНОВЛЕНИЯХ

На Зинзилинском собрании калмыцких владельцев, духовенства, членов суда Зарго и зайсангов образовались две партии. Одна, преобладавшая, имела своими представителями Эрдени-тайши Тундутова и Сербеджапа Тюменева; другая партия, более слабая, возглавлялась владельцами Цереном-Убуши и Очиром-Занджин-Убуши Хапчуковым. Та и другая партии выработали свои проекты калмыцкого Уложения. Проект первой партии включал в себя 46 статей и первоначально был написан на 30 листах¹. На сколько статей разделялся второй проект и каков был размер его, по архивным данным не видно. Первый проект на самом собрании выдержал несколько редакций, причем разъезжавшиеся в мае 1822 года участники собрания в своем заявлении главному калмыцкому приставу А.В.Каханову указывали на возможность и новой редакции Уложения. В издании Зинзилинских постановлений проф. Ф.И.Леонтовичем Уложение разделено на 224 статьи, но так как некоторые статьи повторяются, то в действительности их оказывается всего 162 статьи. Проф. Леонтович высказывает догадку, что Зинзилинское уложение первоначально имело иную редакцию, отличную от той, какую оно получило "в обработке комиссии 1825 года"². Требуется, конечно, специальное исследование, чтобы установить эту первоначальную редакцию Зинзилинских постановлений. Но, принимая во внимание цифру статей, указываемую для Уложения участниками собрания — 46, можно думать, что они сочли необходимым сгруппировать в одно целое только те статьи, которые были выработаны ими самими, но не включили в свой сборник статьи Ойратского Устава 1640 года и статьи Уложения Дондук-Даши. Соединила все это вместе Комиссия 1825 года. В распоряжении Комиссии были и статьи Уложения,

1. См. выше, примеч. 37 и 38, с. 145

2. Леонтович Ф.И., проф. Указ. соч., С.172

выработанные другою партией на Зинзилинском собрании. Они фигурируют в издании проф. Ф.И.Леонтовича, как "мнения двух владельцев". Два владельца — это, очевидно, Очир-Занджин-Убуши Хапчуков и Церен-Убуши. С их именами в Уложении соединяется более 100 статей. Характерную черту этих "мнений" составляет заметная тенденция держаться старины, что не так заметно в статьях противной партии. Новые веяния, впрочем, отображаются и на них. Например, два владельца решительно высказываются против вмешательства духовенства в светские дела³, о чем, как мы видим, еще главный калмыцкий пристав Страхов поучал калмыцкое духовенство на собрании 1802 года⁴.

Интересно теперь установить, в чем же заключались принципиальные расхождения двух калмыцких партий, не позволившие им мирно обсуждать Уложение на Зинзилинском собрании? Прежде всего, надо признать, что хотя вторая партия — "партия двух владельцев" — сильно тяготела к старине, но и относительно первой, преобладающей партии нельзя сказать, что она совершенно порывала связь с стариной и предпочитала ей новые русские порядки. Правда, два владельца заподозривали своих противников в намерении изменить законы, которые действуют у калмыков уже 82 года, т.е. со времени хана Дондук-Даши, как они докладывали астраханскому губернатору И.И.Попову⁵. Но и сами они разумели эту "измену" не в смысле предпочтения русских порядков калмыцким. С другой стороны, два владельца при всей их консервативности в вопросе о роли духовенства в политической жизни народа далеко ушли вперед по сравнению с противниками, которые оказались в подчинении традиции. В чем же расхождения? На это лучше всего ответит нам исторический документ "Прошение калмыцкого народа, владельцев, начальников, духовенства и всего общества" во главе с владельцами Цереном-Убуши, Тапкою, Очиром-Занджин-Убуши Хапчуковым и проч. в числе 60 человек от 28 апреля 1822 года, поданное астраханскому губернатору И.И.Попову.

Прошение начинается исторической справкой относительно порядка в управлении калмыцким народом с момента, предшествовавшего побегу калмыков из России в 1771 году. "До побега калмыцкого наместника Убуши за границу число народа было более ста тысяч кибиток. Восемь главных родов имели право выбирать из среды своей одну почтенную особу для заседания в Зарго, составленном по числу

3. Там же. С. 176-178.

4. См. выше, примеч. 4 на стр. 120 и VIII отдел настоящего "Очерка".

5. АКА. Дело 1822 года, № 1049, вязка 132, л. 19.

родов из осьми членов для защиты и удовольствия обиженных, подсудимых и вообще каждого и всех. Судопроизводство, решение дел и самое народоправление имело свое течение по древним правилам и узаконениям нашим", — пишут просители. После ухода калмыков в 1771 году согласно повелению Екатерины II "правление наших дел из орды переведено было в Астрахань, где учрежден и суд Зарго не из восьми уже, а из трех только членов, определенных от оставшихся за побегом трех родов: Торгоутов, Хошеутов и Дербетей — по одному для того, что заседание осьми членов в Зарго не только было несовместно, но и обременительно народу, составляющему число не сто уже, а десять только тысяч кибиток; также по делам решения производились по древнему закону нашему и уложению, споры судей и несогласие в решении дел вносились на экспликацию к астраханскому г.губернатору и окончание свое имели по большинству голосов и по утверждению его, г.губернатора. Недовольные имели право простирать свои жалобы далее по установленному порядку, изображенному в высочайшем рескрипте, данном в 1771 году астраханскому губернатору Бекетову. В сие благополучное правление обиженных почти не было. Весь народ находился в устройстве и добром согласии. Но благоденствие наше вместе с разделением улусов на уезды здешней губернии прекратилось тем, что калмыки, лишась всего права, разбирались особливо каждый в судах своего уезда и, будучи под разноначалием, друг друга разоряли отгонами скота и нигде почти по наведению порядка и закона удовольствия не находили. Сии неудобства заставили начальство, пекущееся о благоденствии, совокупить народ и по высочайшей воле учредить в Астрахани Калмыцкое правление, которое старалось несколько утвердить прежний вид и порядок, но расстроить вы успели — переменить и сего правления силу и действие тем, что Дербетовский улус, возмущаясь переходами своими с астраханских земель на донские и с донских на астраханские, в 1800 году побудил верховное правительство вызвать от Дербета депутатов к высочайшему двору для узнания причины расстройства". Далее в прошении рассказывается об учреждении должности главного пристава калмыцкого народа, о восстановлении суда Зарго из восьми членов и о пожаловании Дербетовского владельца Чучей званием наместника. Чучей "по принятии на себя сего титула служил не пользе народа, — говорят просители, — а бременем, производя всякие угнетения и насилия, восстановил противу себя всех почти владельцев, принужденных приносить на него вышнему начальству свои жалобы, прекращенные уже его смертью. Суд Зарго по учреждению должен быть в средоточии калмыцкого народа, (но он) находится по неизвестным нам причинам, особенно в Дербетовском улусе, кочующем в стороне Дона, расстоянием до 400 верст и более от Волги и Мочагов, где жительство имеют всех улусов бедные

калмыки, которые, не имея у себя почти скота, не находят и средств о нуждах своих и обидах доносить Заргу. Нередко бываемые споры и разногласия между судьями, неправоудие и медленность в решении ввергают многих подсудимых в разорение, и мало кто из обиженных находит защиту по делам своим и у главных приставов. Все сии в правлении бывшие перемены народ наш лично испытал и из всех находит для себя лучшим, спокойным и к продолжению благоденственной жизни полезным учреждение по побеге наместника Убуши при Астрахани от трех родов из трех зайсангов суда Зарго. Мы, калмыцкие владельцы, духовные начальники, зайсанги и почтенные старики, всем обществом приняли смелость покорнейше просить — оказать нам великое милосердие оставлением нас на вышеописанном, учрежденном по высочайшему именному повелению положении". В качестве веского аргумента просители выставляют еще и то, что с подобною же просьбою обращались к начальству в 1802 году владельцы майор Тюмень Мукусень-Санджи-Убуши, Нахоин Кюбень, Цагалай и другие "калмыцкие вельможи, желавшие быть в непосредственной зависимости от местного начальства и в подсудимости суда Зарго, от трех родов из трех членов составленного", и ту же просьбу повторили многие владельцы и зайсанги в 1816 году. Прошение заканчивается такими словами: "По уважению сей покорнейшей просьбы нашей, если благоугодно будет учредить Зарго в Астрахани под непосредственным вашим (т.е. губернаторским) начальством, то мы надеемся без всякого сомнения восстановить прежнее наше благополучие, и, будучи под руководством вашим, уверены мы, что и Уложение калмыцкое, по воле правительства вновь нами составленное, примет лучшее действие к защите людей, бременем бедствий угнетенных, и, простирая сень свою на счастливую жизнь всего вообще верноподданного е.и.в-ства калмыцкого народа, утвердит вечно ненарушимое блаженство"⁶.

Из приведенного документа видно, что партия "двух владельцев" добивалась сосредоточения власти над калмыцким народом в суде Зарго, составленном из трех членов под высшим руководством астраханского губернатора, и находила необходимым учреждение суда Зарго в Астрахани, в резиденции губернатора. Другая же, преобладавшая на Зинзилинском собрании партия, которая хотела удержать Зарго в степи, в местах кочевья Дербетовского улуса, и мыслила Зарго большим учреждением в составе восьми членов, — эта партия стремилась к освобождению от губернаторской зависимости в суде и администрации. Естественным шагом отсюда было восстанов-

6. Там же, лл. 172-175.

ление наместничества и даже — ханства. Расхождение между двумя партиями оказывалось глубокое, и недаром партия "двух владельцев" выставила правление наместника Чучея в непривлекательном свете, аттестуя это правление как "бремя" для калмыцкого народа. Этим партия хотела сказать, что она предпочитает национальной калмыцкой власти наместника и хана русскую власть, хотя и мыслит участие этой власти в управлении калмыцким народом больше как наблюдение за неуклонным действием и исполнением собственных калмыцких законов, чрез посредство суда Зарго в упрощенном его виде.

XVII. ОСОБЕННОСТИ ЗИНЗИЛИНСКИХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО СРАВНЕНИЮ С УЛОЖЕНИЕМ 1640 ГОДА И ЗАКОНАМИ ДОНДОК-ДАШИ

Зинзилинские постановления базируются на Уложении 1640 года и на законах Дондок-Даши¹. Но с изменением условий времени и с утратой калмыцким народом политической, а отчасти и административной автономии в Зинзилинские постановления не вошли черты, характеризующие как старый военно-дружинный строй ойратских рядов, основанный на хищничестве, так равно и тот порядок, по которому целые племена соединялись в один общий политический союз Ойратства. Древнее Ойратство заменяется в новые времена институтом "Ойридов", т.е. союза более мелких племенных групп, лишенных широкого политического значения и нуждающихся в регламентации внутренних бытовых отношений, но не в нормах внешнего политического объединения. Калмыцкий народ подчинился общегосударственной русской власти: за ним осталась только местная автономия и сохранен был суд по племенному праву; притом — в гражданских, но не уголовных процессах. Отсюда Зинзилинские постановления исключают из своего кодекса военные законы и законы, касающиеся главнейших уголовных дел. Что касается до основных начал общественного и правового быта, то новое калмыцкое Уложение частью сохраняет в неизменном виде статьи старого Уложения, частью же перерабатывает их и даже изменяет под влиянием русского права. Из старого Уложения в Зинзилинских постановлениях оставлена без всякого изменения в общем счете 61 статья. Здесь удержаны, например, законы, запрещающие шаманские обряды (139-140), законы относительно членовредительства и выдирания бороды и уса (98, 102), законы о преступлениях семейных и противонравст-

¹. После исследования проф. К.Ф.Голстунского (цит. выше примеч. 2. С.36, законы Дондок-Даши надо видеть в тех статьях кодекса, которые проф. Ф.И.Леонтович назвал местными законами Дербетовского улуса. Указ. соч. С.167-168.

венных (54, 92, 94, 106) и законы о преступлениях имущественных, [таких] как кража (17, 106, 123, 135) и порча вещей (97, 116, 117). Удержаны в Зинзилинских постановлениях и те законы, которые коренятся в духе гуманных воззрений буддизма и, как таковые, сохраняют силу обязательных религиозно-правовых догм: сюда относятся правила о наградах за спасение погибающих на пожаре или в воде — людей, скота и имущества, за спасение ребенка, которого будет бить лошадь, за отбой скота у воров, за излечение больных и за помощь жаждущему (83-86, 110, 114-115, 144, 163). В Зинзилинских постановлениях сохранена во всей силе и прежняя система организации родовых союзов, с прежними разрядами привилегированных и служебных сословий, с прежней системой общественных повинностей, в особенности ямской и постоянной (20, 24, 31-32, 35, 124) и с старой системой степной полиции (80, 155, 157). Оказались в большинстве случаев неизменными и только иногда дополненными прежние законы, регламентирующие хозяйственный быт калмыков — скотоводство и охоту, как главные их занятия (37, 63, 91, 93, 107, 108, 118-119, 121, 128-133, 143, 145, 149). Остались в полной силе старые статьи о брачных отношениях — о сговоре, приданом и пр. (46, 49-51, 146), а также статьи по процессу — о следе, показаниях свидетелей — рабов и пр. (120, 122, 127, 148).

Что касается до изменений и переработки статей старого Уложения, то в этом случае наибольший интерес представляет система наказаний, принятая в Зинзилинских постановлениях. Так, значительно сокращены здесь имущественные штрафы скотом, что стоит, конечно, в связи с сокращением скотоводства у калмыков в новые времена по сравнению с прежними и еще с тем, что штрафы имущественного характера стали заменяться телесными наказаниями, которых Ойратское Уложение 1640 года не знало и которые по законам Дондок-Даши применялись в незначительной мере и в редких случаях. Теперь при судебной расправе вводятся в действие кнут и плеть, заимствованные калмыками у русских. Широко практикуются осрамительные наказания, как клеймение, пощечина, обнажение при собрании народа, вождение обнаженных вокруг владельческой ставки и посажение на "кобылу". Эти наказания тоже взяты из русского суда. Появляется палач как особый исполнитель приговоров суда, когда тот назначает телесные наказания. Проф. Ф.И.Леонтович считает изменение в учении о наказаниях главной особенностью Зинзилинских постановлений; все прочие изменения в статьях законов имеют более редакционный характер и мало касаются самой сущности институтов. Вообще "новые" правила, которые Зинзилинское собрание предлагало ввести в состав проектировавшегося Уложения калмыков, в существе вещи не представляли ничего нового, но воспроиз-

водили лишь то, что издавна существовало на деле в виде народных обычаев"²

Однако нельзя не подметить, что новые законы как бы подчеркивают нужду в исправлении таких сторон калмыцкой жизни, которые особенно бросались в глаза своею неприглядностью. Сюда, например, надо отнести пороки духовенства. Разнузданность служителей культа и их злоупотребления на почве народной темноты, констатируемые новыми законами, дали, как известно, большой материал сенатору Ф.И.Энгелю при ревизии Калмыцкой степи в 1827 году и побудили правительство в 1834 году заняться устройством духовной части у калмыков³. Затем — непросвещенность народа. Ее вполне сознают участники Зинзилинского собрания. В целях уничтожения народного невежества они устанавливают, чтобы "каждый из простонародья" учился монгольской грамоте, и назначают штраф "на призрение бедных" с того, кто не научится грамоте. Как ни слаба предположенная мера уничтожить народную темноту одною монгольскою грамотою, все же важно, что сознание нужды в просвещении народа оказалось присуще Зинзилинскому собранию, как не чуждо было это сознание и законодательному собранию при Дондок-Даши. Здесь можно будет заметить, что в январе 1822 года хошеутовский владелец Сербеджап Тюменев и дербетовский владелец Эрдени-тайши, виднейшие члены Зинзилинского собрания, пожертвовали 750 рублей с специальным назначением "на усовершенствование калмыцкого училища". По поводу этого денежного пожертвования Министерство иностранных дел вошло в переговоры с Министерством народного просвещения "о средствах к основательнейшему образованию детей и способных чиновников вообще на службу в калмыцком штате"⁴. Нельзя не указать, наконец, и на стремление Зинзилинского собрания ограничить владельческий произвол. Не расставаясь с взглядом на высокопривилегированное положение владельческого класса, собрание в одной из своих статей (27), повторенной трижды в сборнике постановлений (27, 105 и 134), между прочим, говорит: "Кто из владельцев без суда сделает обыск или нечаянную драку, или отнимать будет подводы, такого хотя бы кто и побил, не штрафовать; ибо поступки сии званию владельца непристойны, следовательно — сам себя обвиняет"⁵.

2. Леонтович Ф.И., проф. Указ. соч. С. 165 и 157-164.

3. Юштин Ф.М. Указ. соч. С. 29 и дал.

4. АКА. Дело 1823 года, № 1057, вязка 134, л. 214 об. и л. 228 об. Открытие Калмыцкого училища в Астрахани последовало в 1847 году.

5. Леонтович Ф.И., проф. Указ. соч. С. 28.

Последовавшая в 1892 году отмена власти нойонов и зайсангов над калмыцким народом в смысле освобождения его от так называемых обязательных отношений к владельцам, выражавшихся в уплате "албана", послужила калмыцкому народу преддверием к новой социально-экономической жизни, ибо ставила его в уровень с остальными русскими свободными сельскими гражданами⁶. К той же новой жизни, притом на началах общечеловеческой культуры, направляет его и совершающийся теперь переход от кочевого быта к оседлому. Трудно гадать, в какие формы отольется уклад жизни калмыков при новых условиях в ближайшее время, и придется ли юристам когда-либо обращаться за справками к Ойратскому Уставу взысканий 1640 года, законам Дондок-Даши и к Зинзилинским постановлениям. Но, во всяком случае, эти юридические памятники, как составляющие в значительной мере продукт самобытного творчества калмыков, для историка, изучающего быт калмыцкого народа, дают материал первостепенной научной ценности.

8 ноября 1921 г.
Астрахань

6. Прозрителев Г.Н. Указ. соч. С. 41-45.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово об авторе (Предисловие ко 2-му изданию)	5
Предисловие	27
I. Приход калмыков в Астраханские степи из Джунгарии в XVII веке.	30
II. Монголо-Ойратский Устав взысканий 1640 года.	36
III. Правители калмыцкого народа до времен Аюки.	41
IV. Хан Аюка.	46
V. Церен-Дондок хан.	63
VI. Дондок-Омбо хан.	67
VII. Дондок-Даши хан.	75
VIII. Законы, изданные при Дондок-Даши.	81
IX. Убуши, наместник Калмыцкого ханства.	85
X. Уход большей части калмыков из России под власть Китая в 1771 году.	92
XI. Попытки оставшихся в России калмыков удалиться к сородичам в Китай	106
XII. Положение калмыцкого народа после 1771 года и важнейшие события в его жизни до утверждения владельца Чучея Тундутова наместником калмыцкого народа.	114
XIII. Чучей Тундутов, наместник калмыцкого народа.	118
XIV. Реформы в управлении калмыцким народом по смерти наместника Чучея.	123
XV. Зинзилинское собрание 1822 года.	129
XVI. Несколько общих замечаний о Зинзилинских постановлениях.	150
XVII. Особенности Зинзилинских постановлений по сравнению с Уставом взысканий (Уложением) 1640 года и законами Дондок-Даши.	155

Монография
Пальмов Николай Николаевич

**ОЧЕРК ИСТОРИИ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА
ЗА ВРЕМЯ ЕГО ПРЕБЫВАНИЯ В ПРЕДЕЛАХ РОССИИ**

Редактор А.В.Задорожная
Художник В.И.Пуринов
Технический редактор К.П.Белова

ИБ № 1416

Сдано в набор 20. 09. 92. Подписано в печать 22. 10. 92.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная № 2.
Гарнитура Балтика. Печать офсетная.
Усл.печ. л. 9,3. Усл. кр.-отт.9,3.
Уч.-изд.л. 9,65. Тираж 3000 экз.
Заказ 2832. "С" 026.

Калмыцкое книжное издательство,
358000, г. Элиста, ул. Революционная, 8.
Полиграфическое предприятие "Джангар",
Госкомпечати и информации Республики Калмыкия — Хальмг Тангч
358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245

Пальмов Н.Н.

П146 Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. — 2-е изд. — /Предисловие Л.С. Бурчиновой. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. — 160 с.

ISBN 5-7539-0195-6

Калмыцкое книжное издательство продолжает серию "Наше наследие" выпуском известного труда Н.Н.Пальмова, вышедшего впервые в 1922 году и с тех пор не переиздававшегося. Введение в работу автором большого числа печатных и архивных материалов обеспечило ей непреходящую ценность. Пальмов был единственным специалистом-историком, работавшим в то время в Калмыцкой автономной области.

П 0503020900 — 026 — 7-92
М 126 (03) — 92

ББК 63.3(2Р-6Ка)